Спустя тридцать лет после встречи двух алкоголиков в Акроне, эта огромная толпа на Международном Собрании АА в Торонто, Онтарио, хором произносила слова, выражающие рост духа международного АА с тех времен до наших дней: «Я отвечаю за это. Если кто‑то где‑то в беде, и ему нужна наша помощь — АА всегда будет рядом, и я отвечаю за это» (предыдущие страницы).

Доктор Боб и славные ветераны

Биография с воспоминаниями первых участников АА на Среднем Западе

Биография с восспоминаниями о первых годах АА на Среднем Западе

1980
Alcoholics Anonymous World Services, Inc., New York, N. Y.
Copiright © 1980 by
Alcoholics Anonymous World Services, Inc.
All rights reserved

First printing 1980
Second printing 1980
Первое издание русского перевода 2008

Material from the A. A. Grapevine (see “Sources”, page 349) is copyrighted ©
by The A. A. Grhere with permission.

This is A. A. General Service Conference‑approved literature

Library of Congress Catalog Card № 80–65962

ISBN 0–916856–07–0

Отпечатано в России

Предисловие

Подготовка этой книги началась после конференции Центрального Бюро Обслуживания АА в апреле 1977 года, одобрившей этот проект. Сначала планировалось объединить в одной книге биографии двух сооснователей сообщества. Когда это оказалось невыполнимым, стало очевидным, что первой должна быть написана биография Доктора Боба, затем биография Билла У.

Детство и юность Доктора Боба пришлись на конец XIX века. Однако, несмотря на тщательные исследования, в этот период встречаются целые месяцы и годы, о которых имеются лишь самые незначительные сведения, основанные на воспоминаниях всего нескольких мужчин и женщин. Не драматичные сами по себе, эти сведения, тем не менее, помогают лучше понять некоторые черты характера человека, который впоследствии стал одним из создателей сообщества Анонимных Алкоголиков.

Что касается периода взрослой жизни Доктора Боба, — сначала употребляющего, а затем выздоравливающего алкоголика, — материал намного богаче.

По мере исследований, книга претерпела естественный рост от биографии одного человека до истории становления АА на Среднем Западе. Наш сооснователь был таким же

алкоголиком, как и любой другой АА–евец: без сообщества и его программы, его жизнь была бы лишь короткой историей с трагическим концом.

Обе истории — биография человека и биография сообщества — раскрываются не только благодаря литературе и материалам архивов Центрального Офиса АА в Нью–Йорке, но и благодаря рассказам родственников, друзей и знакомых доктора Боба, а также пионеров АА Среднего Запада. География рассказчиков не ограничивается штатом Огайо и родным для доктора Боба штатом Вермонт, а охватывает также Калифорнию, Округ Колумбия, Флориду, Северную Каролину, Нью–Йорк и Техас. Раздел «Источники» (стр.349), выполняющий одновременно роль примечаний и библиографического указателя, содержит сведения об источниках и доступности использованных материалов.

Проведенные интервью собрали материала намного больше, чем смогло поместиться в одну книгу, но все материалы и записи сохранены в архивах АА. Всем, кто поделились своими воспоминаниями, Сообщество хранит свою благодарность.

I. Детство и годы в колледже

Роберт Холбрук Смит — впоследствии с любовью называемый алкоголиками доктором Бобом, сооснователь Анонимных Алкоголиков — родился 8 августа 1879 года, в передней спальне большого деревянного дома постройки XIX века, на пересечении улиц Центральной и Саммер в городке Сент Джонсбери, штат Вермонт.

Он родился в семье Судьи Вальтера Перрина Смита. Специализируясь в гражданском праве, судья Смит вел в Каледонском районном Суде штата Вермонт дела о завещаниях и наследствах. В разные годы он был также адвокатом штата, членом законодательного собрания, попечителем школ в Сент Джонсбери, директором

Национального Торгового Банка и президентом Сберегательного Банка Пассамспик. Кроме того, на протяжении 40 лет он преподавал в Воскресной школе.

Доктор Боб, который редко обсуждал семейное прошлое, описывал своего отца, как типичного Вермонтского «янки» — замкнутого и молчаливого при первом знакомстве, с живым, но немного суховатым чувством юмора.

Много лет спустя, сын Доктора Боба, Роберт Р. Смит (по прозвищу «Смитти») рассказывал о своем отце почти теми же словами: «При первой встрече он был очень замкнутым и официальным в общении, но когда вы становились его другом, он открывался вам личностью практически противоположной — дружеской, щедрой, полной юмора» — говорил Смитти.

Под суровой внешностью Судьи Смита скрывалась большая доля теплоты и сострадания, пожалуй, даже с оттенком терпимости и снисхождения к своему единственному сыну. Конечно, он делал попытки понять и контролировать болезнь, которая угрожала жизни и работе Боба. Много раз, с переменным успехом, он пытался спасти Боба от его пьянства. К сожалению, Судья Смит, который умер в 1918 году, не дожил до того момента, когда он мог бы увидеть, как Боб обрел постоянную трезвость.

Миссис Смит, которая еще была жива, когда доктор Боб обрел трезвость, описывают как строгую, набожную леди с плотно сжатыми губами, которая занимала себя бесконечной общественной и религиозной деятельностью в серой каменной Северной Конгрегационалистской[1] Церкви, возвышавшейся над Сент Джонсбери.

«Бабушка Смит была холодной женщиной — вспоминала Сюзанна Уиндоуз, приемная дочь Доктора Боба. — Однажды она пришла домой, а мы все болели гриппом. Вместо того, чтобы поухаживать за нами, она тоже улеглась в кровать!»

---

[1] Конгрегационалистская (Congregational) — название ветки Протестанской церкви (*пер* .).

Миссис Смит считала, что путь к успешной карьере и спасению души лежит через родительский надзор, серьезное образование и неустанное религиозное рвение.

«Мама (Анна Рипли Смит) винила ее в пьянстве отца, — говорит Сью (Сюзанна), — она чувствовала, что суровое воспитание чуть не погубило его. При первой возможности он просто вырвался на свободу».

Позади беззаботное детство в Вермонте, впереди карьера врача, молодой доктор Боб уже делает вторую карьеру — алкоголика

Доктор Боб (а он, как мы знаем, был не из тех, кто «испортит себе жизнь фрейдистскими комплексами») выражался проще: «Я просто любил свой грог». Но, оглядываясь назад, и он видел определенное и достаточно сильное влияние на него в детстве.

Хотя он рос с любимой старшей приемной сестрой, Амандой Нортрап, он воспитывался так, словно был единственным ребенком в семье. В свои более зрелые годы доктор Боб называл это несчастьем, потому что такое воспитание могло «породить эгоизм, сыгравший столь важную роль в развитии моего алкоголизма».

И он действительно нашел одну из причин своего будущего бунта: «С детства и до старших классов меня так или иначе принуждали посещать церковь, воскресную школу, вечернюю службу, всенощные воскресные бдения, а иногда еще и вечерние молитвенные собрания по средам — вспоминал он. — В результате я решил, что стоит мне лишь освободиться от родительской опеки, и я никогда больше не переступлю порог церкви». Доктор Боб твердо придерживался этого решения последующие 40 лет, кроме

тех случаев, когда обстоятельства вынуждали его.

Другая форма бунта проявилась еще в раннем детстве. Каждый вечер юного Боба отсылали спать в 5 часов. Он шел с такой тихой покорностью, которая могла бы заставить некоторых родителей заподозрить самое худшее. Когда Боб думал, что «берег чист», он вставал, одевался, украдкой выскальзывал вниз по лестнице, потом через заднюю дверь наружу, и присоединялся к своим друзьям. Его ни разу не поймали.

С 1885 по 1894 Боб посещал двухэтажную, красного кирпича начальную школу на Летней улице, в двух кварталах от дома Смитов в Джонсбери. Находящийся по течению реки Пассампсик, в северо–восточной части штата Вермонт, Сент Джонсбери был, да и остается типичной деревней Новой Англии, с населением около 7000 человек в те времена, и всего лишь около 8400 к 1970–ым годам. Он находится приблизительно в 100 милях к северо–востоку от Дорсета, штат Вермонт, где Билл Уилсон, будущий партнер Доктора Боба по созданию АА, родился, вырос, и где теперь похоронен.

Доктор Боб описывал общие моральные нормы в Сент Джонсбери как «намного выше средних». И употребление алкоголя считалось вопросом нравственности. Ни пива, ни спиртного в округе не продавали, если не считать принадлежавшего властям штата магазина, где, наверное, можно было раздобыть пинту спиртного, если удавалось убедить продавца в том, что это очень уж нужно.

«Без должных аргументов, — говорил доктор Боб, — страждущий покупатель был обречен уйти ни с чем, то есть без того зелья, которое я впоследствии стал считать панацеей от всех человеческих бед».

А что же насчет тех, кто пытался обойти дух, если не букву закона? «На людей, которые заказывали спиртное экспрессом из Бостона или Нью–Йорка, большинство добропорядочных горожан смотрело с большим недоверием и

осуждением» — говорил доктор Боб.

Но некоторые горожане имели местные источники поставки. Юный Боб сделал свой первый глоток в один летний день, когда ему только исполнилось девять лет. Он был на соседней ферме, помогая рабочим укладывать сено. Выходя на улицу, он обнаружил кувшин крепкого сидра, спрятанный одним из рабочих фермы в углу конюшни.

Он вытащил пробку и понюхал. Он задохнулся, на глазах выступили слезы. Крепко! И все же он выпил — скорее потому, что это было запрещено, чем по какой‑то иной причине.

Ему понравился вкус, но очевидно, что в тот момент он был свободен «выпить или отказаться», поскольку в его воспоминаниях отсутствует какое‑либо упоминание о дальнейших выпивках в течение почти десяти лет после этого первого случая.

В юные годы Боб использовал и другие способы увиливать от дисциплины. С раннего детства он любил выйти на открытый воздух из спертого воздуха школы, в которую его заставляли ходить каждый день, пока не наступало лето. Каникулы приносили свободу. Тогда Боба отпускали гулять, ловить рыбу, охотиться и купаться.

Он был очень привязан (и сохранил эту привязанность на всю жизнь) к своей приемной сестре, и каникулы давали ему возможность больше времени проводить с Амандой. Они вместе устраивали пикники, бродили пешком и плавали. Они провели много часов за постройкой собственной лодки, а затем плавали на ней по озеру Чамплейн, расположенному недалеко от летнего коттеджа Смитов, на границе штатов Вермонт и Нью–Йорк. После одного из визитов Смитов Аманда, которая позже стала профессором истории в Хантер Колледже в Нью–Йорке, получила от десятилетнего Боба следующее послание на линованной бумаге:

Сент Джонсбери, Вермонт

Май 4, 1890

Дорогая Мисс Нортрап

Я собирался написать тебе каждый день но откладывал до настоящего момента. Большое спасибо за посылку мне фотографий и книги. Книга мне очень понравилась и я надеюсь что ты ее прочитаешь когда приедешь сюда. Я был у Мистера Харрингтона и играл с собакой Ровер. У них есть теленок и он сказал что продаст мне его за доллар. Мама говорит что только бычка нам еще не хватало. Я ходил на рыбалку в среду и поймал около десяти рыб и ящерицу. Ящерицу я посадил в кастрюлю с водой и собираюсь поместить ее в спирт. Па купил мне новую уздечку и попону для седла и я езжу верхом каждый день. Мне это очень нравится. Приезжай сюда как только сможешь.

С большой любовью

Роберт Х. Смит [2]

(Даже во взрослом возрасте доктор Боб не стал хорошим корреспондентом. Его письма к Биллу Уилсону были на одной страничке, короткими, и обычно о чем‑то конкретном, со словами, написанными каракулями поперек листа).

Во время этих каникул Боб стал умелым пловцом, и однажды спас тонущую девочку. (Это убедило его, что дети должны учиться плавать в раннем возрасте. Он научил Смитти и Сью плавать когда им было пять лет. У них троих было заведено в дни летнего отпуска каждое утро плавать на канале около их летнего коттеджа в Западном Карьере, Акрон, штат Огайо. Однажды, введенный в заблуждение этим зрелищем, встревоженный сосед позвал Анну Смит и сказал

---

[2] В тексте письма–оригинала отсутствуют все знаки препинания, кроме точек, например, отсутствуют все запятые. Перевод дан таким же. См. также след. параграф по поводу литературных способностей Боба (*пер* .).

ей, что ее дети выпали из лодки посередине канала.)

По мере того, как мальчик взрослел, он путешествовал все дальше от дома. Однажды он с друзьями отправился в Канаду на охоту. Дичи было так мало, что они три недели питались угрями, черникой и песочным печеньем. Наконец они вспугнули крупного лесного сурка. Когда сурок оказался на расстоянии выстрела, они открыли по нему непрерывную стрельбу.

При звуках выстрелов сурок исчез в своей норе. Судья Смит позднее заметил, что сурок скорее всего спрятался, испугавшись шума.

В другой раз мальчики бродили по лесу. Гуляя, они пинали камни, смеялись и шутили, и вдруг натолкнулись на огромного медведя. Медведь, напуганный наверное больше самих мальчиков, стал тяжело и шумно уходить в лесную чащу. Молодые охотники стали преследовать его, громко крича и подбадривая друг друга. Тем не менее, медведю удалось уйти. «Правда, я не думаю, что мы гнались за ним так быстро, как только могли» — рассказывает доктор Боб.

Детство сменилось юностью, каникулы стали короче. Подростком Боб проводил лето, работая на ферме в Вермонте, или разнося подносы и таская чемоданы в качестве посыльного в летнем отеле в горах Адирондак штата Нью–Йорк.

В 1894 году в возрасте пятнадцати лет, он поступил в Академию в Сент Джонсбери. Выросшая к сегодняшнему дню в комплекс из десяти зданий, академия была основана на средства благотворительности компании “Фэрбенкс Морс” как независимая средняя школа «для интеллектуального, морального и религиозного воспитания мальчиков и девочек в северо–восточном Вермонте». Одним из ее учеников был Кэлвин Кулидж, 30–ый Президент Соединенных Штатов.

Позднее Боб пристрастился к чтению, в школьные же годы он редко открывал книгу. Родители и учителя обвиняли его в «своенравии». Тем не менее, ему удавалось получать не

только удовлетворительные, но и хорошие оценки.

Если пренебрежение к учебе дискредитировало его в глазах взрослых, то среди своих школьных друзей Боб был популярен. Возможно, его в чем‑то рискованные восстания против авторитетов придавали ему романтический ореол. Может быть, его современники чувствовали в нем какие‑то особенные свойства характера, непонятные взрослым. Или, может быть, он просто был хорошим парнем, которого любили. В чем бы ни была привлекательность, у него было много друзей, и тогда, и в течение всей его жизни.

Это было в последний год его учебы в Сент Джонсбери — на танцах в гимнастическом зале академии доктор Боб впервые встретил Анну Робертсон Рипли из Оак Парка, штат Иллинойс. Учась в Уэллесли, Анна проводила праздники у своей подруги по колледжу.

Она была маленькой и довольно сдержанной, но обладала веселой живостью, милым обаянием и спокойствием, которые сохранились у нее и через годы. Она воспитывалась в семье служащих железной дороги, где она ни в чем не нуждалась, хотя денег в те времена у них было немного. Анна, которая питала отвращение к хвастовству и притворству, всегда отмечала, что она училась в Уэллесли, получая стипендию, иначе у ее семьи не было средств послать ее на обучение.

Встреча Боба с Анной стала началом романа, который трудно было бы назвать бурным ухаживанием; кульминацией стал их брак 17 лет спустя. Сейчас никто не может быть абсолютно уверен в причине этой задержки. Впереди у Боба были годы учебы, работы и практики в госпитале. Возможно, что и у Анны был понятный страх вступить в брак с пьющим человеком. Может быть, она ждала, чтобы Боб не пил какое‑то время, прежде чем она согласится выйти за него замуж. Однако, они регулярно виделись и переписывались в течение всего времени, которое Анна преподавала в школе.

После окончания Академии в Сент Джонсбери в

1898 году, Боб отправился на четыре года в Дартмутский Колледж, в шестидесяти милях к югу, в Ганновере, штат Нью–Гемпшир.

На фотографии в ежегодном альбоме колледжа Боб выглядит молодым человеком с мужественными, классическими чертами, который мог бы сниматься для рекламы воротничков фирмы «Эрроу» — образец мужской внешности начала XX столетия. Боб был больше 180 сантиметров ростом, крепкого телосложения с широкими атлетическими плечами.

Говоря о Докторе Бобе более поздних лет, несколько человек вспоминали, что с первого взгляда их поражали его руки, выглядевшие необычайно большими и сильными — они казались слишком неуклюжими, чтобы справляться с деликатными хирургическими операциями. А очки в роговой оправе не могли скрыть проницательного взгляда.

У доктора Боба был глубокий и звучный голос, который никогда не терял своего гнусавого новоанглийского выговора,[3] но несомненно становившийся тем более хриплым и дребезжащим, чем больше было выпито виски.

Эмма К., которая, вместе со своим мужем Левеллом (членом АА) заботилась о докторе Бобе и Анне Смит в их последние годы, на Адмор Авеню в Акроне, штат Огайо, описывала Доктора Боба как «человека с восточного побережья. Никто не мог понять что он сказал в половине случаев.

Когда я говорю “а–ант”, — обычно говорил он мне, — не говорите “ант”. Это то, что ползает по земле. Говорите “ааа–нт”. Представьте себе выговорить “ааа–нт”.[4] Или он был на телефоне и что‑то заказывал. Когда он заканчивал, он оборачивался ко мне, смеялся и говорил — я не могу это

---

[3] Имеется в виду восточное побережье США, т. е. Новая Англия (*пер* .).

[4] «Тетя» (а–ант) и «муравей» (ант) имеют сходное заучание в англ. языке. Слова (ааа–нт) в англ. языке вообще нет (*пер* .).

выговорить — но он говорил: “Доктаа Аа Смит, улица Аадмау, дом 855. Нет, я сказал Аадмау — А–аадмоаа!”»

В те годы, когда доктор Боб жил в Дартмуте, акцент выходца из Новой Англии, конечно, вряд ли ему мешал. Он с головой погрузился в жизнь колледжа. Свободу от строгого родительского надзора он рассматривал как время поиска новых удовольствий и наслаждения новыми возможностями без необходимости отчитываться за это.

Дартмут имел славу грубой провициальной школы, в которой около восьмисот студентов проводили длинные зимы, забросив учебники, выпивая столько пива и крепкого сидра, сколько в них влезало. При этом бунтарями и повесами в этом «диком колледже, где процветала непостижимая аморальность» называли тех, кому периодически делали выговор в школьной газете за ношение свитера, «который прикрывает множество грехов», в церкви и в столовой.

Джо П., АА–евец из Акрона, учившийся в Дартмуте несколькими годами позже Боба, вспоминал: «Когда я туда приехал, Дартмут был самой пьющей из всех школ Айви Лиги. В Нью–Гемпшире был сухой закон, и вы не могли достать виски, поэтому вам нужно было ехать на поезде в маленький городок в Массачусеттсе. Все ездили туда, и “загружались”, а затем пили всю обратную дорогу домой. Иногда мы ездили в Канаду за спиртным — или просили проводников поездов привезти его нам.

Местные жители предпочитали крепкий сидр. На каждом окне в Дартмуте находился кувшин с крепким сидром. В самые морозные дни они скалывали сверху лед и добывали алкоголь. Одна полная кружка такого сидра сшибала шляпу с вашей головы.

Школа находилась высоко в горах, и там было просто нечего больше делать. В городке жили 5–6 девушек, которые работали официантками в отеле Гановер Инн. Мы были известны как Дартмутские звери, и мы старались вести себя соответственно. Мы должны были быть грубыми. Не было

другого способа избавиться от бьющей через край энергии, кроме как прокатиться вниз, в Смит или Уэллесли, что рядом с Бостоном».

Первое открытие Боба в изучении особенностей жизни кампуса по–видимому не былом случайным. Вероятно, именно это он и надеялся найти: выпивка была основным занятием вне учебного расписания.

«Казалось, практически все это делали», — говорил Боб, используя ставшие со временем привычными слова «практически все» для оправдания сильного пьянства в любом конкретном месте, профессии или обществе. Таким образом, с увлечением, упорством и талантом, он намеревался стать чемпионом в этом новом спорте.

Сначала он пил только ради удовольствия, практически не испытывал никаких болезненных последствий. «Казалось, что я способен прийти в себя на следующее утро гораздо быстрее, чем большинство моих пьющих приятелей, которые были наказаны (или, возможно, благословлены) сильной утренней тошнотой — говорил он. — Ни разу в моей жизни у меня не было головной боли, и этот факт заставляет меня думать, что я был алкоголиком практически с самого начала».

В Дартмуте надвигающаяся болезнь была не более очевидна для его товарищей по классу, чем она была очевидна для самого Боба. Е. Б. Уотсон, который был президентом класса Боба в 1902 году, позже стал профессором этого колледжа. Позднее, будучи почетным профессором в отставке, он отмечал в письме, что Боб был дружелюбным, и его в значительной мере любили в Дартмуте за его честную и ненадменную манеру говорить. Хотя он позволял себе несколько избыточное количество пива (единственный алкогольный напиток, который можно было достать в Нью–Гемпшире), он не стал рабом алкоголя до окончания учебы.

«Я жил с ним в одной комнате в свой третий год[5]», вспоминал Доктор Филип П. Томпсон. «Я помню его как высокого, худощавого джентльмена, немного резкого в манерах. Он был неутомим. Я не помню чтобы когда‑нибудь видел его сидящим над книгой, хотя его успеваемость всегда была высокой».

Доктор Томпсон назвал своего соседа по комнате «сангвиником», вспоминая субботу, когда несколько человек из класса спорили, казалось, бесконечно, куда бы им пойти и чем заняться после обеда. Алкоголь был явно упомянут раз или два, и Боб сказал: «Что ж, если мы собираемся напиться, то почему бы нам сразу не приступить к делу?»

Во время учебы на третьем курсе, отмечает доктор Томпсон, Боб посвящал все больше и больше своего времени игре в бильярд и питью пива. «Он рассказывал мне, что ему нравится вкус спиртного с тех самых пор, как он попробовал сидр маленьким мальчиком» — говорил доктор Томпсон, отмечая, что «Боб мог пить спиртное в таких количествах, которые все остальные из нас не могли выдержать».

В дополнение к обучению тонкостям игры в бильярд в Дартмуте, одновременно он начал подниматься к вершинам искусства обращения с колодой карт — был ли то бридж, покер или джин ромми. В карточных играх доктор Боб был сильным игроком, и всегда стремился выиграть.

В какой‑то момент своей жизни он даже научился бросать подковы[6]. Один из пионеров АА в Акроне, Эрни Г. вспоминал, что некоторые члены АА, включая Доктора Боба, часто ездили на рыбалку в лесной лагерь в Миннесоте в начале 1940–х.

«Его невозможно было затащить в лодку, чтобы ехать на рыбалку — вспоминал Эрни. — Я обычно говорил: “Тебе

---

[5] Каждый год обучения имел свое название: первый год — freshman; второй — sophomore; третий — junior; четвертый — senior (*ред*.).

[6] Игра заключается в набрасывании лошадиных подков на палку (*ред*.).

нужно отойти от этого карточного стола!” Затем я сказал: “Я побью тебя в игре с подковами”. Он сказал: “О'К, давай посмотрим кто кого. На сколько сыграем?”

Я сказал: “Я не хотел бы делать это для тебя слишком обременительным. Давай на 25 центов”. Черт, я не знал, что он был бросателем подков. Он умел бросать, как никто другой. Я думал, что я тоже достаточно умел, но он победил в двух играх из трех. Если бы он практиковался, у меня не было бы ни одного шанса».

Смитти часто шутил, что навыки его отца в бильярде, в картах и в других играх «на удачу» были результатом растраченной впустую молодости. Доктор Боб в ответ только молча улыбался.

Другим трюком, которому Боб где‑то научился, была способность влить в себя бутылку пива без каких‑либо движений кадыка. «Мы говорили, что у него есть “патент на открывание глотки”» — рассказывал Доктор Томпсон.

Доктор Боб на всю жизнь сохранил это умение пить залпом, трюк для бара, позволявший получить рюмку–другую бесплатно в те годы, когда он пил. В годы трезвости он брал дневную порцию витаминов или лекарств, и кидал их в свое открытое горло все разом, без воды. «Какая разница? — говорил он, — они все равно попадут на место».

В дополнение к описанию этой способности Боба, доктор Томпсон рассказал о втором случае, в котором проявилась еще одна его особенность, повлиявшая на всю судьбу:

«Боб и я любили длинные прогулки. Однажды мы шли к месту слияния Белой речки. Когда мы проходили через железнодорожный двор, из грузового вагона донесся голос: “Эй, Боб, принесешь мне сэндвич?”

Были сумерки, и мы не могли видеть кто это был, но мы зашли в ресторан и купили пару сэндвичей, которые мы протянули в дверь вагона. “Спасибо!” — сказал голос. Мы спросили его, куда он едет, и он ответил, что направляется в

Портлэнд, штат Мейн.

Позже в том же году, когда адмирал Дювей вернулся из Манилы на родину в Вермонт и в Монтпельере должен был состояться большой прием в его честь, Боб подкинул идею поехать туда в товарном вагоне, как тот бродяга, поскольку у нас не было денег.

Мы нашли вагон с открытой дверью и запрыгнули внутрь, не зная даже, едет поезд в Монреаль или Бостон, вверх или вниз по реке. К счастью, он поехал вверх, вдоль реки Коннектикут, останавливаясь на каждом полустанке, по мере того, как становилось все холоднее и темнее.

Мы добрались до Монтпельера на следующий день. Когда мы приехали, покрытые соломой и несколько растрепанные, Боб решил, что нам необходимо несколько порций пива, хотя было еще только время завтрака.

Когда мы вышли на улицу, мы встретили человека из Дартмута, сына губернатора Вермонта. Мы сказали ему, что приехали посмотреть на адмирала Дювея, и он пригласил нас губернаторский прием в здании Администрации штата. Так, несмотря на нашу внешность, нам была предоставлена честь сидеть с губернатором (в задних рядах, конечно) и наблюдать за процессией вживую».

В целом это выглядело безобидным авантюризмом; юнец, ускользавший из дома, пренебрегая родительскими указаниями послеобеденного сна, вырос в юношу, импульсивно запрыгивающего в товарный поезд.

Но мальчик, с первой же пробы полюбивший вкус выпитого украдкой крепкого сидра, вырос во взрослого, считающего «несколько порций пива» совершенно разумными во время завтрака.

Доктор Боб провел свой последний год в Дартмуте, делая, по его собственным словам, «то, что я хотел делать, не заботясь о правах, желаниях, или привилегиях других — состояние ума, которое у меня стало все больше и больше преобладать с годами».

Боб стал выпускником в 1902 году — «“*summa cum laude* ”[7] в глазах пьющего студенческого братства», по его собственным словам, но с несколько более низкой характеристикой со стороны декана. (Более формально, он был членом Каппа Каппа Каппа[8]).

В воспоминаниях о встречах бывших одноклассников дартмудской школы, имя Боба упоминается с заметным перерывом почти в 35 лет — по причинам, которые в итоге стали очевидными.

Журнал выпускников за ноябрь 1936 года содержит следующее короткое сообщение: «Некоторые из наших друзей беспокоились о Бобе Смите, но теперь вы можете не переживать. Боб говорит, что хотя он был в Ганновере много раз, ему никак не удавалось попасть на встречу выпускников. Он надеется присутствовать в июне 1937 года».

В ноябре 1942 года репортер класса написал: «Боб Смит, как мы его знаем, теперь Доктор Холбрук Смит. Ему все еще не удалось приехать на встречу. Он прислал мне книгу “Анонимные Алкоголики”. В последние несколько лет его главным интересом и делом жизни стало спасение достойных сожаления потерянных в пьянстве душ, и уже спас их свыше 8000. Я не знаю более великолепной работы в мире. Выпуск 1902 года гордится тобой, Боб». И в марте 1947 года: «Боб является одним из основателей и первым подвижником Анонимных Алкоголиков. История его роста и достижений является вдохновляющей — особенно когда мне удалось услышать все это от Боба на его собственном образном языке. Профессия врача вызывает благодарность, но к Бобу люди приезжают отовсюду, прослышав от людей, избавленных от того, что намного хуже смерти».

(В 1947 году Двенадцать Традиций АА — в том числе

---

[7] с результатами, заслуживающими наивысшей похвалы (*лат* .)

[8] мужское братство Дартмутского колледжа, Ганновер, Нью–Хэмпшир, основанное в 1848 г. (*ред* .).

Одиннадцатая о сохранении анонимности в публичной прессе — еще не были приняты Сообществом в целом).

Профессор Уотсон в письме 1958‑го года в Центральное Бюро Обслуживания АА в Нью–Йорке, через восемь лет после смерти доктора Боба отмечал, что он был предметом дискуссии среди пяти одноклассников на домашней вечеринке на Кейп Коде. Двое из них знали Боба очень близко в колледже, и позднее встречали его, при его приездах и отъездах в Чикаго, Флориде, Калифорнии и Огайо.

Профессор Уотсон писал: «Мы думаем, вряд ли когда‑либо была более широкая, полезная и возвышенная попытка такого рода, настолько истинная, настолько плодотворная в деле спасения людей, и настолько разумная практически, как ваши замечательные Анонимные Алкоголики». Используя язык более цветистый, чем мог бы понравиться Доктору Бобу, Профессор Уотсон описал своего одноклассника, как «великого реформатора себя самого и других».

«Как одноклассники, мы гордимся, что среди нас была такая динамичная, полезная всему обществу и творческая фигура, как Доктор Роберт Холбрук Смит, влияние которого теперь распространяется по всей земле» — сказал он.

Но для молодого выпускника Дартмута в 1902 году такое будущее было вообразить не проще, чем десятилетия болезненного опыта, которые ему предстояло пережить.

II. Работа после колледжа: Доктор Медицины и алкоголик

Теперь, когда Боб заполучил диплом, предполагалось, что он начнет зарабатывать на жизнь и сам обеспечит себе надежное и безопасное будущее. Когда дело касалось вещей, которых он действительно хотел, Боб становился очень усердным. Он был амбициозен, и хотел стать доктором

медицины, как его дедушка по матери. Однако, по какой‑то причине, о которой мы так и не узнали, его мать была категорически против этого. И ему ничего не оставалось, кроме как пойти работать.

Таким образом, Боб провел следующие три года в Бостоне, Чикаго и Монреале, делая короткую, переменчивую и безуспешную карьеру. Первые два года после Дартмута он работал в Фэабанкс Морс — компании, производящей весы в Сент Джонсбери, интересы которой его отец однажды представлял в качестве адвоката.

Арба Дж. Ирвин, другой дартмутский одноклассник Боба, вспоминал, что встречал Боба время от времени, когда он приезжал в Чикаго по делам Фэабанкс Морс (и возможно также, чтобы повидаться с Анной, которая тогда преподавала в школе неподалеку от Оак Парка). «Боба не интересовал бизнес, — говорит мистер Ирвин. — К тому же, в выходные он постоянно пил».

После двух лет в Фэабанкс Морс, Боб переехал в Монреаль, где занимался продажей оборудования для железных дорог, газовых двигателей и других изделий тяжелой промышленности. Через несколько месяцев он переехал в Бостон, где недолго проработал в супермаркете Файлинс, где «ему не нравилось и не очень получалось», по мнению его сына Смитти.

Хотя друзья Боба знали только о случайных кутежах, он пил столько, сколько позволяли деньги, все три года. Признаки развития его болезни проявлялись пробуждением в состоянии, которое он называл «утренней дрожью». И все же, он гордился тем, что за три года пропустил всего пол рабочего дня.

Если он игнорировал, отрицал, или не знал о развитии алкоголизма, то безуспешности своей карьеры в бизнесе он не отрицал. Он все еще хотел быть врачом, и каким‑то образом ему удалось убедить свою семью дать ему возможность достигнуть этой цели. Осенью 1905 года, когда

ему было 26 лет, он поступил в Университет Мичигана для начального обучения медицине.

Невзирая на высокие цели и благие намерения, все ограничения рухнули, когда Боб снова оказался в университетском кампусе. Он был избран членом общества пьющих, в котором, как он это сформулировал, он «стал одним из главных вдохновителей… напиваясь с еще большим старанием, чем я демонстрировал ранее». Некоторое время все шло хорошо. Затем утренняя дрожь стала усиливаться.

Много раз утром Боб подходил к дверям аудитории, полностью готовый к занятиям, но у двери разворачивался и возвращался в студенческое общежитие. Дрожь была столь сильной, что он боялся неприятной сцены, если его вызовут отвечать.

Это повторялось снова и снова, меняясь от плохого к худшему. Его студенческие годы протекали от одного запоя к другому, он пил уже не просто ради удовольствия.

Доктор Боб не упоминал о провалах в памяти в то время. Он ничего не говорил и о тяге к выпивке, неосознанных страхах, чувстве вины, или об утренней выпивке. Тем не менее, тремора, пропусков занятий и пьяных кутежей хватило бы с лихвой, чтобы быть принятым в сегодняшнее АА. Но это был 1907 год, весна его второго года в Мичигане, а сообщество АА должно было появиться только 28 лет спустя.

И все же в том году Бобу пришлось в некотором роде признать поражение. Он понял, что не сможет закончить обучение, и попробовал «географическое средство» лечения. Он упаковал свои вещи и отправился на юг, на ферму, принадлежавшую его другу, чтобы оправиться и восстановить силы.

Возможно, гостеприимство и помощь друзей было частью его проблемы. В течение всех лет своего пьянства Боб мог попросить своих друзей и коллег выручить его еще один раз. И те спасали его, прикрывали его и смягчали последствия его выпивок.

После месяца на ферме туман начал проясняться, и Боб осознал, что возможно, он поступил опрометчиво, оставив университет. Он решил вернуться и продолжить учебу. На факультете, однако, придерживались иной точки зрения. Они считали, что Университет Мичигана способен выжить, и даже процветать без присутствия в нем Роберта Холбрука Смита. После долгих споров, с обещаниями и протестами с одной стороны, угрозами и предупреждениями с другой, Бобу было разрешено вернуться и сдать экзамены.

То, что он их сдал хорошо, можно рассматривать как признак врожденных способностей и интеллекта. Это можно также рассматривать как проявление способности некоторых алкоголиков работать усерднее, дольше и лучше, чем кто‑либо еще — в течение какого‑то времени.

За экзаменами последовали мучительные объяснения с деканом. Несмотря на успешную сдачу экзаменов в последнюю минуту, Боба попросили покинуть Университет. Правда, ему выдали свидетельство с его оценками, благодаря которому осенью 1907 года он смог перевестись на третий курс Университета Раш, находящегося рядом с Чикаго.

Там его пьянство приобрело такие размеры, что студенческая община вызвала его отца. Судья проделал долгое путешествие в тщетной попытке поправить дело. Доктор Боб вспоминал, что его отец всегда реагировал на подобные ситуации спокойно, с желанием понять. «Ну, во что тебе это обошлось на сей раз?» — спрашивал он. И это только усиливало чувство вины у Боба.

Он продолжал пить, перейдя с пива на крепкие напитки. Его запои становились все длиннее, и он просыпался утром со все более сильной дрожью. Прямо перед выпускными экзаменами Боб ушел в очень серьезный запой. Когда он пришел сдавать тесты, его рука тряслась так сильно, что он не смог держать карандаш. В результате он сдал три совершенно пустых экзаменационных листа.

Его, конечно, снова вызвали на ковер. Еще больше

обещаний и протестов. Декан этой медицинской школы решил, что если Боб хочет закончить ее, он должен остаться еще на семестр, при условии абсолютной трезвости.

Это он оказался в состоянии выполнить, и в конце концов получил свою медицинскую степень в 1910 году, когда ему был 31 год. Более того, его обучение и поведение оказались настолько похвальными, что ему удалось получить желанные два года ординатуры в Городском госпитале в Акроне, штат Огайо.

Два года практики прошли без проблем. Напряженная работа заменила тяжелое пьянство просто потому, что не хватало времени и на то, и на другое одновременно. «У меня было столько дел, что я уходил из госпиталя без сил. Благодаря этому я смог избежать неприятностей», — говорил доктор Боб.

В какой‑то период своей практики Боб отвечал за лекарства и медикаменты в госпитале. Это, в дополнение к другим обязанностям, вынуждало его бегать по всему зданию. Из‑за того, что лифты ходили очень медленно, он приобрел привычку бегать вверх и вниз по лестнице, причем несся так, словно его преследовал дьявол. Эта бешеная активность часто вызывала иронию со стороны одного из старых докторов, которому он особенно пришелся по душе: «Так, где этот бледный[9] молодой янки!».

В 1912 году, закончив ординатуру, 33–х летний Доктор Медицины открыл свой собственный кабинет в здании Второго Национального Банка, в Акроне, в котором он и практиковал, пока не ушел на пенсию и не оставил практику в 1948 году.

Возможно, в результате нерегулярного режима и очень напряженного графика работы врача общей практики, у доктора Боба возникли серьезные проблемы с желудком.

---

[9] Для описания бледности коллеги доктор использует вместо употребительного *pale* редкое слово *cadaverous* , имеющее общий корень с латинским *cadaver* — подгнивший пахучий труп (*ред* .).

«Вскоре я обнаружил, что пара рюмок облегчает неприятные ощущения в желудке, по крайней мере на несколько последующих часов», — рассказал он. Возвращение к старым питейным привычкам не заняло у него много времени.

Практически сразу за это пришлось расплачиваться здоровьем, осознавая весь ужас страданий алкоголика. «Теперь я оказался между Сциллой и Харибдой, — писал он. — потому что, если я не пил, то меня мучал желудок, а если пил, меня начинали терзать нервы». (Смитти, кстати, заметил, что проблемы с желудком исчезли после того, как его отец перестал пить — хотя у него была тогда небольшая бессонница, в результате которой он стал много читать по ночам).

Когда дела становились совсем плохи, и Боб был не в состоянии ничего делать, он обращался в одну из местных вытрезвительных клиник — и не один раз, а по меньшей мере дюжину раз.

После трех лет такого кошмарного существования, молодой доктор оказался в одном из небольших местных госпиталей, который, как и другие места для вытрезвления и санитарные учреждения в пригороде, обслуживал пациентов с такими социально неприемлемыми заболеваниями как алкоголизм, наркомания и психические расстройства.

Персонал госпиталя делал все возможное, но Боб не мог или не хотел принять помощь. Он уговорил друзей, действовавших из лучших побуждений, тайно приносить ему виски литрами. Когда этот источник поставки был обнаружен, для человека, который хорошо знал госпиталь, оказалось не сложно воровать медицинский спирт. Его состояние стремительно ухудшалось.

В начале 1914 года Судья Смит прислал доктора из Сент Джонсбери с поручением привезти Боба домой. (В каком‑то смысле Сент Джонсбери всегда оставался домом для Доктора Боба. Хотя он жил и работал в Акроне всю оставшуюся жизнь, он продолжал, пьяный или трезвый,

приезжать в Вермонт каждый год).

Каким‑то образом врачу из Вермонта удалось привезти Боба в дом на Летней улице, где он родился. Здесь он оставался в постели в течение двух месяцев, прежде чем отважился покинуть ее. Он был совершенно деморализован. Потом прошло еще 2 месяца, прежде чем он вернулся в Акрон и возобновил свою практику. «Я думаю, что был сильно напуган либо тем, что случилось, либо врачом, или, возможно, и тем и другим вместе» — говорил доктор Боб.

Он оставался трезвым и в начале следующего года. Возможно, он верил, что он был на пути к исцелению, и возможно, Анна Рипли верила в это тоже. Он отправился в Чикаго, чтобы жениться на ней. Церемония проходила в доме ее матери, Миссис Джозеф Пиерс Рипли, «в половине девятого» (как говорилось в свадебном приглашении), 25 января 1915 года.

Доктор Боб привез свою невесту назад, в Акрон, в дом 855 на углу Адмор Авеню, на заросшую деревьями улицу, находившуюся в фешенебельном западном конце города. Новый дом за 4000 долларов представлял собой двухэтажное деревянное строение с большими, наполненными воздухом комнатами.

Кухня там была современная, оснащенная всеми новейшими удобствами, но Смитти вспоминает ее как длинную и узкую. «У папы был один и тот же стул, на который он садился. Он никогда не садился на другой стул. Это было его место. Каждый раз, когда кому‑то нужно было что‑нибудь из холодильника, он вынужден был вставать. Но он не менял своей привычки.

Мама хорошо готовила, — рассказывает он, — но ее это мало заботило. Она всегда хотела обедать при свечах, а папа хотел видеть, что он ест. В результате мы ели чуть ли не при прожекторах.

От него не было никакой помощи по дому — и даже хуже того. Однажды мама уговорила его снять обои со стены в

гостиной. Он просунул в окно шланг для полива, и включил его. Пол в доме был покрыт коврами. Мама чуть не упала в обморок. А его способности к механике были худшими в мире. Все в доме чинил я».

Первые три года семейной жизни Смитов были идеальными, не были омрачены ни одним из несчастий, грянувших позже. Доктор Боб продолжал оставаться трезвым, и все тяжкие сомнения, которые могли быть у Анны, прошли. В те годы, как и в последующем, они были очень преданной друг другу парой. («Мама всегда очень сильно любила папу», — вспоминает Смитти. «Я никогда не слышала, чтобы они ссорились», — подтверждает Сью, но признается, что ей доводилось слышать то, что можно было бы назвать «дискуссиями».)

Профессиональная жизнь Доктора Боба тоже шла довольно гладко. Его репутация врача неизменно росла — как раз в той области, которую он любил. Он вызывал доверие у пациентов. Немного авторитарный, к которому не просто подступиться, он становился очень сочувствующим и понимающим, как только вы начинали говорить. И у него была манера смотреть на вас поверх очков. «У него это здорово получалось — рассказывает Эмма К. (близкая к Смитам в их последние годы). — Как раз так, как вы ожидаете от доктора».

По мере того, как росла практика Доктора Боба, у Смитов появилось много друзей, и они стали уважаемыми членами местного общества. А в 1918 году они стали родителями.

Но год рождения Смитти стал годом национального события, оказавшего совсем другое воздействие на жизнь доктора Боба. Была принята 18–я Поправка — запрет на алкогольные напитки.

С учетом перспективы предстоящей «просушки» всей страны, «я чувствовал себя в абсолютной безопасности», — вспоминал доктор Боб. Несколько порций в тот момент мало что изменят, думал он; т. к. даже если он и его друзья

припрячут в закрома скромные запасы спиртного, пока это еще разрешено, запасы все равно скоро закончатся.

Анна Рипли была студенткой Уэльслея, когда они познакомились с Бобом. В течение их 17–летней любви она преподавала в школе.

Так тому и быть, заключил он. И не предвидел ничего дурного. Его размышления, если и не вполне логичные (за исключением логики алкоголика), были вполне типичны для того времени. Доктору Бобу и всей стране в целом предстояло вскоре пожинать плоды Великого Американского Эксперимента.

До того, как поправка вступила в силу, он не знал, что правительство сделает ему большое одолжение, разрешив докторам почти неограниченную поставку зернового спирта для «медицинских целей». Много раз во время этих «сухих» лет доктор Боб подходил к телефонной книге, выбирал случайную фамилию и выписывал рецепт, дававший ему возможность получить пинту медицинского спирта.

Вскоре в доверие американского общества втерся новый персонаж, бутлеггер. [10]Качество не всегда было его сильной стороной. Однако, семейный бутлеггер был гораздо более сговорчив, чем алкогольный магазин. Он доставлял алкоголь в любое время, днем и ночью, включая воскресенья и праздники. Но, уж извините — никакой оплаты чеками или в кредит.

Доктор Боб стартовал достаточно сдержанно. Но в течение относительно короткого времени он снова потерял контроль над собой. Увы, это уже не было возвратом на

[10] бутлеггер — незаконный поставщик контрабандного алкоголя или самогона (*пер* .).

исходные позиции, поскольку прогресс его заболевания стал очевиден.

У него вскоре «развилось две явных фобии», по его собственным словам: «Одна — страх, что я не смогу заснуть, вторая — страх остаться без спиртного. Человек небогатый, я знал, что если не буду достаточно трезвым, чтобы зарабатывать деньги, то останусь без спиртного».

Эта неопровержимая логика привела его к 17–летнему кошмару существования белки в колесе: оставаться трезвым, чтобы зарабатывать деньги, чтобы напиться… выпивка, чтобы заснуть. И так снова и снова.

Вместо утренней порции алкоголя, в которой он остро нуждался, чтобы унять мучительный тремор, доктор Боб перешел на «большие дозы успокоительных». Он использовал то, что в последующие годы назовут легальными наркотиками, то есть приобрел двойную зависимость.

Когда же Боб все‑таки уступал сильному желанию выпить утреннюю дозу, наступала полная катастрофа. Во–первых, он не мог работать и через несколько часов. Во–вторых, он утрачивал способность тайком принести домой достаточно выпивки, чтобы заснуть. Это приводило к «ночи тщетных метаний в кровати», за которой следовал «невыносимый утренний колотун».

Время от времени у него бывали запои. Иногда он прятался в Городском Клубе или регистрировался в Портадж Отеле под вымышленным именем. «Судите сами, ну кто поверит в “Роберта Смита”? Но мои друзья обычно находили меня, и я возвращался домой, если они обещали, что меня не будут бранить» — говорил он.

И все же доктору Бобу удавалось продолжать работать врачом. «У меня было достаточно благоразумия, чтобы никогда не появляться в госпитале выпившим и крайне редко принимать в таком виде пациентов».

И действительно, его карьера даже росла в эти годы. Уже будучи врачом общей практики, доктор Боб заинтересовался

хирургией. После дополнительного обучения в клинике Майо, в Рочестере, штат Миннесота и в Медицинской Школе Джефферсон, в Филадельфии, в 1929 году он начал специализироваться как проктолог и ректальный хирург. Он был также хирургом экстренной помощи, которого в течение многих лет вызывали из Акрона железнодорожные службы Балтимора и Огайо — например, если кто‑нибудь заболел или случалась авария в районе, он был первым, к кому обращались за помощью. Это давало ему некий дополнительный доход и бесплатный проезд по железной дороге.

Но по мере того, как шли годы пьянства, усилия, необходимые для выполнения работы и сохранения внешней респектабельности, становились все более и более изнурительными. Обычно он оставался трезвым, но «основательно успокоенным», с утра до четырех часов, а затем шел домой. Этим способом он надеялся сохранить свое пьянство в тайне, чтобы оно не стало всеобщим достоянием или поводом для сплетен в госпитале.

И все же, постепенно видимость улетучивалась. Доктор Боб мог думать, что никто ни о чем не догадывается, но существуют веские доказательства тому, что кое‑кто знал о его проблеме с алкоголем. Например, в начале своего выздоровления, когда он объявил медицинской сестре в Городском госпитале, что у него есть «средство» от алкоголизма, ее первым комментарием было: «Что же, доктор, я полагаю, Вы его уже испробовали на себе?»

Анна С., АА–евка, знавшая доктора Боба еще до того, как впервые выпила, вспоминает, как он спускался вниз на ланч в здании Второго Национального Банка, и заказывал сельтерскую, томатный сок и аспирин. «Я никогда не видела, чтобы он что‑нибудь ел. Однажды я спросила Билла, владельца ресторана, что с ним не так. “У него болезнь Паркинсона?” — “Нет, у него вечное похмелье”, — ответил Билл».

III. Муж, отец, и пьяница

Пьянство доктора Боба неизбежно сказывалось как на его профессиональной деятельности, так и на семейной жизни. Но двое его детей не подозревали об этом в свои ранние годы, и их детские воспоминания были, в основном, счастливыми.

Анне было сорок с лишним лет, когда ей сказали, что она не может больше иметь детей. И тогда, через пять лет после рождения сына Смитов, в семью была взята Сью. «Они не хотели растить Смитти как единственного ребенка, и избаловать его напрочь, — рассказывает Сью. — Поэтому они взяли меня и избаловали напрочь нас обоих. О, нас, конечно, шлепали изредка. Не часто, но когда нам доставалось, мы действительно этого заслуживали. Мы довольно рано выучили, что чем громче будут наши вопли, тем быстрее все закончится».

Сью, которой было пять лет, когда ее удочерили, вспоминает как ее напугало первое знакомство с отцом: «Я не знала, чего ожидать. Я помню, как он вел машину вверх по большой кольцевой дороге около Городского госпиталя, потом сказал мне подождать, пока он зайдет внутрь на минутку. Я подумала, что здесь мне придется жить. В первый же вечер я подралась с соседской девочкой, и меня отругали. Я помню, как я считала их неправыми».

У детей было всего пять месяцев разницы в возрасте. Поскольку школьный персонал не знал, что Сью была удочерена, им было очень трудно это понять. Оба, и Сью, и Смитти помнят ответ их отца, когда они сказали, что учитель поинтересовался возрастом их родителей. Доктор Боб сказал: «Ответьте им, что нам 70 лет». Они так и сказали, вызвав еще большее недоумение.

Внешне строгий и нелюдимый, доктор Боб не был человеком того типа, к которому тянутся дети. И он тоже

чувствовал себя не очень уютно с ними. Но он делал попытки сблизиться. Он ходил гулять и играть в мяч с компанией своих и соседских детей. «Мы обычно очень веселились, — рассказывает Сью, — 15 или 20 человек вместе, и он, 185 сантиметров ростом, и маленький ребенок трех лет».

«Он казался суровым, — рассказывает Смитти, — но он был настоящим другом. Бывало, придя домой, мы разговаривали».

Этому вторит эхом Сью: «Он выглядел строгим, но в действительности был достаточно мягок».

Смитти также заметил, что до 21 года не знал о существовании каких‑либо лекарств кроме пищевой соды. «Я часто спрашивал отца о лекарствах, — вспоминает Смитти, — и он говорил мне: “Черт побери, сынок, они для продажи, а не для приема внутрь”».

«Как отец он был лучше всех, — говорит Сью, — он был любящим и одновременно строгим. С ним было очень интересно. Я очень любила игры в карты по вечерам, время, проведенное с ним, проходило так хорошо, как ни с кем другим».

Сью чувствовала, что строгость воспитания в детстве доктора Боба не только послужила причиной его упрямого сопротивления авторитетам, но и стала причиной более свободного воспитания собственных детей. «Оглядываясь назад, — говорит она, — я понимаю, что он был впереди своего времени, либо не хотел, чтобы мы прошли через то, через что ему самому пришлось пройти, когда он был ребенком, и его отсылали в кровать в пять часов вечера».

Доктор Боб обладал потрясающей силой воли и огромной физической выносливостью, по мнению Смитти, который рассказал, что за исключением последствий пьянства, он не болел ни одного дня в своей жизни, вплоть до его последней болезни. «Я помню, когда ему было 56 лет, он сыграл шесть сетов в теннис со мной и моей сестрой. Это совершенно измотало нас обоих. У него было больше энергии в этом

возрасте, чем у кого бы то ни было, кого я знал».

«Он не любил праздность, — рассказывает Сью, — и всегда был быстрым в движениях. Мы часто устраивали долгие прогулки пешком в лес — папа, мой брат, я и собака. Там мы замечательно проводили время. Еше он любил прокатиться с нами на своей машине по незнакомой проселочной дороге, чтобы посмотреть, куда она приведет».

Их воспоминания о матери также показывают глубокую привязанность. «Она была тихой и скромной — леди в самом лучшем смысле этого слова, — вспоминает Смитти в переписке с Биллом Уилсоном. — Она была умереннного телосложения, и все время старалась похудеть. У нее было потрясающее чувство юмора и мелодичный смех. Мы все часто разыгрывали ее, потому что она на это очень хорошо реагировала».

Одну шутку над матерью, о которой она так и не догадалась, они придумали после того, как она начала курить — в 56 лет! Сью и Смитти не только воровали у нее сигареты, но также тушили окурки, поскольку все, что Анна обычно делала — это несколько раз вдыхала дым, и клала сигарету, прежде чем зажечь новую. «Если она когда‑нибудь и затягивалась глубоко, то только по ошибке», — рассказывала Сью, которая чувствовала, что курение одной сигареты за другой было признаком напряжения, вызванного алкоголизмом Доктора Боба. «У нее просто внутри все горело. Да и как тут не гореть».

Была середина Великой Депрессии, и Анна купила машинку для скручивания сигарет. «Мы решили, что это ниже нашего достоинства, — рассказывает Смитти. — Мы вызвались свернуть для нее несколько сигарет, и смешали табак с карандашной стружкой. Когда она зажгла одну из них, сигарета вспыхнула, и ей пришлось ее задуть. То же самое произошло со следующей. В конце концов она сказала: “Знаете, эти сигареты не так хороши на вкус, как из пачки”».

Смитти также помнит, как мама ругала его, когда

обнаружила, что он начал курить. «А как насчет тебя? — ответил он. — Ты же куришь».

«Не говори мне ничего о том, что я курю, — ответила Анна. — Если ты подождешь до 50 лет, прежде чем начнешь курить, я тебе тоже ничего не скажу».

Доктор Боб тоже курил, но обычно говорил: «Я? Я не курю. Анна единственный курильщик в нашей семье».

«Маму было легко удивить. Ее скромность и наивность были источником постоянного восхищения отца, который любил приносить домой необычные вещи и наблюдать за ее реакцией», — рассказывает Смитти.

«После продолжительного общения с пьяницами ничто уже не могло ее удивить или шокировать», — говорит он, по мере того, как воспоминания уходят вперед, к годам АА. «Несмотря на то, что их поступки могли противоречить ее собственному воспитанию, мама была исключительно терпимой. Она не критиковала. Она всегда искала оправдания их действиям.

Она никогда не давала поспешных советов, а приберегала их до того времени, когда у нее находилась возможность помолиться и подумать о проблеме, — говорит Смитти. — В результате, папа очень высоко ценил ее заботливые и бескорыстные советы.

Мама всегда была глубоко предана нашей семье, и позднее АА, ее преданость делала любую личную жертву не слишком большой. Она не тратила денег на себя, чтобы помочь семье купить вещи, которые по ее мнению были необходимы.

По своей природе довольно застенчивая, она могла все же выйти из себя, и дать отпор, если она считала, что ситуация этого требовала, — рассказывает Смитти. — Я вспоминаю о тех периодах, когда она думала, что программа АА была в опасности. Когда это случалось, мама была готова сражаться с любым за те принципы, которые она считала правильными. Я видел также, как она буквально выходила из себя, когда

нужно было защищать папу или меня лично».

Но воспоминания родственников о последних годах перед АА, естественно, были мрачными. По мере того, как росли дети, от Смитов начали отворачиваться друзья. Смиты не могли принимать приглашений, потому что Боб наверняка бы напился и устроил скандал. Анна, для которой гостеприимство было второй натурой, не рисковала приглашать гостей к себе по той же самой причине.

Алкоголизм доктора Боба становился все более и более заметным для детей, по мере того, как они взрослели. Он начал давать им обещания бросить пить, так же как обещал Анне и немногим оставшимся друзьям. «Обещания, — говорил он, — которые очень редко удерживали меня трезвым даже в течение дня, хотя я был абсолютно искренен, когда давал их».

Ранние воспоминания Смитти о пьянстве отца, по записям Билла Уилсона в 1954 году, через несколько лет после смерти доктора Боба, были в основном о том, какой эффект они производили на мать:

«Она боролась как могла, и очень сильно переживала, когда папа начинал куролесить и не приходил домой. Я думаю, мне было тогда лет 13 или 14, не больше. Но определенно недостаточно, чтобы водить машину, и я не мог поехать на его розыски.

Мама снова и снова пыталась добиться от него обещаний. И он всегда обещал бросить пить. Он говорил, что он никогда в жизни больше не прикоснется к выпивке.

Я помню, один раз она дошла до такой безысходности, что позвала меня наверх и сказала: “Сейчас я выпью виски, и когда он придет домой сегодня вечером, скажи ему, что я пьяная”. Она выпила, и попыталась действовать, словно она пьяна. Это закончилось довольно шумной разборкой, но не достигло цели. Я думаю, он не поверил в то, что она напилась. Ему было стыдно за сцену, которую она устроила. Но вы можете представить, в каком она была отчаянии, что

попыталась показать ему, что он делал с собой. Я не думаю, чтобы она хоть раз выпивала до этого или после.

Был 1933 год, и времена были ужасно тяжелые, — продолжает Смитти, — не только для папы, но для всех. Акрон был узкоотраслевым городом, и когда торговля шинами не шла, все остальное тоже шло на спад. У нас была вторая машина, но не хватало денег, чтобы ее зарегистрировать. Только мораторий на выплату кредитов за недвижимость спас наш дом. И нам пришлось съесть достаточно картофельного супа, чтобы продержаться на плаву в это время.

У папы почти не осталось практики. Он либо прятался, либо находился дома, неспособный что‑либо делать. Мама лгала его родителям, и то же самое делала Лили, его секретарша.

Он очень редко садился за руль, когда выпивал, — рассказывает Смитти. — У него были знакомые парни из центрального гаража, приученные привозить его домой.

Мама пыталась обыскивать его, когда он возвращался. Она пыталась удержать его в форме до следующего утра. Но у папы имелись способы это обходить. Зимой он носил толстые шоферские рукавицы, ведь обогреватели в машинах тогда были очень плохие. Он прятал пол–пинты медицинского спирта в одну из рукавиц, и закидывал ее на солнечную летнюю террасу на втором этаже».

После того, как мама его обыскивала, он шел наверх и выпивал. Когда он спускался вниз снова, становилось ясно, что он пил. Она так никогда и не узнала, как ему это удавалось».

В арсенале доктора Боба было много способов прятать спиртное. Как и многие другие алкоголики до и после него, он был специалистом по добыче и сохранению своих запасов.

«Если моя жена собиралась пойти куда‑нибудь вечером, я в ее отсутствие обычно делал большие запасы спиртного, тайно проносил бутылки домой и прятал их в

угольном ящике, в желобе для грязного белья, над дверными косяками, на балках в погребе и в трещинах обшивки, — рассказывал доктор Боб. — Я использовал старые сундуки и чемоданы, старый мусорный бачок и даже ящик для золы.

Дом № 855 по авеню Ардмор выглядел вполне респектабельно. На задворках были сделаны хитрые тайники для припрятывания бутылок.

Бачок в туалете я никогда не использовал, поскольку это было слишком примитивно. Позже я узнал, что моя жена часто в него заглядывала».

Боб также попросил своего бутлеггера прятать выпивку у черного входа, где он мог добраться до нее, когда ему было удобно.

«Иногда я приносил спиртное в карманах, — говорил он. — Я также разливал выпивку по “мерзавчикам” (бутылочкам по 120 граммов) и засовывал их в носки. Это успешно проходило до тех пор, пока мы с женой не посмотрели “Буксир Аннушка” (где Уоллес проделывал точно такой же трюк, чтобы обмануть Марию Дресслер), после чего эта носочная контрабанда накрылась».

Когда в начале 1933 года пиво стало легальным, доктор Боб решил, что это поможет ему найти удовлетворяющее всех решение, и что ему не придется в действительности бросать пить. «Пиво не принесет вреда, — говорил он, — никто никогда еще не напивался пивом».

Возможно, Боб имел сверхъестественный дар убеждения. Возможно, Анна была в состоянии такого отчаяния, что готова была попробовать что угодно. Так или иначе, именно с ее разрешения, он заполнил весь погреб пивом.

«Прошло совсем немного времени, и я уже выпивал по

полтора ящика в день. Я прибавил в весе четырнадцать килограммов за два месяца, стал похож на свинью и задыхался от одышки. Затем в голову мне пришла мысль — коль скоро от человека пахнет пивом, никто не догадается, выпил ли он что‑нибудь еще. Я начал доливать в пиво кое‑что покрепче. Результат, разумеется, оказался плачевным, этим и закончился пивной эксперимент» — рассказывает доктор Боб.

В 1934 году, в разгар этого пивного периода, Смитти ездил вместе с отцом в Вермонт, навестить мать Доктора Боба и старых друзей. «Мне было 16 лет, — вспоминает Смитти, — и мне пришлось вести машину почти всю дорогу, потому что отец все время пил. Я помню, он опасался, что в Вермонте все еще может быть сухой закон, поэтому мы загрузили кучу ящиков пива на границе штата Нью–Йорк. Затем мы обнаружили, что и Вермонт не был “сухим”».

Сью была примерно в том же возрасте, в старших классах, когда столкнулась с первыми признаками проблем с алкоголем у отца. «Я вспоминаю маму, которая беспокоилась, где он, или придумывала оправдания, — говорила она Биллу Уилсону в 1954 году. — Меня очень задевало, что когда мои друзья приходили к нам домой, папа становился раздражительным, и я не могла понять почему. В конце концов я спросила маму, и она рассказала мне. Он никогда не был злым, но когда мы с друзьями находились внизу, он раздражался, потому что мы мешали ему добраться до его запасов в погребе. Мои друзья считали, что мы его раздражаем.

Позже, когда я уже знала, что происходит, эта тема его задевала, он обижался и вступал со мной в небольшие споры. Эти споры не были очень серьезными. Но все же они бывали. Что ж, он был из Новой Англии, и достаточно упрямый. И я была упрямая. Пьянство папы не делало его плохим. Он становился, главным образом, раздражительным. Он все время слонялся по дому. Или был в постели и отдыхал.

Ситуация становилась все хуже и хуже. Мы были в долгах, а он по утрам и до полудня часто чувствовал себя плохо».

Проблем с деньгами становились все больше. Сью вспоминала, как мама выплачивала долги из денег, полученных в подарок на Рождество или на дни рождения. Эмма К. вспомнила как Анна прокомментировала получение красивой маленькой статуэтки в качестве рождественского подарка: «О, мой Боже, лучше бы они прислали еды вместо этого!»

«Нет, я не была зла на него, но по его вине я неоднократно оказывалась в неприятном положении, — говорила Сью. — Невозможно было быть на его и на маминой стороне одновременно. Я все время оказывалась между ними.

Я помню, как один раз он попросил меня принести ему бутылку. Я не согласилась, и тогда он предложил мне деньги. В результате он дошел до суммы в 10 долларов, но я все равно отказалась. Это был момент, когда я поняла, что до этого даже не представляла, что же с ним на самом деле происходит — насколько сильно он хотел выпить.

Я думаю, он чувствовал себя виноватым из‑за происходящего, и он начал давать нам обещания, когда понял, что мы знаем о проблеме. У меня была копилка для мелких монет, и, конечно, я знала как их оттуда доставать. Я иногда открывала ее, и находила там два или три лишних доллара. Я думаю, он пытался помириться со мной таким способом».

IV. Врач, как его видели коллеги

Те, кто работали с доктором Бобом и когда он пил, и когда он выздоравливал, видели этого человека и его проблемы с разных сторон.

Начиная с конца 1920–х годов, доктор Боб довольно часто бывал в госпитале Св. Томаса, куда он был в 1934 году

принят в команду добровольцев. В том же году, во время одного из своих первых визитов, он встретил Сестру Марию Игнатию. До этого она преподавала музыку, но после болезни была переведена на менее напряженную работу в приемный покой Св. Томаса, которым в то время (и по сей день) заведовали Сестры Милосердия Святого Августина.

«Доктор обычно звонил и говорил: “Сестра, могу я получить койку?” — вспоминает Сестра Игнатия. — Я всегда узнавала его голос, с таким сильным акцентом Новой Англии. Редко случалось, чтобы, придя в госпиталь, он не навестил приемный покой.

Он любил иногда использовать грубые слова. Когда он был на большом обеде, он говорил: “Прекрасно! Мы вчера сожрали целую корзину с едой”. Или он заходил в приемный покой, когда у меня было много других людей, и спрашивал о своем пациенте. Я отвечала: “Я поместила мистера Джонса в 408 палату, но там еще один пациент”. — “Еще один пациент, сестра?” — “Да, другой пациент”. — “Вы имеете в виду доходяга, сестра?” Тогда в другой раз я говорила: “Доктор, Ваш мистер Браун находится в 241 палате, и еще доходяга в 218”. Ему это очень нравилось».

У доктора Боба была также привычка называть всех сокращенными именами или прозвищами. «Он всегда называл меня Аберкромби[11], — рассказывает один из первых членов АА. — Билл Уилсон был Вилли или, в официальных случаях, вероятно, Сэр Уильям. Алкоголики в целом были «Н. П.», от «Неизвестные Пьяницы». И, по рассказам Смитти, у этой сестры также было прозвище — «Иг». Но он сомневался, что отец хоть раз решился его использовать в ее присутствии.

Как вспоминает Сестра Игнатия, их первая встреча была не особо примечательной. Она ничего не знала о проблеме

---

[11] Внешний вид больных синдромом Аберкромби довольно характерен: одутловатое лицо с красным кончиком носа и сосудистыми звездочками около глаз (*ред*.).

Доктора Боба. «Он просто всегда отличался от других, — говорит она. — Он привносил что‑то личное, когда входил в комнату. Я не знаю, что это было, я просто чувствовала это».

Еще одним человеком, полагавшим, что Доктор Р. Х. Смит был иным, «замечательно иным» — была Бетти Б., молодая практикантка в Городском госпитале. «Мы его знали как доктора Р. Х. С., потому что было еще два других Смита в Городском госпитале», — рассказывает она.

В 1934 году Бетти даже не подозревала, что доктор Р. Х. был алкоголиком, хотя она видела, что его руки иногда дрожали, когда он переодевался, и что его глаза были покрасневшими. Только спустя годы, когда она сама вступила в программу АА, она узнала, что доктор Р. Х. Смит из Городского госпиталя и доктор Боб из АА были одним и тем же человеком.

Кое‑кто из коллег доктора Боба из Городского госпиталя не догадывался о его проблемах с выпивкой. Со временем это стало очевидным.

И все же даже практикантки были в курсе некоторых проблем с алкоголем у сотрудников клиники. Бетти слышала, что один доктор, который заведовал хирургическим отделением, был уволен по этой причине. Ей рассказали, что ему разрешили оперировать тайно, и однажды, когда она была на вызове, он среди ночи вез кого‑то на каталке в операционную.

Бетти не считала доктора Р. Х. С. ни надменным, ни снисходительным, и это в то время, когда медсестры–студентки находились на низшей ступени иерархии в госпитале, тогда как доктора были полубогами, по крайней

мере по их собственной оценке.

«Он не игнорировал ни меня, ни кого‑либо еще из студентов, — вспоминает она. — Когда мы уступали ему дорогу у лифта или у двери, чтобы доктор мог пройти вперед, мы все знали, что Доктор Р. Х. С. подтолкнет нас, уставившись поверх своих очков, и заворчит. “Сидите, дамы!” — говорил он, если мы автоматически вскакивали, когда он входил в комнату отдыха. Самым необычным было то, что он благодарил нас после каждого совместного обхода, или когда мы помогали делать перевязки.

Пациенты его любили. Медсестры тоже», — говорит Бетти, вспоминая время, когда в своем огромном белом фартуке, она благоговейно трепетала перед врачами и боялась большинства из них. Но не доктора Р. Х. С. «Я знала, что внешне резкий и иногда сердитый, он был добрым и понимающим, даже немного застенчивым».

Он обращался ко всем практиканткам «дама», и они чувствовали себя менее неуклюжими и более взрослыми. Бетти считает, что он об этом догадывался, поэтому и выбрал такое несоответствующее слово для практиканток. Лишь некоторых избранных, старших медсестер, которых он долгое время знал и уважал, он называл «сладкая».

Бетти вспоминает, что он носил пурпурные носки в полоску под своими всегда слишком короткими хирургическими брюками. А его хирургическая шапочка вместо того, чтобы быть плотно надетой, громоздилась намного выше ушей, как колпак у лихого пекаря.

«Он держался просто еще до АА, и сестры, которые ему ассистировали, любили его за это, — говорит она. — Его хирургические способности восхищали в равной степени и сестер, и врачей, и тем не менее, он использовал меньше инструментов и других приспособлений для операций, чем другие хирурги.

С годами я научилась восхищаться и уважать некоторых врачей, — говорит Бетти, — но не любила многих из них за

их высокомерие. Трудно найти врача, который был бы хорошим профессионалом, и при этом славным и скромным человеком. Это особенный тип людей, и доктор Смит был именно таким.

Когда я стала хирургической сестрой, я узнала, что большинство хирургов как настоящие примадонны — у них вспыльчивый, раздражительный характер, они швыряют инструменты. Они высокомерны и бывают грубы, особенно по отношению к практикантке.

Если что‑нибудь на операции начинало идти не так, доктор Р. Х. С. сохранял спокойствие. Он вел себя так, что все мы чувствовали себя комфортно, не было никакой спешки. Его несколько дребезжащий голос становился мягким и низким. Команды отдавались тихо. Чем хуже все шло, тем более спокойным он становился. Его настроение передавалось нам всем.

Не было ни криков, ни ругани. Он не позволял себе пошлостей и не делал непристройных замечаний, которые могли смутить студентов. Другие пытались унизить нас, и иногда были очень грубы. Доктор Смит был не таким, и мы все любили его за это. Я никогда не слышала ни одного плохого слова, сказанного о докторе Смите».

Бетти считала его добрым от природы человеком, обладавшим внутренней силой, и вспоминала, как он объяснял студентам, что боль является самым главным уравнителем, и что с пациентами необходимо обращаться с одинаковой заботой и состраданием, вне зависимости, находятся ли они в благотворительной палате, или в частной комнате.

С особенным трепетом Бетти вспоминает, как она ассистировала доктору Бобу при пункции поясницы, и затем уронила взятую пробу. Вместо того, чтобы доложить о ней, он только сказал: «Что же, нам теперь придется взять еще раз». И когда ее руководительница потребовала объяснить, почему им необходимо было повторить всю сложную и

трудоемкую процедуру заново, доктор Боб ответил, что «он уронил эту чертову пробу» до того, как Бетти успела признаться, и спас ее от сурового выговора.

«Я не знаю, поверила ли руководительница этому, но она ведь не могла сказать ему, что он лжет, — рассказывает Бетти. — Я просто… в общем, я готова была целовать землю, по которой ходил этот человек».

Бетти также вспоминает, что доктор Боб мог быть резким. «Однажды, в воскресенье, во второй половине дня меня вызвали на операцию. Там были только доктор Боб, интерн, пациент под анестезией и я. Доктор Боб был неразговорчив, и мы тоже молчали.

Пациент лежал на животе. Доктор Боб, который был ректальным хирургом, считал, что им в данном случае не было необходимости что‑то особенно подготавливать.

Интерн, а он был довольно застенчивым молодым человеком, бóльшую часть времени витавшим в облаках, как бы облокотившись на пациента, удалял волосы с ректальной области с помощью гемостата. Это выглядело, словно он ощипывал лепестки у ромашки — “любит, не любит”.

Я никогда не забуду, как доктор Боб сказал: “Э–э, доктор?” — И практикант спросил: “Что, доктор Р. Х.?” Тогда доктор Боб сказал: “Как бы тебе понравилось, черт возьми, если бы кто‑нибудь так выдирал волосы из твоей задницы?”

Да, он бывал резким. Но в этом человеке не было ничего подлого или фальшивого. Я знала это задолго до близкого знакомства с ним. Он был просто хорошим человеком».

Лили, регистрационная медсестра доктора Боба, была в той же мере ему предана. Об этом говорит Сью и вспоминает комментарий своей матери, что Лили «его высоко ценила, но жаловалась, что ей было очень трудно выпытать у него, кто из пациентов ему не заплатил. Он не любил посылать счета, и было много людей, с которых он вообще не брал денег».

«Это правда, — соглашается Смитти. — Он делал больше благотворительной работы, чем работы для своих обычных пациентов. Я помню, как он говорил: “Что ж, у меня было три операции сегодня утром — две для Всевышнего, а одна для Роберта Холбрука”. И не только это. Люди приходили к нему в офис в отчаянной нужде, и он буквально отдавал им последние гроши. У него могло быть всего 50 центов, но он их отдавал».

В 1933–34–х годах, конечно, счетов для рассылки становилось все меньше и меньше. Положение доктора Боба в Городском госпитале, мягко говоря, было неустойчивым. Некоторые утверждают, что он вообще был уволен, но никаких записей об увольнении не было найдено. Возможно, вопрос увольнения был на предварительной, или «неофициальной» стадии, когда доктор Боб — как раз вовремя — бросил пить. Однако, его хирургическая практика сократилась, и он пополнял свой доход за счет случайных дополнительных заработков в общей практике.

Некоторый свет на этот критический период был пролит доктором Томасом Скудери, впоследствии медицинским директором того, что сейчас называется Игнатия Холл, отделения для алкоголиков в госпитале Св. Томаса.

В 1934 году доктор Скудери, молодой интерн, впервые встретил доктора Боба. Вот как он его тогда описал: «Большой неуклюжий человек, хорошо сложенный, с хриплым голосом. Он хорошо относился к практикантам и больным, старался сделать для вас все, что мог. А когда он смеялся, вы не могли удержаться от смеха вместе с ним».

Доктор Скудери тогда не знал о проблеме Доктора Боба с алкоголем, «потому что все было тайком в те дни». Но позже он обнаружил, что другие знали. Он предложил несколько объяснений, почему доктор Боб не был наказан так строго, как, возможно, мог бы быть.

Во–первых, доктор Скудери чувствовал, что доктор Боб был лучшим хирургом, чем большинство других, даже

несмотря на влияние алкоголя. Во–вторых, доктор Боб был очень любим своими коллегами, которые, вероятно, делали все, что могли, чтобы выручить его. В–третьих, было (и в какой‑то мере существует до сих пор) негласное соглашение в медицинской профессии отрицать, что такая проблема, как алкоголизм, существует среди врачей.

Доктор Скудери (которому в 1977 году во время этих воспоминаний было за 70, и который никогда не начинал пить) рассказывал, что доктор Боб всегда помогал и наставлял более молодых. Более того, доктор Скудери сам заинтересовался алкоголизмом на примере доктора Боба и Сестры Игнатии, когда они организовали отделение для алкоголиков в госпитале Св. Томаса.

«Я вспоминаю, он имел обыкновение говорить молодым интернам: “Держитесь подальше от алкоголя, если вы достаточно умны. Можете на него смотреть, но не притрагивайтесь к нему, потому что это никуда вас не приведет”. Он говорил: “Чем старше вы становитесь, тем сильнее искушение выпить. Держитесь от него подальше”.

Работа врача сопровождается большими стрессами, — рассказывает доктор Скудери. — Алкоголь является соблазном. Интерны бывают на многих вечеринках, и думают, что они не сойдутся с другими врачами, если не держат бокал в руке.

Я ничего не знаю о том, что он был уволен из Городского госпиталя. Все, что я знаю, это то, что у него было потрясающее возвращение в хирургию в Св. Томасе. И он вставал в два или три часа ночи, чтобы помочь другим алкоголикам.

Р. Х. Смит обычно посещал отделение для алкоголиков каждый день. В дополнение к его обычной практике, это была абсолютно добровольная работа для АА. Он делал все, что мог, для алкоголиков. Он говорил с ними понятными фразами, простым языком. Он был очень доступным, и он беседовал со всеми одинаково, вне зависимости от того, были

ли они на самой последней стадии, или на начальной.

Когда я ездил в Италию в прошлом году, я нашел АА в телефонном справочнике. Я сказал своему брату: “Если бы только доктор Боб знал, какое движение теперь — во всем мире!”»

V. Алкоголик в Оксфордской Группе

В 1934–35 годах жена и дети доктора Боба существовали, имея лишь самое необходимое, их жизнь превратилась в хаос из‑за невыполненных обещаний, дававшихся со всей искренностью.

Анна делала все, что могла, чтобы удержать семью вместе, и молилась, чтобы ее муж каким‑то образом нашел решение проблемы. «Как моя жена сохраняла свою веру и мужество все эти годы, я никогда не узнаю, — говорил Боб. — Я знаю, если бы не она, я был бы уже давным–давно мертв.

По какой‑то причине мы, алкоголики, обладаем даром находить самых лучших женщин в мире, — говорил он. — Почему они должны подвергаться таким ужасным мучениям, которым мы их подвергаем, я не могу объяснить».

В начале 1933 года, приблизительно во время пивного эксперимента, доктор Боб и Анна познакомились с Оксфордский Группой. Это было духовное движение, которое стремилось возродить силу Христианства первого века в современном мире. Его создатель, Фрэнк Бахман, собрал и привел сторонников в свое Общество Первых Христиан двумя десятилетиями ранее. Его Движение Оксфордской Группы, образовавшееся в 1921 году, было основано на тех же принципах. (В 1939 году он изменил название на Моральное Перевооружение.)

Члены Оксфордской Группы искали духовного возрождения путем приобщения к Богу через строгий

самоанализ и исповедь перед другими людьми, в том числе, в недостатках своего характера; через исправление того зла, которое они причинили другим, и через помощь другим, без раздумий или ожидания награды — или, как они это называли: «Никакой платы за исцеление души». Они, однако, принимали добровольные взносы и пожертвования.

Основное внимание уделялось молитве и поиску знания воли Господа во всех вопросах. Движение также опиралось на изучение Святого Писания, и создало свою собственную литературу.

В основе программы было «четыре абсолюта»: абсолютная честность, абсолютное бескорыстие, абсолютная чистота и абсолютная любовь.

(В 1948 году доктор Боб вспоминал абсолюты, как «единственные вешки», которые были у Анонимных Алкоголиков в первые дни, еще до Двенадцати Шагов. По его мнению, они остаются актуальными, и часто оказываются крайне полезными, когда нет очевидного ответа на вопрос, как правильно поступить. «Почти всегда, если я оцениваю свое решение в соответствии с критериями абсолютной честности, абсолютного добра, абсолютной чистоты и абсолютной любви, и оно хорошо совпадает со всеми четырьмя, — это означает, что я недалек от выбора правильного пути, — говорил он. — Абсолюты все еще находятся в обращении и часто цитируются на собраниях АА в Акроне — Кливленде».

В дополнение к четырем абсолютам, члены Оксфордской Группы имели «пять С» [12]и «пять процедур». Этими С были: доверие, исповедь, убеждение, переосмысление и преемственность; тогда как процедурами были: доверься

---

[12] confidence — доверие;
confession —исповедь, признание;
conviction — убеждение, вера;
conversion — переосмысление, преобразование;
continuance —преемственность (*пер* .).

Богу; слушай указания Господа; следуй указаниям; возмести ущерб; и поделись с другими — ради свидетельства и признания (себя и своих грехов). Были также девизы: «Изучай людей, а не книги»; «Выиграть в споре — потерять друга»; «Делись новостями, а не мнениями». И, наконец, один из АА–евцев вспоминает, как члены группы, оказавшись вместе, улыбались друг дружке с энтузиазмом, и спрашивали друг друга: «Ты на вершине?»

Бесспорный лидер (он же и создатель) движения Оксфордской Группы, Фрэнк Бахман был лютеранским священником из Пенсильвании, не пил и не курил. Бахман смотрел с недоверием на АА в более поздние годы, и никогда не чувствовал себя вполне комфортно с его членами.

Члены Оксфордской Группы стремились «изменить» лидеров общества личным примером. Поэтому была большая доля публичности и фанфар, когда вновь обращенные достигали духовного возрождения. У самого Доктора Бахмана часто брали интервью, его постоянно цитировали.

Президент шинной компании, благодарный Оксфордской Группе за возвращение трезвости его сыну, привез примерно 60 лидеров и членов команды Оксфордской Группы в Акрон на десятидневную «домашнюю вечеринку», как назывались эти собрания. Они проводили встречи в течение дня, а кульминацией всего этого стал обед для 400 выдающихся граждан местного общества.

Это оказало значительное влияние на местные церковные круги и привлекло много новых членов, которые вслед за этим организовали собрания каждую неделю в различных районах по соседству (почти так же, как члены АА делают сегодня).

В силу разных причин, влияние Оксфордской группы в Акроне впоследствии уменьшилось, в том числе потому, что наследник шинной компании снова стал пить. Но к этому времени группа уже переехала в Сент Луис, чтобы вернуть трезвость сыну пивного барона; ситуация без сомнения

создала сплетни вокруг членов группы.

Именно Анна убедила доктора Боба в первый раз пойти на собрание Оскфордской Группы, позже он нашел привлекательными членов группы «из‑за их видимой уравновешенности, здоровья и счастья.

Эти люди общались раскованно, без тени смущения, чего я никогда не мог делать, — говорил он. — Они казались очень простыми в общении». И самое большое впечатление на доктора Боба произвело то, что они «казались счастливыми. Я был сам в себе, и мне было не по себе большую часть времени, мое здоровье было на грани, и я был совершенно несчастен».

Доктор Боб понимал, что у этих вновь найденных друзей «было что‑то, чего не было у меня». Он считал, что связь с ними может принести ему пользу. А если даже и не принесет, то, во всяком случае, не нанесет никакого вреда.

Возможно, из‑за своего предыдущего опыта, его энтузиазм немного остыл, когда он узнал о духовном аспекте их программы. Однако, его приободрило то, что они собирались не в церкви, а встречались в отеле Мейфлауер и в частных домах.

Доктор Боб и Анна регулярно посещали группу Вест Хилл, которая собиралась вечером по четвергам. Он и несколько других участников, возможно, были алкоголиками, но он не мог признаться в этом с самого начала, так как «у меня не было ни малейшего ощущения, что найдется решение моей проблемы с алкоголем».

В течение двух с половиной лет Боб регулярно посещал собрания Оксфордской Группы и проводил много времени, изучая ее философию. Можно сказать, пожалуй, что именно тогда он погрузился в духовный поиск, продолжавшийся в течение всей его остальной жизни.

«Я читал все, что мог найти, и разговаривал с каждым, кто, по моему мнению, знал хоть что‑нибудь об этом» — говорил доктор Боб. Он читал Священное Писание, изучал

Жития Святых и делал попытки изучить и понять древние духовные, религиозные и философские идеи. И все же, он продолжал пить.

Другим постоянным участником собраний Вест Хилл была Генриетта Сейберлинг, невестка Франка А. Сейберлинга, основателя и первого президента «Шины и покрышки Гудиер». Выпускница Вессар Колледжа, Генриетта в то время была молодой домохозяйкой с тремя детьми–подростками, которые также были членами Оксфордской Группы.

Как она вспоминает (в 1978 году, за год до смерти), ее подруга, которую звали Дельфина Вебер, спросила однажды вечером, в марте–апреле 1935 года:

— Что нам делать с Бобом Смитом?

— А что с ним не так? — спросила Генриетта.

— Он ужасно пьет, — ответила Дельфина, заметив, что у него были проблемы в госпитале, и что он практически обанкротился из‑за пьянства.

«Я сразу же почувствовала указание свыше, что мы должны организовать встречу специально для Боба Смита, еще до того, как Билл Уилсон приехал в Акрон», — рассказывает Генриетта. Она пошла к членам Оксфордской Группы Т. Генри и Кларас Уильямс и спросила их, можно ли будет использовать их дом как место для собрания. Они с готовностью согласились.

Т. Генри, который был вполне преуспевающим изобретателем, отвечавшим за новые технологии изготовления шин, по мнению многих, выглядел даже более пьющим, чем большинство алкоголиков, из‑за красного цвета лица. Над ним довольно часто подшучивали из‑за этого, но он воспринимал шутки добродушно.

Хотя Т. Генри и Кларас, без сомнения, имели свои собственные духовные проблемы, их считали почти святой парой, поскольку они с готовностью делились с другими какой‑то естественной, поддерживающей добротой,

которая у большинства из нас обычно проявляется только на короткое время.

В отличие от других, поделившихся своими воспоминаниями о Смитах, Генриетта была единственной, критиковавшей Анну, утверждая, что она никогда не делилась своими истинными глубокими переживаниями на собраниях, и была «слишком чувствительной». Генриетта вспоминает о случае, когда Анна рассказывала о какой‑то ситуации, используя третье лицо: «Я сказала: “Анна, не могла бы ты говорить от первого лица единственного числа?” Она разразилась слезами. Гордость не позволяла ей говорить о себе. Но она знала меня достаточно хорошо, чтобы понять мои цели, и она мне поверила. Вы же знаете, наши стремления должны быть высокими.

Боб был очень сдержан в своих разговорах — рассказывает Генриетта. — Он был абсолютно честен и никогда не сплетничал. Я затрудняюсь сказать, какие у него могли быть недостатки кроме пьянства. У него был сильный характер — как скала Гибралтара. Позднее, в АА, — рассказывает она, — он никогда не называл себя “основатель”. Он всегда говорил: “Я просто работаю здесь”».

Найдя место для собрания, Генриетта известила некоторых членов Оксфордской Группы о встрече. «Я решила, что люди в Оксфордской Группе никогда не рассказывали о событиях, дорого им обошедшихся, которые могли бы своим примером подтолкнуть Боба переступить через гордость и поделиться тем, что, как я думала, ему так трудно сказать» — рассказывает она.

«Я предупредила Анну, что собираюсь провести это собрание. Я не сказала ей, что оно предназначено для Боба, но я сказала: “Готовьтесь к сложному разговору. Не надейтесь, что будем ходить вокруг да около”.

Мы все искренне делились своими недостатками и своими успехами в их преодолении. Затем наступила тишина, и я ждала, и думала: “Скажет ли Боб что‑нибудь?”

И действительно, своим глубоким серьезным тоном он сказал: “Что ж, мои дорогие, вы все, я уверен, поделились самым сокровенным, и я собираюсь рассказать вам о том, что может стоить мне моей профессии. Я тайный пьяница, и я не могу остановиться”.

Мы сказали: “Вы хотите, чтобы мы за вас помолились?”

Затем кто‑то спросил: “Нам встать на колени?”

Он сказал: “Да”, — и мы так и сделали». (Это было началом собрания в среду вечером в доме Уильямсов, которые, по словам доктора Боба «позволили нам попортить штукатурку и дверные косяки, пока мы катали стулья вверх и вниз по лестнице». Собрания продолжались в доме Т. Генри вплоть до 1954 года, долгое время после того, как алкоголики уже «раскрутили» АА.)

«Следующим утром, — продолжает Генриетта, — я, ничего не знавшая до этого об алкоголизме (думала, что человеку полагается пить, как джентльмену, и это все, что я знала), молилась за Боба.

Я говорила: “Боже, я ничего не знаю о пьянстве, но я сказала Бобу о своей уверенности, что если он и вел такой образ жизни, он сможет бросить пить. Сейчас мне нужна твоя помощь, Господи”. Что‑то сказало мне — я называю это указанием пути; это был как будто голос у меня в голове: “Боб не должен прикасаться даже к капле алкоголя”.

Я знаю, что это не было моей мыслью. Я позвонила Бобу, и сказала, что у меня есть указание для него. “Это очень важно” — сказала я. Он пришел в 10 часов утра, и я рассказала ему, что мне было указание свыше: он не должен прикасаться даже к капле алкоголя. Он был очень разочарован, потому что ждал указания свыше встретиться с кем‑то, или поехать куда‑нибудь.

Затем он сказал: “Генриетта, я этого не понимаю. Никто этого не понимает”. Он сказал: “Один врач написал об этом книгу, но он тоже ничего в этом не понимает. Я не люблю пойло. Я не хочу пить”.

Я сказала: “Что же, Боб, это то указание, которое мне было дано”. И это было началом наших собраний, еще задолго до того, как приехал Билл».

Позднее, в 1948 году, доктор Боб описал, возможно, тот же самый разговор с Миссис Сейберлинг. «Во время наших дружеских встреч с Генриеттой, мы говорили: “Генри, на твой взгляд, я действительно хочу перестать пить спиртное?” Она, будучи очень доброй душой, говорила: “Да, Боб, я уверена, ты хочешь перестать”. Я говорил: “Что же, я не могу представить себе ни одного человека, который, как я думаю, в самом деле хотел бы чего‑то настолько сильно, как хочу я, и который был бы таким неудачником. Генри, я думаю, что я просто один из тех, кто"хочет захотеть"”. И она сказала: “Нет, Боб, я думаю, ты в самом деле хочешь. Ты просто еще не нашел путь, чтобы с этим справиться”».

Т. Генри Уильямс полагает, что пьянство Боба намного уменьшилось после того, как он пришел в Оксфордскую Группу, — от ежедневного до одного раз в две–три недели, — но что он еще не нашел решения проблемы, пока не встретился с Биллом.

Это впечатление «улучшения» создалось, по–видимому, из‑за желания Боба и его умения скрывать свое пьянство, даже после того, как он признался, что у него такая проблема. Поскольку, Боб рассказывал позже: «Они сказали мне ходить на их собрания постоянно, и я ходил каждую неделю. Они сказали выбрать и посещать какую‑нибудь церковь, и мы это сделали. Они также сказали развивать у себя привычку к молитве, и я это сделал, по крайней мере, до очень значительной для меня степени. Но я продолжал напиваться каждый вечер…. Я не мог понять, что не так, и в чем причина».

Сью вспоминала, как она сидела на нескольких собраниях Оксфордской Группы на ступеньках, и ей казалось, что в то время ее мама говорила уже более свободно о проблеме отца, хотя решение все еще не было найдено.

Сью вспоминает, что раньше у них дома не было принято соблюдать религиозные обряды: «Я помню, что дети ходили в Воскресную школу каждое воскресенье, но родители не ходили. Папа принял твердое решение не переступать порога церкви, и практически выполнял его до момента вступления в Оксфордскую группу, когда они начали время от времени ходить в церковь Дж. С. Райта».

Так случилось, что в субботу 11 мая 1935 года Генриетте Сейберлинг позвонил по телефону абсолютно незнакомый ей человек.

«Это был Билл Уилсон, и я никогда не забуду то, что он сказал — вспоминает она. — “Я из Оксфордской Группы, и я пьяница из Нью–Йорка”.

Это были его слова. Я подумала: “Это действительно как манна небесная”. Я, отчаянно хотевшая помочь Бобу в том, о чем знала немного, уловила это сразу. “Приходите прямо сюда” — сказала я. Я поняла, что должна свести этих двух людей вместе».

Итак, он пришел ко мне домой и остался на обед. Я предложила ему пойти со мной на следующее утро в церковь, и сказала, что приведу Боба, что я и сделала».

Активистка Оксфордской Группы Генриетта Сейберлинг надеялась, что их программа избавит доктора Боба от алкоголизма

холле отеля Мейфлауер приехавший в город путник мог обратиться к этому благочестивому списку, дабы избежать бара

VI. Два алкоголика встречаются

Билл позвонил Генриетте из глубины своего собственного отчаяния, когда, меряя шагами вдоль и поперек холл в Отеле Мейфлауер на Южной Мейн Стрит в центре Акрона, он неожиданно понял, что ему необходимо поговорить с другим пьяницей, чтобы удержаться от того, чтобы выпить самому.

Отель Мейфлауер, с его блистательным фасадом в стиле Ар Деко, тогда только–только построили — лучший, самый современный отель в Акроне. В субботний вечер люди приходили в центр, чтобы пройтись по магазинам, поесть в ресторане и сходить в кино. Джинжер Роджерс и Фред Астер блистали в «Роберте» в театре Риалто, а Джеймс Кэгни исполнял главную роль в пьесе «Человек–Джи» в другом театре.

В тот вечер в холле Мейфлауер была праздничная и веселая атмосфера; заразительные звуки смеха доносились из бара. Гости съезжались на ежегодный Майский Бал, который устраивался Гильдией Госпиталя Св. Томаса. Вероятно, поэтому в баре было необычайно многолюдно, и множество частных вечеринок проходило в номерах отеля. Сестра Игнатия была там, так же как и Доктор Скудери. Как член благотворительной команды, доктор Боб также вполне мог бы появиться, если бы был трезв.

Вместо того, чтобы присоединиться к празднующим в баре, «Билл почувствовал указание свыше посмотреть справочник священников в холле отеля, — рассказывает Генриетта. — И случилась странная вещь. Едва только он взглянул в него, и сразу ткнул пальцем в одно имя: доктор Вальтер Танкс.

Билл позвонил доктору Танксу, и тот дал ему список из нескольких имен. Одним из них был Норман Шеппард, который был моим близким другом, и знал о том, что я

пыталась помочь Бобу. Норман сказал Биллу: “Мне нужно ехать в Нью–Йорк сегодня вечером, но позвоните Генриетте Сейберлинг. Она встретится с Вами”».

По рассказу Билла, он уже позвонил девятерым из десяти имен в списке, и Генриетта была последней. Билл вспомнил, как однажды он встречал мистера Сейберлинга, бывшего президента компании «Гудиер: шины и покрышки», и предположил, что это его жена, и он не мог себе представить, чтобы он позвонил ей с такой просьбой. «Но, — вспоминал Билл, — что‑то продолжало говорить мне: “Тебе лучше позвонить ей”.

Поскольку ей уже приходилось встречаться и с пьянством, и с его преодолением, она, конечно, поняла меня, — говорил Билл. — Она стала жизненно–важным связующим звеном в цепи фантастических событий, которые должны были произойти вскоре и привести к рождению и развитию нашего сообщества АА. Из всех имен, которые преподобный пастор дал мне, она была единственной, кто действительно проявил заботу обо мне. Я бы хотел передать ей нашу бесконечную благодарность», — заключил Билл.

Генриетта, конечно, не была женой президента компании, а была его невесткой. Она жила в сторожке в имении Сейберлингов, на проезде Портадж, неподалеку от дома Смитов.

Преподобный Вальтер Танкс играл важную роль как в начале трезвого пути доктора Боба, так и в конце

Генриетта попыталась пригласить Боба с Анной к себе в ту субботу. Не могли бы они зайти, чтобы встретиться с ее другом, трезвым алкоголиком, который мог бы помочь Бобу с его проблемой?

В тот момент Боб находился на втором этаже в своем доме, в полном ступоре после того, как принес домой огромный букет ко Дню Матери, поставил его на кухонный стол и рухнул в изнеможении на пол. Все, что могли сделать Анна и дети, это втащить его наверх.

Анна сказала лишь, что вряд ли они смогут прийти сегодня. Но, как вспоминал доктор Боб: «Генри была очень настойчивой и решительной личностью. Она сказала: “О, пожалуйста, приходите. Я *знаю* , что это будет очень полезно для доктора Боба”.

Но Анна по–прежнему не считала мудрой идею нашей вылазки в тот день, — продолжает доктор Боб. — В конце концов Генри достала Анну до такой степени, что вынудила признаться, что я совершенно нетранспортабелен, что я утратил способность что‑либо слышать, и что визит просто следует отложить».

Генриетта снова позвонила Смитам в воскресенье: «В состоянии ли Боб сделать это сегодня?»

«Я не помню, чтобы я когда‑нибудь чувствовал себя так плохо, как в тот день, но я очень ценил Генри, и Анна сказала, что мы придем, — продолжает Боб. — Итак, мы отправились. По дороге я вытянул из Анны торжественное обещание, что 15 минут этой фигни — мой предел. Меня не тянет на разговоры ни с этим лохом, ни с кем другим, и надо закруглиться по–быстрому, сказал я. Ну а теперь реальные факты: Мы пришли туда в 5 часов вечера. Когда мы ушли, было 11:15».

Смитти вспоминает, что хотя его отец и был раздражен, он был трезвый, когда они ехали к Генриетте на встречу с тем парнем, который мог помочь ему. «Меня не было на этой встрече, конечно, поскольку в то время я был ребенком, а мама хотела, чтобы папа был откровенен с Биллом. Поэтому я не знаю, что там произошло. Однако я помню, что вскоре после этого Билл приехал к нам пожить».

Описывая эту встречу с человеком, «который

впоследствии стал моим партнером… прекрасным другом, от которого я никогда не услышал ни одного плохого слова», Билл говорил: «Боб совсем не выглядел основателем. Его трясло. С усилием он сказал нам, что выдержит не больше 15 минут.

Он немного просветлел, хотя и смущенно, когда я сказал, что я думаю, ему нужно выпить. После обеда, к которому он не прикоснулся, Генриетта намеренно оставила нас наедине в своей маленькой библиотеке. Там мы с Бобом проговорили до 11 часов».

Что же в действительности произошло между этими двумя людьми? Одну из самых коротких и привлекательных версий дал одноклассник доктора Боба, Арба Дж. Ирвин, который, по крайней мере, точно определил, откуда взялся неофициальный напиток АА — кофе, в то время продававшийся по 15 центов за фунт:

«…И вот, они встретились, и начали говорить о том, как помочь друг другу, и людям с такими же проблемами. Они пошли в самые бедные окраины города Акрона, собрали группу пьяниц, и начали разговаривать с ними и пить кофе. Жена Боба рассказывала мне, что она никогда не готовила так много кофе, как в течение двух следующих недель. Они приходили, пили кофе, и начали создавать эту группу, где один помогает другому, и это было то, из чего впоследствии развилось АА».

Это правда; но, как мы знаем, было и еще кое‑что. Иначе это было бы *слишком* просто. Множество людей годами формировали это решение Боба: Оксфордская Группа предложила «программу», Генриетта, сказала ему «ты не должен прикасаться даже к капле алкоголя». И Билл, безусловно, привнес что‑то новое — себя самого.

Что он сказал Бобу такого, что еще не было сказано? Насколько важными были эти слова? Насколько важными в сравнении с тем фактом, что это был один алкоголик, разговаривающий с другим? Никто не может сказать точно.

Сами же доктор Боб и Билл немного по–разному расставляют акценты, описывая произошедшее.

В книге «АА взрослеет», написанной через 20 лет после того, как Билл проанализировал это событие в свете уже имеющихся знаний, он писал, что «крайне осторожно шел по минному полю религиозного опыта». Сначала он рассказывал о себе до тех пор, пока Боб «не идентифицировал себя со мной». Затем, как доктор Уильям Д. Силкуорт рекомендовал, Билл растолковал физические аспекты этой болезни — «приговор неизбежной гибели». Это, как почувствовал Билл, привело доктора Боба к признанию собственного бессилия, что и «послужило началом его новой жизни».

Описывая их разговор как «совершенно взаимный», Билл сказал: «Я перестал проповедовать. Я знал, что я нуждаюсь в этом алкоголике так же сильно, как он нуждался во мне. И это было главное. Это взаимное “Отдай полученное тобой” является сегодня самой сутью работы по Двенадцатому Шагу АА»

В книге «Анонимные Алкоголики», напечатанной ровно через четыре года после их первой встречи, доктор Боб отмечал, что «Билл был человеком,… который выздоравливал тем самым способом, которым я пытался овладеть, то есть с помощью духовности. Он сообщил мне сведения об алкоголизме, несомненно оказавшиеся полезными.

Гораздо более важное значение имел тот факт , — продолжал он, — *что я встретился с первым человеком, знавшим по личному опыту то, что он говорил об алкоголизме. Иными словами, он говорил на моем языке. Он знал все ответы, и, конечно же, он знал их не из книг* ».

Чтобы бы Билл ни говорил — в течение этого почти пятичасового разговора, он, должно быть, выложил все, что когда‑либо знал, думал, или догадывался об алкоголизме, а также рассказал полный вариант своей истории впридачу — но Боб перестал пить сразу же.

Билл, по–видимому, уделял больше внимания тому, *о чем*

он говорил, чем тому, что он рассказывал это все *про себя* , Боб же отметил, что хотя многое из этого и было полезно, но он уже слышал большую часть всего этого раньше. Главным для него было то, что *другой алкоголик* говорил ему это. Если бы вещали Уильям Джеймс, Карл Юнг, доктор Силкуорт, вкупе с Фрэнком Бахманом и всеми членами Оксфордской Группы, вместе взятыми, — это была бы всего лишь очередная лекция.

Сью вспоминала, что в тот субботний вечер она с нетерпением, буквально считая минуты, ждала возвращения своих родителей, но они не приходили почти до полуночи. Когда они наконец вернулись, ее отец казался более спокойным, чем раньше. Хотя он не был еще в хорошей форме, но он явно выглядел лучше.

«Он был воодушевлен после своего разговора с Вами, — рассказывала она Биллу. — Я это помню. Он не говорил о нем много, но я помню, что папа сказал, что Вам удалось метко уловить сходство с ним, скорее всего потому, что у вас была одна и та же проблема. Он понял, что это касается не только его. Он сказал мне, что у членов Оксфордской Группы просто нет общей с ним проблемы».

Как Билл выразился об этом: «Искра затеплилась».

«В тот момент — вспоминал Билл в разговоре с Т. Генри Уильямсом, — группа образовалась прямо здесь, в сердце вашей группы».

«И она росла быстрее, потому что вы, парни, вкладывали больше сил», — сказал Т. Генри.

«Мы были вынуждены, — ответил Билл. — У нас была отчаянная необходимость. И мы поняли, что должны что‑то делать для других, или мы погибнем».

«Билл оставался в Акроне, — рассказывает Генриетта. — У меня был сосед, который знал о тех изменениях, которые произошли в моей жизни благодаря Оксфордской Группе. Я позвонила ему и попросила устроить Билла в загородный клуб на пару недель, чтобы он мог побыть в городе, так как

знала, что у Билла кончились деньги».

Был конец мая, и хотя Билл и доктор Боб почувствовали что‑то особенное, произошедшее между ними, нет никаких свидетельств того, что они в полной мере понимали важность этого события. Например, никто из них не говорил в связи с этим что‑то вроде: «Ну что ж, мы сооснователи сообщества Анонимных Алкоголиков, и пора нам начать писать Двенадцать Шагов».

Доктор Боб ссылался еще на одну общую для них обоих важную деталь, а именно связь их обоих с Оксфордской Группой. «Билл в Нью–Йорке, в течение пяти месяцев, а я в Акроне, в течение двух с половиной лет. Но была и одна существенная разница: Билл воспринял их идею служения другим, а я нет».

Они сразу приступили к воплощению той идеи, которую привнес Билл, и которую навсегда запомнил доктор Боб. Они начали пытаться помочь другим пьяницам.

В письме к Луис Билл упоминает, что пишет из кабинета «одного из моих новых друзей», доктора Смита, у которого «такая же, как у меня, проблема». Он рассказывает, что вместе они работают над тем, чтобы «изменить к лучшему жизнь когда‑то выдающегося хирурга, превратившегося в полного забулдыгу и пьяницу». (Предположительно, это мог быть тот самый доктор, которого вспоминала Бетти Б. — доктор, который возил пациентов в операционную палату в середине ночи).

Письмо Билла датировано маем 1935 года, и это означает, что они дружно начали исполнять свое решение, спустя всего две недели после первой встречи.

В этих и последующих письмах к Луис, Билл часто, хотя и вскользь, упоминает Смитов, что он бывает у них на обедах, что он находит остальных членов семьи «такими же славными, как и сам доктор Боб», и что ему нужно «улизнуть на ужин к доктору Смиту, коренному жителю Вермонта и алкоголику».

В одном письме, датированном июнем, Билл описывает Боба и Анну как «людей лет на 10 или 12 постарше нас» (Биллу тогда было 39, тогда как Бобу 55 лет). «Он мог лишиться своей практики, — пишет Билл, — хотя он, без сомнения, очень компетентный и очень популярный человек. Они тебе понравятся чрезвычайно».

В другом письме Билл упоминает, что собирается переехать в дом Смитов. Анна также написала Луис, и та сообщила об этой любезности Биллу в своем следующем письме. (Билл тогда не хранил писем; Луис хранила).

«Миссис Смит очень добра, — отвечает он. — Видишь ли, Боб был в Оксфордской группе, но все равно срывался. У них не было никого, кто мог бы понять алкоголиков. И, *я так думаю* , мне было предназначено помочь ему».

Со слов Билла, Анна Смит решила, что требуются практические шаги для защиты вновь обретенной трезвости своего мужа. Она пригласила Билла пожить у них. «Там я смогу приглядывать за доктором Бобом, а он за мной», — сообщает Билл.

Приглашение пришло очень своевременно. Билл был на мели, несмотря на то, что получил небольшую сумму от своих партнеров из Нью–Йорка, и он надеялся снова победить в той борьбе за контроль над компанией, ради которой и оказался изначально в Акроне.

«В течение трех следующих месяцев я жил с этими двумя замечательными людьми, — рассказывает Билл. — Я всегда буду думать, что они дали мне гораздо больше, чем я когда‑либо дал им».

Каждое утро начиналось с молитвы, вспоминает он. После долгого молчания, во время которого они обращались к Богу, пытаясь углубить соприкосновение с Ним, Анна читала что‑нибудь из Библии. «Евангелие от Иакова было нашим любимым, — рассказывал он. — Она читала, сидя на своем стуле в углу, и мягко заключала в конце: “Вера без действия мертва”».

Это была любимая цитата у Анны и, и в значительной мере Евангелие от Иакова была самой популярной у ранних членов АА — до такой степени, что некоторые хотели, чтобы Сообщество получило название «Клуб Иакова».

Сью также вспоминает утреннее время тишины — как они садились в круг и читали из Библии. Позже они также использовали издание Методистов «*Горница* », которое несло ежедневное духовное послание, межконфессиональное по своему подходу.

«Затем кто‑нибудь читал молитву, — вспоминает она. — После этого каждый из нас также должен был произнести молитву. Затем мы замолкали и сидели тихо. Затем мы делились тем, что каждый из нас почувствовал, или не почувствовал. Это продолжалось по крайней мере полчаса, а иногда и час».

Юный Смитти знал об утренних молитвах и времени тишины, но он их не посещал. «Я был слишком занят, сливая бензин из машины моего отца, чтобы иметь возможность добраться до школы», — вспоминает он.

«Все это происходило после завтрака, который во время Вашего пребывания у нас начинался очень рано, в шесть часов утра, — вспоминает Сью в своем разговоре с Биллом. — Вы спускались в своем халате, пугая нас всех до смерти, и садились в обнимку с кофеваркой, а потом уже передавали кофе остальным».

«Я тогда очень нервничал, — рассказывает Билл, — чертовски нервничал».

«Еще я помню бутылку на кухонной полке, — говорит Сью. — Как доказательство победы над искушением».

«О, да, я забыл об этом, — отвечает Билл. — Я был непреклонен в том, чтобы спиртное было рядом. Я считал, что мы должны доказать, что можем жить в присутствии спиртного. Поэтому я купил две больших бутылки и поставил их в буфет. Какое‑то время это доводило Анну почти до бешенства».

«Но я не помню, что бы Вы появлялись у нас дома до того, как папа поехал на съезд медиков» — говорит Сью.

Билл отвечал: «Я уже жил у вас, и однажды Боб сказал: “А не поехать ли мне в Атлантик Сити на этот съезд?”»

Это было в последнюю неделю мая, когда доктор Боб был трезвым около двух недель. Съезд Американской Медицинской Ассоциации начинался в первую неделю июня, и Боб не пропустил ни одного в последние 20 лет.

«О, нет!» — сказала Анна, когда доктор Боб предложил эту идею.

Несмотря на всю ее веру, у нее, очевидно, был опыт и какое‑то инстинктивное понимание мышления алкоголика. Билл, однако, был более склонен согласиться с этой идеей. Для него участие в съезде означало, очевидно, примерно то же самое, что держать спиртное в буфете; он считал, что алкоголики должны жить в реальном мире, со всеми его искушениями и западнями.

Анна не хотела соглашаться с этим, но, в конце концов, уступила.

Доктор Боб позже вспоминал, что у него появилась жажда к виски, наряду с жаждой к знаниям, и он начал пить все, что мог достать, сразу, как только сел в поезд, идущий в Атлантик Сити. По приезде он купил несколько кварт по дороге в отель.

Это было в субботу вечером. В понедельник он оставался трезвым вплоть до послеобеденного времени, после чего выпил столько, на сколько мог решиться в баре, а затем пошел в свою комнату, чтобы завершить это дело.

Во вторник Боб начал пить с утра, и к полудню был уже совершенно пьян. «Я не хотел позориться, — рассказывал он, — поэтому я выехал из отеля».

Он направился на вокзал, купив по дороге еще спиртного. Он помнил только, что ему пришлось долгое время ожидать поезда. Он не помнил, как оказался в доме своей медсестры и ее мужа в Куахога Фоллс (город на северо–востоке штата

Огайо, южнее Кливленда).

Отключка длилась, конечно, больше 24 часов, потому что прошло пять дней с момента отъезда Боба, прежде чем Билл и Анна узнали о нем от медсестры. По звонку Боба, Анна встретила его на железнодорожной станции в Акроне, как это было описано, «смущенного и неряшливого».

Боб не вполне осознавал происходившее. «Билл приехал и отвез меня домой, и дал мне пару порций виски в тот вечер, и бутылку пива на следующее утро», — вспоминал он.

Однако, как вспоминают Билл и Сью, это был трехдневный период вытрезвления после последнего для доктора Боба, как оказалось, съезда AMA (Американской Медицинской Ассоциации).

«Ты помнишь, как мы с твоей мамой поехали в дом медсестры рано утром, чтобы забрать его? — обращается Билл к Сью. — Мы привезли его домой, и он лег на кровать. Я оставался с ним в той угловой комнате, с двумя кроватями».

«Я помню, что он был не в очень хорошей форме, — говорит Сью. — Затем в ход пошли тарелки с помидорами и сиропом Каро».

«Это было из‑за операции», — объяснил Билл. После возвращения доктора Боба они узнали, что у него была назначена операция через три дня после приезда. «Ситуация его беспокоила, потому что если он будет слишком пьян, он не сможет ее сделать. А если будет слишком трезв, его будет слишком сильно трясти. Возникла идея снабдить его витаминами из помидоров и квашеной капусты, и энергией из кукурузного сиропа. Это была теория, которой мы тогда придерживались. Мы также дали ему немного пива, чтобы успокоить нервы».

Как описывал Билл в другом разговоре, этот обычный процесс вытрезвления занимал три дня. Все недосыпали, но Боб был покладистым.

«В день операции, в четыре часа ночи он повернулся,

посмотрел на меня и сказал:

— Я справлюсь с этим, — вспоминает Билл.

— Ты имеешь в виду, ты справишься с операцией?

— Я отдал и то, и другое, и операцию, и себя самого в руки Господа. Я сделаю все, чего бы это ни стоило, чтобы стать трезвым, и оставаться им…

В девять часов утра его колотило так сильно, что мы помогали ему одеваться, — рассказывал Билл. — Нас охватила паника. Сможет ли он вообще ее сделать? Будет ли он слишком пьян, или будет слишком сильно дрожать, — не велика разница. Неверное движение его скальпеля может стоить жизни его пациенту».

По дороге в Городской госпиталь, находящийся в восточной части города, доктор Боб время от времени поднимал руку, чтобы посмотреть, уменьшилась ли дрожь. Перед тем, как они остановились, Билл, который тоже имел немалый опыт, дал ему бутылку пива.

Билл и Анна поехали обратно домой. Спустя много часов Боб позвонил, чтобы сказать, что операция прошла успешно. И все же, он не вернулся сразу после звонка. Пошел ли он куда‑то отмечать это? Билл и Анна не знали. Им оставалось только ждать.

В конце концов доктор Боб вернулся домой. Эти несколько часов после операции он провел, восстанавливая свои отношения с друзьями и знакомыми в Акроне. Бутылка пива, которую Билл дал ему в то утро, была последним алкогольным напитком, который он когда‑либо выпил.

Хотя были и будут споры о других важных событиях в истории АА, все согласны, что Анонимные Алкоголики начались здесь, в Акроне, в тот день 10 июня 1935 года.

VII. Появление АА–евца номер три

Переживший свою последнюю пьянку и охваченый идеей служения, доктор Боб жаждал встречи с Биллом, чтобы найти другого пьяницу и «починить» его, как они любили выражаться в то время.

Если у Билла избавление от тяги произошло сразу, о докторе Бобе этого сказать нельзя. По его собственному признанию, тяга оставалась с ним всегда в течение его первых двух с половиной лет трезвости, — хотя, как он добавил: «Ни разу я не был близок к тому, чтобы уступить ей».

Часто можно услышать, что доктор Боб так никогда и не преодолел желания выпить. Но его более поздняя реакция на мысль о выпивке показывает, что это желание не было ни постоянным, ни очень сильным. В 1948 году он признался, что «я по–прежнему думаю, что двойной виски был бы чертовски приятен на вкус…

Но у меня нет никаких резонных причин поверить, что результаты этого будут какими‑нибудь другими», — говорил он. Когда подобная мысль возникала у него, он воспринимал ее как знак того, что он уделяет недостаточно внимания людям в отделении для алкоголиков Св. Томаса.

Это подтверждает предположение Билла о причине, по которой его партнер так сильно стремился помогать другим: доктор Боб обнаружил, что это самый лучший способ остаться трезвым. Доктор Боб согласился с этим, и предположение превратилось, как он говорил позднее, в глубокое убеждение, что Двенадцать Шагов, «если их сконцентрировать до предела, можно выразить словами “любовь” и “служение”».

Сконцентрировать до предела — до самой сути!

Не осталось никаких упоминаний о дальнейшей судьбе некоего «ужасного распутника и пьяницы», с которым они работали до отъезда доктора Боба в Атлантик Сити.

Тем не менее, священник Дж. С. Райт направил к Биллу и доктору Бобу еще одного потенциального кандидата, который если и не был ужасным распутником, то был ужасным

пьяницей.

Это был Эдди П., который жил в соседнем квартале. Эдди обнадеживал их в одну минуту, и доводил до отчаяния в следующую. Они работали с ним все лето 1935 года. Судя по историям, рассказанным о нем, Эдди в пьяном виде мог натворить столько ужасов, что их хватило бы удержать трезвой целую армию алкоголиков. Он был, по–видимому, именно тем, в ком они нуждались.

Билл и доктор Боб узнали очень много о плюсах и минусах работы по Двенадцатому Шагу, пытаясь вытрезвить Эдди, которого Билл в то время описывал как «способного чуть ли не ежедневно вызывать разнообразные гигантские кризисы».

В своих письмах к Луис Билл пишет, что Эдди был алкоголиком–атеистом, и если он исцелится, то это «будет настоящей сенсацией. Мы с Бобом Смитом начали работать с этим парнем в среду, неделю назад, и он остается трезвым. Он и его жена признали бессилие. Он начал встречаться со своими кредиторами. Он очень быстро преображается».

«Наступило воскресенье — пишет Билл — и в первый раз он плотно поел. Ты помнишь, каким нервным и депрессивным я обычно становился, когда трезвел и ел тяжелую пищу? В его случае результатом стала депрессивная мания, и он вырвался, чтобы совершить самоубийство. У Эдди уже была до этого попытка суицида, но его вовремя остановили».

В этот раз Эдди направился в Кливлендские доки. Но, прежде чем прыгнуть, сделал предупреждение, свойственное алкоголикам — позвонил Смитам и сообщил им о своих планах разом покончить со всем.

Билл попросил его подождать пока они не поговорят. Затем он и Боб «бросились в Кливленд посреди ночи, нашли его там, доставили в Городской госпиталь, и стали убеждать персонал госпиталя оказать ему помощь. Это, плюс

дополнительная оксидизация,[13] имело магический эффект, — пишет Билл в письме Луис, — и вызвало большой переполох в Городском госпитале, где доктора были возбуждены и полны любопытства, потому что до этого они ничего не могли поделать в таких случаях.

Тем временем, — продолжает Билл, — произведенный на Оксфордскую Группу эффект был ошеломляющим. Все разногласия были забыты перед лицом этого нового чуда. Оба, Эдди и его жена, очень заметно изменились, и это всех взбудоражило в Акроне».

Через несколько дней «новое чудо» снова оказалось пьяным — вынудив тем самым Боба описать ситуацию с Эдди как «иногда настолько отчаянную, что мы были готовы поместить его в сумасшедший дом».

Вслед за этим письмом к Луис последовало упоминание об «одном коротком, но бурном событии с супругами Р. (Эдди и его женой), которое закончилось страшным взрывом, и которым мы занимались с субботы до прошлой ночи. Но дым уже развеялся, и сейчас все предстало в розовом свете. Теперь, когда он преодолел этот огромный кризис, я уверен, у них все в порядке», — рассказывает Билл.

Т. Генри и Кларас Уильямсы, сами не будучи алкоголиками, проявляли истинную заботу о докторе Бобе и его товарищах по выздоровлению

Юный Смитти, отмечавший, что Билл и его отец были «очень решительно настроены изменить кого‑либо в то время», вспоминает, что наши со–основатели даже

---

13 «Оксидизация» — здесь, вероятно, сокращение от «оскфордизация» («Оксфордская Группа»), но какие‑либо подробности оказания помощи в Городском госпитале в настоящее время отсутствуют. Кстати, последняя выпивка Билла отправила его в Городской госпиталь Нью–Йорка (*сост* .).

запирали Эдди в комнате на втором этаже его собственного дома в попытке удержать его трезвым:

«Один раз Эдди спустился вниз по водосточной трубе и радостно направился вверх по улице. Папа и Билл бросились за ним — папа на своей машине, а Билл бегом, — рассказывает Смитти. — Ровно перед тем, как Билл выдохся, Эдди выдохся тоже. Билл припер его к стенке и доставил обратно в дом. Вскоре после этого Эдди лишился своего дома, и они с женой стали жить у нас».

Сью помнит приезд этой пары очень живо, потому что им отдали ее комнату. «Она спускалась вниз утром в ужасном состоянии», — вспоминает Сью в разговоре с Биллом.

«Он ее бил, — говорит Билл. — Я забыл сказать об этом. Он очень хорошо относился к ней на людях, но когда он оставался с ней наедине, он избивал и душил ее».

Этот факт мог быть тем самым «страшным взрывом», упомянутым Биллом. Возможно, случилось все из‑за того, что жена Эдди, вполне в традициях Оксфордской Группы, открыто исповедовалась и продемонстрировала такую прыть в самосовершенствовании, которую Эдди не одобрил. Поэтому ограничение в Девятом Шаге АА — «кроме тех случаев, когда это может нанести вред им или кому‑либо другому» — появилось не случайно.

Смитти описал Эдди как «случай на грани депрессии и психиатрии», вкупе с хроническим алкоголизмом: «Они поили его пищевой содой, которая временно возвращала его в здравый ум. Но как только он съедал что‑нибудь, он снова съезжал с катушек. Они пробовали также давать кислую капусту, но это обостряло его язву».

Любимая история об Эдди, которую Анна любила рассказывать, связана с эпизодом, когда Эдди погнался за ней с разделочным ножом. Элджи и Джон Р., которые вступили в АА в 1939 году, вспоминают, как они слушали рассказ Анны о том прерванном ланче у Смитов (сандвичи с тунцом и кофе): «Ни с того ни с сего Эдди вдруг вскочил, схватил

разделочный нож и погнался за Анной наверх», — пересказывает Элджи слова Анны.

«Я не знала что делать, поэтому я опустилась на колени и стала молиться, Эдди невнятно бормотал, что он собирается делать с этим ножом, а я все молилась и молилась. Я начала с Отче Наш, затем я стала вспоминать другие молитвы. Я старалась, чтобы мой голос звучал тихо и монотонно. Я полагала, что рано или поздно ему станет скучно. В конце–концов он стал успокаиваться, и Билл пришел наверх и забрал у него нож. До настоящего времени мы не можем понять, что же все все‑таки случилось с ним, разве что Боб предположил, что у него могла быть аллергия на тунец.

После этого они стали думать что Эдди, возможно, не тот человек, с которым следует работать. Но спустя годы мы поехали на машине в Янгстоун, в загородный клуб, где проводилось большое собрание АА, и первыми словами Дока были: “Святой Моисей!” — там был Эдди».

Эдди вновь появился на похоронах доктора Боба в 1950 году, когда, по словам Смитти, «он подошел и спросил, помню ли я его. Он сказал что он трезвый уже, насколько я помню, год к тому времени, и что он перестал пить в группе Янгстоун, штат Огайо».

Когда Эдди был трезвым уже семь лет, Билл снова о нем услышал. Нейл Уинг, которая была секретарем у Билла, а затем работала в архиве Центрального Бюро Обслуживания АА, встретила Эдди и была удивлена, как этот спокойный человек с мягкими манерами мог причинять людям столько неприятностей.

Свидетельством усердия доктора Боба и Билла служит то, что, пытаясь иметь дело с Эдди, они также решили поискать еще одного алкоголика, чтобы работать с ним одновременно.

«Но где мы можем найти хоть каких‑нибудь алкоголиков? — вспоминает свой вопрос Билл.

«В Городском госпитале Акрона у них всегда есть некоторое количество таких людей, — сказал Боб. — Я им

позвоню и узнаю, что у них есть». Он позвонил Миссис Холл, приемной сестре, которая была его другом, и объяснил, что он и еще один человек из Нью–Йорка нашли средство от алкоголизма, и что им нужен человек, на котором они могли бы его испробовать.

Как вспоминал Билл позже: «Медсестра знала прежнего доктора Боба». Это как раз и была та самая медсестра, которая сразу же спросила, попробовал ли он это средство на себе. «Да, — ответил доктор Боб, застигнутый немного врасплох, — Я, разумеется, попробовал».

У миссис Холл был потенциальный клиент — «дэнди». Это был адвокат, шесть раз побывавший в госпитале за предшествующие четыре месяца. Он совершенно терял всякое соображение, когда выпивал, и он только что грубо обошелся с двумя медсестрами. В настоящий момент он был крепко привязан к кровати. В какой‑то момент во время этого разговора миссис Холл произнесла такие знакомые слова: «Он замечательный малый, когда трезвый».

Это был Билл Д., который затем стал третьим АА–евцем, — «человек на кровати». И он действительно оказался отличным малым, когда был трезвым. Акронские члены АА, которые сейчас имеют по 30–35 лет трезвости, помнят его как одного из самых обаятельных людей из всех, кого они когда‑либо знали.

«Я считаю себя очень важной шишкой потому, что я возил Билла Д. на собрания», — говорит один из акронских членов АА, и отмечает при этом, что Билл хоть и был довольно влиятельным в округе, но не был амбициозным человеком в АА. «Он не был агрессивным, он был просто хорошим АА–евцем. Если вы шли к нему за помощью, он помогал вам. Он давал вам советы. Он никогда не водил машину, но посещал собрания каждый вечер. Он стоял там, засунув большие пальцы под жилет, как полковник из Кентукки, и говорил так медленно, что вам хотелось достать и вытащить слова из его рта. Мне нравилось быть с ним. Он

представлял собой образец нашего девиза “Тише едешь, дальше будешь” — Мистер Душевный Покой».

Доктор Боб и Билл не сразу поехали к Биллу Д. Во–первых, он был не в состоянии с кем‑либо встречаться. Во–вторых, они считали, что сначала следует поговорить с его женой. Такой подход стал частью работы с алкоголиками в тех случаях, когда сам алкоголик не просит о помощи, поскольку сказать ему нечего: сначала обсудить все с женой; затем выяснить, что можно сделать; и, наконец, спланировать свой подход.

Полная история Билла Д. изложена в Большой Книге («Анонимные Алкоголики»)[14]. Он вспоминал свое собственное чувство беспомощности и отчаяния до визита доктора Боба и Билла. Сначала произошла идентификация с ними, за этим последовала капитуляция его воли перед Богом и переоценка моральных ценностей; затем ему рассказали о первой рюмке, о 24–часовой программе, и о том, что алкоголизм является неизлечимой болезнью — все основы нашей программы, оставшиеся неизменными до сегодняшнего дня.

Билл Д. также вспоминал, как ему сказали о необходимости нести послание об исцелении другим. Больше всего его тронуло услышанное в разговоре Билла У. с миссис Д. примерно неделю спустя: «Генриетта, Всевышний был столь добр ко мне, излечив меня от болезни, что мне просто хочется говорить об этом все время и рассказывать об этом другим людям».

Билл Д. сказал себе: «Я думаю, что теперь я знаю ответ». Билл Уилсон, сказал он, «был очень, очень благодарен за избавление от ужасов алкоголизма, и он благодарил Бога за это избавление, и он настолько благодарен, что хочет рассказывать об этом другим людям». Для Билла Д. одно только это предложение, сказанное одним из наших

---

[14] На русский язык эта история не переведена (*ред* .).

сооснователей, стало «в своем роде золотым текстом программы АА и для меня».

Оглядываясь назад, в 1977 году Генриетта Д. описывает своего мужа как «законченного алкоголика, который, как и другие алкоголики, не хотел напиваться». Тогда она видела все происходящее в иной перспективе. Она вспоминает, как говорила своему пастору: «Он Вас не слышит. Я попробую найти кого‑нибудь, у кого это получится, даже если мне придется увидеться с каждым человеком в Акроне». И молилась со священником из другой церкви о том, чтобы кто‑нибудь, кого муж сможет понять, навестил его в Городском госпитале, в который его поместили «с каким‑то вирусом».

День или два спустя, Миссис Холл позвонила Генриетте Д.: «Доктор, который работал в Госпитале в течение 25 лет, думает, что он нашел способ помочь человеку с проблемой пьянства, — сказала она. — Он хотел бы узнать, не могли бы вы с ним поговорить».

Генриетта согласилась. «Я пришла в госпиталь, и Миссис Холл привела меня в комнату, где мне пришлось подождать. Вошел доктор Боб. Он оказался крупным костлявым мужиком с хриплым голосом.

— Что за птица Ваш муж, когда трезвый? — спросил он.

— Когда он трезвый, он наилучший человек на свете. Но когда он пьет, он наихудший — сказала я.

— Да, понимаю, — сказал он.

Он был резковат, но у него было большое сердце, — говорит Генриетта. — Он сочувствовал женам, потому что знал, сколько пришлось вытерпеть его собственной жене из‑за него. Я всегда чувствовала, что движение никогда бы так не выросло, если бы доктор Боб не сказал в свое время, что они не хотят раздельных собраний, что мужья и жены уже достаточно долго были разделены пьянством. Много лет спустя у них появились закрытые собрания (только для алкоголиков), но в те времена их не было.

После того, как мы немного поговорили, он сказал: “Здесь есть еще один человек. Мы с ним думаем, что нашли способ помочь пьяницам”.

Я думала, что он имел в виду какое‑то дорогое средство, и сказала ему: “У нас совсем нет денег. Все кончились”.

Он сказал: “Если у Вас найдется 50 долларов за отдельную палату, то все, что мы будем делать для Вашего мужа, не будет стоить Вам ни цента”.

Я сказала доктору Бобу: “Да, столько у меня найдется”. И это было еще одно чудо, потому что две недели назад денег не было совсем. Человек, занявший у нас 150 долларов, позвонил, когда Билл был в госпитале, и сказал, что готов вернуть долг. Разумеется, для нас это было подарком судьбы.

И тогда я сказала доктору Бобу: “Вы — ответ на мою молитву”.

Он сказал: “Нет, я не ответ на молитву. Я пытаюсь удержать от пьянства самого себя”. Затем он позвал медсестру и попросил перевести моего мужа в отдельную палату.

Когда я пошла проведать своего мужа, он был очень расстроен из‑за отдельной палаты, — продолжает Генриетта. — “Зачем ты это сделала? — спросил он. Ты же знаешь, что у нас нет денег платить за это”.

Тогда я пересказала ему услышанное от Доктора Боба, и что все, что тот для него будет делать, не будет стоить ни цента.

“Я никогда не слышал о чем‑либо подобном”, — сказал мой Билл.

“Я тоже никогда не слышала, — сказала я, — но это то, что он мне сказал”.

Затем вошел доктор Боб и обратился к моему мужу. Биллу он ужасно понравился. Позже в тот же вечер, он вернулся вместе с Биллом Уилсоном, и они вдвоем поговорили с ним. А потом доктор Боб посадил моего мужа на кислую капусту и

помидоры. Это все, что разрешалось ему есть, пока он находился в госпитале. Но ему нравилось и то, и другое, и он не жаловался.

Он находился там около пяти дней, прежде чем они смогли заставить его признаться, что он не в состоянии контролировать свое пьянство, и должен отдать это на волю Божию. Что же, он верил в Бога, но он хотел оставаться самим собой. Они *заставили* его встать на колени рядом с койкой прямо там, в госпитале, помолиться и сказать, что он отдает свою жизнь в руки Господа.

Он вышел из Госпиталя 4 июля 1935 года. Я этого никогда не забуду. Я была за городом, на озерах, у нашего друга, у которого там был коттедж. Доктор Боб, Билл Уилсон, Анна и еще один молодой парень по имени Эдди Р., которого они пытались привести к трезвости, приехали туда. (Эдди сначала не удавалось, но позже у него получилось. Он шутил, что в АА было двое первых — первый, кто пришел в программу, и первый, кто от нее отказался). Они все приехали, и мы устроили пикник. И это был действительно пикник для меня, должна вам сказать!

Что касается второго раза, когда доктор Боб разговаривал со мной в госпитале, он сказал: “Одна милая женщина приглашает Вас в гости”.

Я подошла к подруге, у которой была машина, и сказала: “Я должна поехать и встретиться с его женой, но я не поеду”.

“Ты поедешь, — сказала она, — я отвезу тебя”.

Когда Анна открыла дверь, я спросила: “Вы Миссис Смит?”

И она сказала: “Для вас Анна, моя дорогая”. Это разбило лед недоверия. Я думала: “Такие богатые люди!” Я не могла с ними сравниться, потому что у нас не было ни цента. Но я обнаружила, что у них тоже не было денег. Я вспоминаю, как однажды пришла к ним в воскресение, и застала Билла Уилсона, который ел горох прямо из банки, даже не подогретый.

Анна была такой очаровательной. Все ее любили! Никогда не давала повода почувствовать ее превосходство. Во время нашего первого разговора она сказала мне: “Давай мы с тобой будем оставаться на заднем плане”.

Она разговаривала с женами гораздо чаще, чем я, потому что я по жизни немногословна. И не привыкла обсуждать свои беды. Я держала их в себе. Я начала работать с другими, делала все, что было в моих силах, стараясь помочь другим, и рассказывая им, что мне пришлось пройти через то же самое. Знаете ли, я думала, что мой муж хуже всех. И эти женщины чувствовали то же самое.

Анна деликатно подталкивала других жен к общению с новыми женщинами. И она советовала, чтобы мы также ходили к ним домой. Я помню, как я ходила домой к одной леди. Я никогда с ней не встречалась, но я сказала ей, кто я, и сказала, что я хочу ей помочь. Она была занята стиркой и не хотела, чтобы ей докучали. После этого я каждый раз впадала в уныние, когда дело доходило до визитов к ним домой. Она ведь не поняла, насколько это было для нее важно».

Очевидно, Анна понимала, сколь значимо было происходящее для Генриетты Д., вспоминающей об этом так: «Она звонила мне каждое утро и спрашивала, было ли у меня время тишины. В это время вы должны были оставаться наедине с собой, с блокнотом и карандашом, и записывать все, что приходило вам в голову. Возможно, позднее, днем, вы сможете понять смысл. В течение года, я так думаю, она звонила мне каждый божий день: “У тебя сегодня было время тишины? Было ли у тебя что‑нибудь особенное в это время?” Она была удивительной!»

Анна Смит никогда не переставала проявлять свою любовь и заботу о других — похожим образом. Другая женщина, Пегги, вспоминает, что в последний год жизни Анны, «редкое утро проходило без того, чтобы Анна не позвонила. Даже когда они уезжали в Техас, повидаться со Смитти, она так славно позвонила утром и сказала: “Я не

видела тебя прошлым вечером (на регулярном собрании группы в Королевской школе). Где ты была?”

Я сказала: “Я знала, что ты уезжаешь в Техас. Я просто не хотела говорить"до свидания"”. Я не понимала, что разговариваю с ней в последний раз».

Генриетта Д. также познакомилась с Луис Уилсон. «Я не знаю, сколько времени прошло до того, как она пришла, но она пришла. Я спросила ее: “Как ты думаешь, твой муж когда‑нибудь может начать пить снова?” Она сказала: “Я знаю, что нет”.

Это значило для меня так много, — рассказывает Генриетта. — Она знала, что нет. Она не просто думала так. Она сказала мне, что она знала с самого начала, что Билл уже никогда не будет опять пить».

«Это знание пришло ко мне тоже, как вспышка. Я проснулась в середине ночи, и казалось, что вся комната наполнена светом. Я не видела и не слышала ничего, но ко мне вдруг пришло, что Билл больше никогда не будет пить. И он никогда не пил.

О, да, мой Билл был полон энтузиазма. У него даже не оставалось времени на свой собственный бизнес. Я говорила ему: “Мы имеем совсем немного, но если ты отдаешь свое время этой работе, это все, что мне нужно”. Ему это очень нравилось. Он всегда готов был пойти в любое место в Акроне, или за его пределами, куда они хотели, чтобы он пошел. Ему нравились люди, и люди любили его».

В начале Генриетта Д. вынуждена была работать вечерами, и по средам не успевала на собрания в доме Т. Генри Уильямса. Но она рассказала, что традиция пить кофе или чай после собрания началась сразу же, «когда все, болтая друг с другом, пили кофе и курили…

Вы говорите, что это все и сегодня так? Это действительно здорово!

Анна, которая звонила мне каждый день, была для меня всем. Я всегда вспоминаю дружелюбие, доброту и близость,

которую все мы чувствовали. Позднее я могла поехать в любое место в Соединенных Штатах, и найти друга в АА.

Я чувствовала себя очень грустно, когда кто‑нибудь срывался. Мы все за него молились. Я не думаю, чтобы кто‑нибудь считал, что *программа* не работает. Это потому, что доктор Боб обладал таким энтузиазмом. И конечно, Билл проводил там довольно много времени. Они оба были так *уверены* .

Вы знаете, поначалу мне никогда не приходило в голову, в течение какого времени доктор Боб и Билл были трезвыми. Если бы я знала, что это было в течение очень короткого времени, я не была бы так уверена, что это может помочь моему Биллу». Когда Билл Д. вернулся из госпиталя, доктор Боб был трезвым всего три недели. «Я думала, что они были трезвыми в течение нескольких лет. Я думаю, что мой муж думал точно так же.

Тогда это все еще была Оксфордская Группа, — вспоминает Генриетта Д. — Я помню, что когда я впервые услышала “Анонимные Алкоголики”, я подумала: “Это самое ужасное название, которое я когда‑либо слышала”. Но оно прижилось.

Мы все были членами группы, — рассказывает она. — Однажды Билл Вилсон сказал мне: “Теперь, когда твой муж отказался от своих грехов, как насчет того, чтобы ты отказалась от своих?”

Я сказала ему, что у меня их нет. Я не пью. Я не курю. Я не хожу в кино и не играю в карты по воскресениям.

— Это замечательно и хорошо, — сказал он, — но как насчет жалости к себе, страха и беспокойства?

— А они являются грехами? — спросила я.

— Конечно, являются.

— Что же, если это грехи, то я полна грехов, потому что все они есть у меня — сказала я.

Доктор Боб не говорил очень много. Я не могу вспомнить, чтобы он когда‑нибудь вел собрание. Он разговаривал

с людьми наедине. Он удивительно умел добиваться капитуляции. Вы знаете, сначала они добивались ото всех этих людей капитуляции. В доме Т. Генри Уильямса, где они собирались, доктор Боб уводил их наверх, и добивался от них того, чтобы они сказали, что отдают себя в руки Господа».

Генриетта Д. работала старшей сестрой–хозяйкой в Городском исправительном доме Акрона в течение 22 лет. «Когда я обнаружила, что мой муж может бросить пить, я думала, что я могу рассказать этим девушкам, как это сделать, и они тоже перестанут пить. Но они не переставали. Там было очень много женщин с алкогольной проблемой.

У нас была одна медсестра, которая к нам поступила, — вспоминает Генриетта. — У нее было шесть дней в исправительном доме, а затем еще шесть месяцев тюрьмы впереди. Я позвонила судье и спросила, не мог бы он позволить ей остаться в исправительном доме на шесть месяцев, потому что я думаю, что я знаю человека, который мог бы ей помочь. И он разрешил ей остаться.

После того, как я объяснила ей программу, я спросила ее, не заинтересует ли она ее, и она сказала, что заинтересует. Тогда я позвонила одной леди из АА, и она приходила к ней несколько раз; медсестра приняла программу с огромной радостью. Она была замечательная девушка.

Да, я старалась помочь — говорит Генриетта, которая в значительной мере способствовала первой работе АА в организациях. — Мне нелегко было пропускать многое из происходившего в АА из‑за работы. Но я всегда была очень счастлива, зная, что движение растет. Это правда, что сегодня в АА миллион человек? Я надеюсь, что скоро там будет два миллиона».

VIII. В Акроне образуется первая группа

Пока доктор Боб и Билл работали с Биллом Д., Луис

становилась все более и более нетерпеливой по поводу возвращения Билла в Нью–Йорк, где также было «множество пьяниц, с которыми можно было работать». Как она называет это позже: «Я пилила его».

В конце концов Билл написал ей и объяснил, насколько это важно для него — остаться дольше. Он не только отчаянно хотел добиться успеха в бизнесе, из‑за которого он, собственно, и оказался в Акроне, но также он чувствовал, что он и доктор Боб были действительно на пути к чему‑то в работе с другими алкоголиками.

Луис была рада узнать, насколько успешной оказалась работа ее мужа с пьяницами в Акроне. По настоятельной просьбе Билла, вслед за которой последовало приглашение от Анны Смит, Луис поехала на автобусе в Акрон, взяв летний отпуск в большом универмаге в Бруклине, где она работала декоратором интерьеров.

«Я полюбила обоих, Боба и Анну, с самого начала, — рассказывает Луис. — Они так тепло меня встретили, и сразу же приняли меня как члена семьи.

Боб с Биллом были очень заняты в то время. Они только что подключили Билла Д. к программе. Поэтому мы с Анной проводили очень много времени вместе. Анна была человеком, с которым меня связывало то, что она была женой другого алкоголика, хотя мы и не говорили много о наших проблемах, или о том, что происходило. Она была полна мудрости и замечательного умения понять людей. Не только жены и целые семьи приходили к ней за советом, но также многие члены АА».

Луис описывает доктора Боба как человека, полного гуманизма: «Он действительно хотел помочь людям в беде. И он был так воодушевлен и полон энтузиазма в связи с тем новым делом, которое они с Биллом делали.

Мы очень близко подружились семьями, и все время навещали друг друга. Билл с Анной приезжали навестить нас каждый год. В какой‑то момент они даже думали о

покупке дома здесь на Бедфорд Хиллс». (Уилсоны переехали в этот сельский район штата Нью–Йорк в 1941 году.)

В 1978 году Луис все еще регулярно переписывалась со Сью Уиндоуз. А незадолго до этого Смитти делал у них короткую остановку, когда они с женой и младшим сыном устраивали большое путешествие по Восточному побережью.

Говоря об особых отношениях Билла с доктором Бобом, Луис рассказывает: «У Билла была куча приятелей, но очень немного настоящих друзей. Только Марк Уайлон в Вермонте и Боб Смит. Конечно, был еще Эбби, но с ним его связывало больше чувство благодарности — и ностальгии». (Эбби Т., друг Билла с детства, а позже товарищ по выпивкам, первым обрел трезвость в Оксфордской Группе и донес это послание Биллу.)

«Билл понимал также, что получил от доктора Боба именно то, что ему было необходимо в дополнение к его работе. Он всегда советовался с Бобом. Боб мог предлагать что‑то свое, но обычно он соглашался с Биллом».

Она вспоминала, что Боб любил быстрые, дорогие машины, и что он любил быстро ездить. «Это беспокоило Анну, но не меня. Я тоже, в какой‑то степени, любила быструю езду», — говорит 86–летняя Луис в 1978 году.

Вместе с Биллом Д., теперь стало уже трое выздоравливающих, и все три алкоголика чувствовали необходимость нести это послание другим, иначе они погибнут сами. Было несколько неудачных попыток, прежде чем в конце июля 1935 года Эрни Г. стал четвертым.

Эрни описывали как дикого, «дьявол–о-нем–позаботится» молодого парня, на тот момент 30 лет от роду. Он пошел в армию, когда ему было 14, зарабатывал на временной работе ковбоем, а затем нефтяным рабочим, и так, пьянствуя и скандаля, прокладывал себе дорогу по стране.

Когда Эрни вернулся в Акрон, за его плечами были потерянная работа и разрушенный брак. Его родители были глубоко религиозными людьми, и они не знали, хочет он

бросить пить или нет. Он наотрез отказался иметь дело с церковью.

Однако Эрни в конце–концов согласился выслушать доктора Боба и двоих его друзей, которые вместе нашли способ стать трезвыми. Он был помещен в Городской госпиталь, где его приводили в чувство, как он вспоминает, «тремя унциями виски каждые три часа, плюс еще некоторое количество, которое я припрятал».

Разговаривая с Биллом Уилсоном в 1954 году, Эрни рассказал, что он был в госпитале шесть дней, перед тем как три человека (Боб, Билл Уилсон и Билл Д.) пришли повидаться с ним и «сделали мне предложение поучаствовать в какой‑либо части программы. Я помню, как Док подчеркивал, что это болезнь, — вспоминает Эрни. — Он говорил это каждому, с кем работал».

Молодой человек согласился попробовать. «Я подумал, что если это помогло им, тогда есть шанс, что это может сработать и для меня».

Тогда они ему сказали:

— Что ж, в таком случае, мы бы хотели, чтобы ты сделал признание.

— Что вы имеете в виду под признанием? — спросил Эрни.

— Ну, ты должен произнести молитву.

— Я не очень готов сделать это, потому что все это не совсем в моих интересах, — ответил он.

Тем не менее, они согласились ему помочь. Они стали произносить молитву, и сказали, чтобы он повторял ее за ними. «Почему‑то я почувствовал какое‑то облегчение после этой так называемой капитуляции, — говорит Эрни. — Метод признания и капитуляции использовался в то время, и продолжал применяться еще в течение нескольких лет после этого. Я не знаю, когда его перестали использовать. Но я думаю, что даже сегодня он был бы очень полезен».

Когда Эрни вышел из госпиталя, доктор Боб и Билл были все еще целиком заняты Эдди Р., вспоминает Эрни. «Эдди все время был заполнен или пищевой содой с виски, или просто пищевой содой. Большой разницы между ними не было, поскольку Эдди Р. мог выйти из себя и от того, и от другого.

Иногда Эдди выходил из берегов, и Анна звонила мне на работу. К тому времени, когда я к ним добирался, он был уже сладким, как пирог с повидлом, и вы бы никогда не подумали, что он может обидеть даже блоху. Затем, как только я уходил, он снова брался за свое.

Но я был трезв, и они хотели проводить со мной как можно больше времени. Я ходил к Доку домой, где остановился Билл Уилсон, и проводил там много времени. Вскоре после этого я нашел работу по продаже машин. У меня не было никакого желания пить, и я испытывал огромное облегчение в тот период».

Сью особенно запомнилось, как Эрни приходил к ним домой и как помогал с Эдди. Она также помнит, что Эрни был первым, у кого произошел срыв в АА. После года трезвости он начал пить, и продолжал в течение семи месяцев.

Сью вышла замуж за Эрни в 1941 году, примерно через пять лет после этого, а тогда она страшно переживала каждый раз, когда он напивался. Он никогда по–настоящему не «окреп», как выразился об этом Док. Вслед за этим первым срывом у него были периодические рецидивы, которые становились все хуже и хуже, вплоть до его смерти.

«Они не очень понимали, что с ним делать — говорит Сью. — Он даже дошел до того, что хотел, чтобы ему заплатили за его выступления на собраниях. Я так никогда и не нашла ответа, как ему помочь». Брак закончился разводом, и Сью вышла замуж за своего первого ухажера, Рея Уиндоуза.

Справедливости ради, говорит она, следует отметить, что Эрни действительно помог очень многим людям во время своих трезвых промежутков. Однажды ему удалось

оставаться трезвым в течение 11 лет, увы, затем последовал новый срыв.

Дочь доктора Боба Сью Виндоуз отчетливо помнит те дни своего отрочества, когда АА изменило жизнь ее семьи

Оба, и доктор Боб, и Анна очень сильно возражали против брака Сью, причем не из‑за алкоголизма Эрни, а из‑за его срывов. Никто не может сказать, были они правы в своих возражениях или нет — известно лишь, что это было именно так.

Хотя Билл говорил, что доктор Боб всегда был уравновешенным, один нетипичный эпизод вспомнил Джон Р., продолжавший каждую среду посещать группу в Королевской школе Акрона спустя почти 40 лет после того, как впервые пришел в АА в 1939 году. «Я помню, как один раз он действительно вспылил», рассказывает Джон. «У нас было собрание, нас было около дюжины. Кто‑то упомянул имя Эрни. Док вскочил, и я забыл, как он его обозвал, но он его точно как‑то обозвал. “Нет! Нет! Нет! Не говорите ничего об этом парне”. Я этого никогда не забуду. Довольно скоро Сью и Эрни поженились. Док не любил Эрни! Что ж, Эрни Дока тоже не любил».

Эрни также вспоминал вступление в АА пятого участника, где‑то в конце августа или начале сентября 1935 года: «Это был Фил С., который, по–видимому, встретил Билла Уилсона, когда тот уже собирался уезжать обратно в Нью–Йорк.

Однако Филу не удавалось протрезветь в течение нескольких недель после этого. Ему назначили обычные процедуры в Городском госпитале в течение восьми дней, а затем его отпустили, под строгой охраной Эрни усадив в

Pierce Arrow , машину Дока. И отправили на поиски его собственной машины, которую он потерял, когда был пьян.

Фил попросил разрешения отлучиться ненадолго, «за молочным коктейлем». А когда вернулся через 15 минут, Эрни увидел, что он был уже вдрызг пьян. Через несколько дней после этого Фила где‑то подобрали и приговорили к 30 дням пребывания в исправительном доме.

Он был сильно расстроен, что это могло случиться после всего прекрасного и светлого, — рассказывает Эрни. — И был в какой‑то мере оскорблен, потому что он не был бродягой — ну, за исключением того, что ходил по улицам босиком и был не слишком чистым.

Но Билл Д. поговорил с судьей, который согласился выпустить Фила при условии, что тот будет находиться в руках доктора Боба в течение всего периода, который доктор Боб сочтет нужным, и будет ходить туда, куда Док посчитает необходимым, и, наконец, исправится. Но если он напьется в течение 30 дней, они снова посадят его под замок.

Фил с готовностью согласился на это условие. Мы одели его потеплее, доставили в местную вытрезвительную лечебницу и посадили там под замок».

После этого Фил оставался трезвым, за исключением срыва спустя два года. Таким образом, если Эрни был первым молодым человеком в АА и первым «срывником», то Фил С. был первым судебным случаем. Но именно это и было одним из чудес объединения в те дни. Что бы ни делалось, практически все это было впервые.

Смитти помнит, как его отец и Билл Уилсон напряженно работали в тот период, чтобы «составить небольшой рассказ, или схему, которая заинтересовала бы других алкоголиков».

Доктор Боб, отмечая, что Двенадцати Шагов в то время еще не было, и что «наши истории не были чем‑то таким, о чем имело смысл говорить», позднее сказал, что они были убеждены в наличии ответов на их вопросы в Священном Писании. «Для некоторых из нас, тех, кто

постарше, это были части, которые мы считали чрезвычайно важными — Нагорная Проповедь, 13–я глава Первых Коринфян и Евангелие от Иакова», — рассказывал он.

Это было начало «периода полета вслепую» для АА. У них была Библия, и были правила Оксфордской Группы. У них также была своя собственная интуиция. Они работали, вернее, разрабатывали программу АА — Двенадцать Шагов — не вполне осознавая, как они это делают.

Как вспоминал доктор Боб: «Я не писал Двенадцати Шагов. Я не имел отношения к их написанию. Но я думаю, что я, возможно, имел к ним косвенное отношение…

Почти не было ночи (летом 1935 года, в течение трех месяцев пребывания Билла), чтобы мы не сидели до двух или трех часов, разговаривая. Мне будет трудно согласиться с тем, что во время этих ночных дискуссий за нашим кухонным столом не было сказано ничего, что повлияло бы на написание Двенадцати Шагов.

У нас уже были основные идеи, хотя и не в сжатой, выразительной и осязаемой форме. Мы получили их… в результате изучения Святого Писания. У нас они должны были быть. С тех пор мы узнали из опыта, что они являются очень важными в поддержании трезвости. Мы свою трезвость поддерживали, следовательно, они должны были у нас быть…

Это происходило, — говорит доктор Боб, — когда все мы были на мели, абсолютно без гроша. Возможно, для нас было намного проще добиться успеха, когда мы были нищими, чем если бы у каждого из нас был солидный банковский счет… Сейчас я думаю, что это произошло по воле провидения».

Кроме Эдди, была еще пара алкоголиков в течение лета и осени 1935 года, которые не сумели протрезветь. Однако, они все же заслуживают того, чтобы стать частью АА–евского фольклора.

Это были мужчина, назовем его «Виктор», бывший мэр Акрона, и леди, которую мы назовем «Лил», которая была

первой женщиной, ищущей помощи.

Вместе, Виктор и леди, известная как Лил, начали писать «тринадцатый шаг», задолго до того, как первые двенадцать были задуманы. Что еще более интересно, так это то, что дело происходило в кабинете доктора Боба, на кушетке для обследования пациентов, пока он находился в Городском Клубе, занятый игрой в священный для него бридж по понедельникам.

Так или иначе, Виктор решил, что ему пора идти домой — но Лил была пьяна. Поэтому он позвонил Эрни, чтобы объяснить это затруднительное положение. Когда Эрни приехал, он увидел, как Лил достала горсть маленьких таблеток из шкафчика доктора Боба.

«Мы стали обходить кушетку, а она тем временем пыталась засунуть таблетки в рот, — вспоминает Эрни. — Затем она бросилась к окну. Я поймал ее, уже наполовину высунувшуюся из окна. Она была сильная, как лошадь, и выкрикивала такие богохульства, которые я никогда не слышал ни раньше, ни после этого.

Я ее утихомирил, и приехал Док. Мы доставили ее на Адмор авеню и поместили в комнату в подвале. Она находилась там два или три дня, а затем ее знакомые забрали ее домой. Конечно, они отзывались не слишком хорошо об этом, и думали, что мы обращались с ней неподобающе. Но мы считали, что сделали для нее все, что могли, хотя она себе совершенно не помогала».

Говорят, долгое время после этого доктор Боб не хотел иметь дела с женщинами–алкоголиками, хотя он все‑таки старался помочь, насколько это было возможно, всем, кто приходил за помощью. И Билл Уилсон в разговоре с Сью Уиндоуз в 1950 году также вспоминал, какой скандал обрушился на них после этого эпизода.

«Как пьяницы, я не знаю, почему мы должны были стыдиться, — говорит Билл. — Но у нас было чувство, что выходки некоторых из этих первых людей могли разрушить

нас совсем. “Лил”, я думаю, была самой первой женщиной, с которой мы имели дело».

Билл думал, что у «Лил» так ничего и не получилось. Но Сью рассказала, что она исправилась через несколько лет, вышла замуж, родила детей. Только Лил выздоравливала отнюдь не благодаря программе АА. Это тоже было уроком — АА не является ответом для всех.

Эрни также вспоминал, что примерно во время Финальных Серий[15] у Виктора в доме было десять кварт спирта для растирок. Это было, среди прочего, остатками запаса, который использовался для растирок во время болезни его матери, перед тем, как она умерла.

Как рассказывал Эрни, Виктор спросил нескольких джентльменов из числа бродяг и преступников, пили ли они когда‑нибудь такое… «Это лучше, чем шампанское», — ответил один. Все еще не совсем убежденный, Виктор дал им пинту, и наблюдал из‑за жалюзи, как они его выпили. Было похоже, что никто из них не умер. Более того, они пришли и попросили еще.

«О'кей, — сказал Виктор и дал им еще пинту. — Но это последняя. Если он так хорош, то это как раз то, что мне нужно». Пьянство продолжалось в течение всех Финальных Серий 1935 года между Детройтскими Тиграми и Чикагскими Лисами, а это целых шесть матчей.

Эрни заметил, что оба, и Виктор, и Эдди Р., были примерами неэффективной возни с алкоголиками как с малыми детьми, «от которой отказались в более поздние годы». И не удивительно. Она требовала непрерывных усилий со стороны всех членов.

Эрни вспоминал также одну из первых непрошенных попыток, предпринятых ранними АА–евцами в Акроне. Они пошли в дом одного человека, и довольно серьезно с ним

---

15 Финальные Серии — финал чемпионата по американскому футболу; проводится обычно в конце лета — начале осени (*пер* .).

поговорили. Он вынужден был слушать, но мало что мог сказать в ответ, так как пластом лежал на кровати.

«Через пару дней мы снова пришли, но его мать заперла дверь и отказалась нас впустить, потому что мы действовали ему на нервы. “И кроме того, у него нет никакой проблемы с виски”, — заявила она».

Были и другие. Некий пьяница вцепился в руль, когда доктор Боб вел машину, и едва не разбил авто. Была также официантка из индейцев, с которой пытались работать какое‑то время.

Смитти вспоминает, как его отец давал пьяным дозу паральдегида. «Они будут лежать тут 36 часов в отключке, сказал отец. Затем один из них пролил лекарство в машине, которая неприятно пахла после этого до тех пор, пока ее не продали. *Pierce Arrow* называли в семье “Ковчегом”, — рассказывает Смитти, — папа, конечно, был Ноем».

Кроме того, Билл писал Луис о человеке из Детройта, с которым они работали в то лето 1935 года: «Он много старше среднего возраста, и очень похож на тех, кого я встречал в Госпитале Нью–Йорка в изобилии, — пишет Билл. — Он не очень продвинулся пока, но он развалится в ближайшие пару лет, если будет пить. Бедолага, он хотел держать все это в глубокой тайне, и мы не смогли заставить его раскрыться».

Как Билл говорит об этом, «редкий вечер проходил без того, чтобы чей‑нибудь дом не стал прибежищем для небольшого собрания мужчин и женщин, счастливых в своем избавлении, и постоянно думающих о том, как они могут рассказать о своем открытии другим новичкам». Когда случалась неудача, «они старались сделать так, чтобы семья этого человека жила духовной жизнью (предопределение, если не прямое предшествование Ал–Анона), в значительной мере облегчая их беспокойство и страдания», — рассказывает он.

«В дополнение к этим случайным встречам по мере необходимости, стало традицией выделить один вечер в

неделю для собрания, которое могли бы посещать любой и каждый, кто интересуется духовной жизнью», — рассказывает Билл. Это, разумеется, были вечера по средам у Т. Генри Уильямса.

«В те дни все могли усесться на замечательные мягкие стулья, потому что нас было немного, — вспоминает Эрни в разговоре с Биллом. — Кларас Уильямс никогда не приходилось использовать больше парочки жестких стульев. Там были вы, Док, Билл Д., я и Фил С. Остальные были членами Оксфордской Группы, в целом было 13 или 14 человек».

В самом начале среди других участников бывали Т. Генри и Кларас, Генриетта Сейберлинг, Анна Смит и Генриетта Д.

«Алкогольная команда», как кто‑то назвал ее в более поздние годы, продолжала собираться в доме Т. Генри каждый вечер по средам с лета 1935 года почти до конца 1939 года, затем переехала в дом Доктора Боба на несколько недель, и оттуда в январе 1940 года в Королевскую школу.

Если, как считал доктор Боб, первопроходцы использовали Двенадцать Шагов, не зная об этом, то это была уже первая группа Анонимных Алкоголиков, хотя ее участники об этом не думали.

Тем не менее, даже тогда уже были подводные течения и некая разобщенность между алкоголиками и другими членами местной Оксфордской Группы. «Принцип указания свыше, которым руководствовалась группа, никогда особо не одобрялся пьяницами, — говорит Эрни. — Возможно, его не объяснили достаточно подробно».

У меня все это не укладывалось в голове с самого начала, — рассказывает он. — Казалось, что это становится все более технологичным и формальным. Иногда я чувствовал себя, как будто они используют доску Уиджа[16]. И

---

[16] «Доска Уиджа», «Говорящая доска» — планшетка для спиритических сеансов с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами от 1 до 10 и словами «да» и «нет» (*ред* .).

я сам, да и другие алки считали, что их выдумки родом из чернильницы, и что они пытаются навязывать личные идеи другим. Но из уважения к Т. Генри мы не протестовали слишком уж бурно.

С другой стороны, мы уводили новичков наверх, заставляли встать на колени и добивались от них признания, которое я считал очень важной частью».

Признание и капитуляция были более чем важны; это было обязательным условием. Боб Е., который пришел в АА в феврале 1937 года, вспоминает, что после пяти или шести дней в госпитале, «когда вы давали понять, что вы настроены достаточно серьезно, они предлагали вам встать на колени у кровати и произнести молитву Господу, признаваясь, что вы оказались бессильны перед алкоголем, и что ваша жизнь была неуправляемой. Более того, вы должны были сказать, что вы верите в Высшую Силу, которая вернет вам здравомыслие.

В этом вы можете увидеть начало Двенадцати Шагов, — рассказывал он. — Мы называем это признанием. Оксфордисты этого требовали. Вы не могли пойти на собрание, пока вы этого не выполните. Если по какой‑то причине вы не сделали это в госпитале, вы должны были сделать это наверху, в спальне дома Уильямсов».

Дороти С. М. вспоминала о собраниях 1937 года, когда «все мужчины удалялись наверх, а мы, женщины, нервничали и беспокоились о том, что там происходит. Примерно через пол–часа, или около того, вниз спускался очередной мужчина, дрожащий, бледный, сосредоточенный и хмурый. И все люди, которые уже были в АА, маршировали по лестнице вслед за ним. Они не очень охотно рассказывали о том, что произошло, но через некоторое время они говорили нам, что это было настоящее признание.

Я часто думаю, сколько людей из тех, что приходят сегодня, смогли бы пройти через подобную процедуру — обычное старомодное собрание с молитвой, — говорит

Дороти, которая тогда была замужем за АА–евцем Кларенсом С., а позднее пришла в АА сама. (Она умерла в 1971 году.) — Новички делали признание в присутствии всех остальных людей». После признания и капитуляции, многие шаги — включая переоценку ценностей, признание недостатков характера и возмещения ущерба другим — делались в течение нескольких дней.

Доктор Боб, как мы знаем, в тот самый день, когда выпил в последний раз, энергично взялся за то, что теперь называется выполнением Девятого Шага АА, путем сознательного возмещения ущерба, нанесенного друзьям и знакомым.

Спустя более чем 40 лет после этого многие «современные» медицинские учреждения, ориентированные на АА, советовали пациентам пройти первые Пять Шагов программы АА до того, как они выйдут из госпиталя — то есть проделать процедуру, не сильно отличавшуюся от того, что делала первая группа в 1935 году.

Госпитализация была еще одним обязательным условием в ранний период. Сам доктор Боб был одним из немногих исключений. Даже те потенциальные новички, кто был вполне «сух», в случае обращения за помощью в АА должны были провести от пяти до восьми дней в частных палатах Городского госпиталя. Этому подходу придавалось такое значение частично из‑за того, что доктор Боб был врачом, и был ориентирован на госпитализацию, считая алкоголизм болезнью. Преимуществом также было то, что алкоголик, находящийся один в комнате, оказывался пленным слушателем, и с ним можно было работать. Этим пациентам для чтения разрешалась только Библия. Как правило, их навещали только выздоравливающие алкоголики.

Это было настолько существенной частью программы, что Уоррен С., пришедший в АА в Кливленде в июле 1939 года, вспоминает, что были довольно острые дебаты по поводу того, принимать его в Сообщество или нет, поскольку он *не*

прошел госпитализацию.

Поэтому, когда сегодня АА–евец упоминает о том, что они были не слишком поспешны в выполнении Шагов, или не проходили всех этих госпитализаций, когда вступили в программу, он говорит о старых временах — но не о *старых* старых временах.

Так что же представляла собой госпитализация? Бетти Б., практикантка, была свидетельницей одного из ранних примеров. Насколько она помнит, происходило это летом или осенью 1935 года.

«У меня было дежурство с 3:00 до 11:00 на роскошном этаже с частными палатами, — вспоминает она. — Это было место, куда редко назначали практикантов…

Я проходила мимо лифта, дверь лязгнула, открылась… и я в полном изумлении увидела, как доктор Боб выталкивает в коридор грязного, непричесанного, небритого человека в состоянии очевидной интоксикации. Я уверена, что мое удивление было замечено. Пациентов такого типа никогда не видели на отделении. Он безусловно принадлежал к тем, чье место было двумя этажам ниже, в благотворительном отделении.

Однако доктор Боб, удерживая шатающуюся фигуру в устойчивом положении за шиворот, уставился на меня поверх своих очков в роговой оправе и сказал: “Теперь слушайте меня, женщина! Я хочу, чтобы Вы выполнили в точности то, что я велю Вам сделать. В точности! Забудьте все правила приема пациента, которым вас учили. Меня не волнует, что будет говорить Вам Ваша старшая медсестра. Не раздевайте его. Не давайте ему полагающуюся при приеме ванну. Забудьте об анализе мочи. Ничего не делайте — Вы меня поняли? *Ничего* ! Меня не волнует, если он обмочит всю кровать, или затошнит все вокруг. Не меняйте ему белье. Меня не волнует, если он будет лежать на полу. Оставьте его там. Важно только одно — он захочет выпить — я имею в виду виски. Скажите ему, что он получит все, что захочет,

только если он выпьет унцию паральдегида[17] перед тем, как получит свой виски. Запомните — по одной унции каждого — паральдегид, затем виски.

И запомните, женщина, забудьте, что Вы медсестра. Я напишу Вам приказ, чтобы у вас не было неприятностей. Поместите его в 306 палату. Они знают об этом внизу. Я вернусь завтра утром". С этим он зашагал по коридору, в своих диких носках, как обычно торчащих из‑под штанин его синих хирургических брюк.

Диковинный пациент действовал именно так, как предсказал доктор Боб. Вскоре он стал орать и требовать выпивки. Он получил паральдегид и виски, свернулся калачиком на полу и захрапел, страдая недержанием мочевого пузыря.

Через три часа процедура была повторена, и перед тем как уйти с дежурства, я заглянула к нему. Ему каким‑то образом удалось забраться в кровать, но он помахал мне, чтобы я уходила, сказав при этом: "Я не буду больше пить эту чертову белую дрянь".

И не стал. Мне велено было не заходить к нему в палату, пока он не зажжет лампочку вызова. Но каждый день я заглядывала к нему, и всегда кто‑нибудь сидел у края его кровати, иногда по несколько человек, включая женщин. Затем, в какой‑то день он зашел в процедурную, где я промывала шприцы. Определенно это уже был совсем другой человек! У него были ясные глаза, он был выбрит и улыбался. И не только это, он был вежлив и, совершенно очевидно, хорошо образован.

Наиболее пикантной деталью в этом человеке было, однако, то, *как* он говорил о своей проблеме пьянства. Он даже не выглядел несчастным. Он сказал, что теперь он знает, что все наладится. У него была надежда! Он рассказал мне также, что он адвокат, и что он родился на Юге…

---

[17] Снотворное и противосудорожное средство, применявшееся в первой половине XX века (*ред* .).

Я больше ничего не знаю об этом пациенте до сегодняшнего дня, но знаю, что мне представилась редкая возможность увидеть моего любимого доктора Боба в действии — несущим чудесное послание». Такое же послание было донесено и самой Бетти, спустя почти 35 лет.

В дополнение к госпитализации и признанию, были, без сомнения, и другие обязательные вещи, хотя даже доктор Боб и Билл могли не знать, какие именно. Но поскольку это была экспериментальная программа, и им было интересно, что именно будет работать — например, прагматический подход, упомянутый Уильямом Джеймсом — процедуры менялись или модифицировались по мере того, как продолжалась работа.

«Видите ли, в те дни мы пробирались наощупь в темноте, — говорил доктор Боб. — Мы практически ничего не знали об алкоголизме».

Боб понимал, что дух служения был исключительно важен для его собственного выздоровления, но он вскоре обнаружил, что он должен быть дополнен также некоторыми знаниями. Он вспоминает, как он разговаривал пять или шесть часов с одним человеком, лежащим на койке в госпитале. «Я не знаю, почему он вообще это выдержал, — говорил он. — Должно быть, потому, что мы спрятали его одежду.

Тем не менее, я вдруг понял, что я, вероятно, знал не очень много о том, о чем я говорил. Мы распоряжаемся тем, что у нас есть, и в том числе нашим временем. Похоже, я не очень хорошо распоряжался своим временем, если у меня ушло шесть часов, чтобы рассказывать что‑то этому человеку, когда мог бы сказать это за час, если бы хорошо знал то, о чем говорил.

Медицинские учебники также не очень помогали, — говорит Боб. — Обычно, информация состояла из описания сомнительных процедур, применяемых при белой горячке, если пациент зашел так далеко. Если нет, то вы выписывали

ему некоторое количество бромидов и читали парню хорошую лекцию».

Комментируя их собственное кислокапустно–томатно–сиропное «лечение», доктор Боб говорит: «Конечно, позже мы поняли, что диетные ограничения имеют очень небольшое отношение к поддержанию трезвости».

Это прозвучало так, будто он легко и элегантно отказался от своей особенной дополнительной диеты; но Эрни вспоминает, что Билл и Док стремились испробовать все, что могло бы уменьшить тягу к виски, и отмечает, что это отнимало немало времени.

«Я представляю Дока с помидорами, кислой капустой, банкой сиропа Каро и большой ложкой, — говорит он, предаваясь воспоминаниям с Биллом Уилсоном. — Парни ели все это, пока оно не встало им поперек горла. Он в конце концов отказался от кислой капусты, но сохранил помидоры и кукурузный сироп на многие годы».

И Сью, и Смитти сохранили очень живые воспоминания о том, как все изменилось после знакомства их отца с Биллом, когда они вдвоем начали помогать другим алкоголикам обретать трезвость:

«Все было довольно плохо к тому моменту, когда он перестал пить, — говорит Сью. — Но после этого все пошло просто великолепно. Мама намного меньше беспокоилась о папе и, я думаю, он был гораздо больше удовлетворен собой. Ситуация улучшилась и в финансовом отношении, и нам всем тоже стало гораздо лучше… Вся семья много смеялась, и это было действительно счастливое время. Не все и не всегда шло абсолютно гладко, из‑за ухажеров и из‑за того, что мы выросли, но когда я оглядываюсь назад, это было просто здорово».

Как вспоминала Сью много лет спустя, каждую среду по вечерам она должна была сделать две вещи прежде, чем ее семейство вернется с собрания у Т. Генри. Во–первых, приготовить кофе для них и всех тех, кто мог прийти домой

вместе с ними. И во–вторых, отделаться от Рея Уиндоуза, школьного ухажера, который впоследствии стал ее вторым мужем.

«Я помню, как они не спали допоздна каждый вечер, разговаривая, — говорит Сью. — Для меня это тоже было хорошо, потому что я всегда была очень стеснительной, и это сильно помогло мне в общении с людьми. Они были незнакомцами лишь в первую минуту, но потом они приходили в дом каждый вечер — или даже жили с нами».

«Постепенно я стал замечать, что папа остается трезвым, — рассказывает Смитти. — Ну, конечно, это было в 1935 году, в разгар Депрессии, и ни у кого не было денег. Но зато у них было много времени, что в итоге оказалось очень полезым.

По мере того, как группа набирала обороты, — продолжает Смитти, — вокруг кухонного стола стало собираться все больше и больше людей, со своими разговорами и небольшими собраниями по утрам. Потребление кофе, я помню, выросло до девяти фунтов в неделю.

Некоторых из самых первых я помню: Эрни Г., который стал моим зятем, Билл Д., Джордж Д., Вальтер Б., Генри П., который, по моим сведениям, до сих пор трезв благодаря АА, и Том Л.

А тем временем, — вспоминает Смитти, — наша домашняя жизнь стала намного счастливее, и у папы появился небольшой доход благодаря практике, хотя его ни в коей мере нельзя было назвать обеспеченным. Но он начинал возвращать себе уважение со стороны своих собратьев по медицинской профессии.

Он относился к своей работе врача очень серьезно, хотя у него было замечательное чувство юмора, и он шутил со всеми, кто был готов его слушать. Однако, он становился страшно серьезным, когда входил в госпиталь для какой‑нибудь медицинской работы.

У меня практически не было возможности близкого общения с ним, когда он пил, но он так оживился и замечательно проводил со мной время после. Это было поразительное изменение, особенно в том, что касалось наших с ним отношений.

В этот период у папы все было в порядке со здоровьем. Он всегда был чрезвычайно активным и здоровым человеком, и у него было больше энергии в этом возрасте, чем у кого‑либо другого из всех, кого я знал.

Мама, конечно, была рада ужасно, и старалась всячески его поддержать. Они стали замечательной парой — очень заботливой и преданной друг другу.

По мере того, как движение продолжало расти, Билл и Луис стали частыми гостями у нас в доме, и мы любили, когда они бывали у нас. Папа и мама, вместе со мной и Сью, тоже гостили у них в доме на Клинтон Стрит, в Бруклине, Нью–Йорк.

Папа часто говорил мне, что хотя он и Билл часто видели многое под разными углами, они никогда не ссорились, и их сознания, наверное, объединялись вместе для создания умной программы, которую они могли бы предложить другим алкоголикам».

IX. Методы «Двенадцати Шагов» развиваются

В конце августа 1935 года, когда Билл уехал из Акрона, в городке было уже четыре или, возможно, пять первопроходцев, если считать Фила, который мог находиться в процессе трезвления.

В ту зиму Билл у себя в Нью–Йорке помог обрести трезвость, среди прочих, Хэнку П. и Фитсу М. В апреле 1936 года он ненадолго приезжал в Акрон. Оттуда он написал Луис, что замечательно провел выходные и был «так счастлив по поводу всего, что там происходит. Боб, Анна и Генриетта

Сейберлинг очень много работали с этими людьми, причем успех действительно потрясающий. Были очень приятные встречи дома у Боба, Генриетты и Уильямсов, по очереди».

В сентябре 1936 года Билл приезжал еще раз, и его визит послужил «сигналом к очень трогательной домашней вечеринке, — писал он. — Анна, Боб и Генриетта проделали огромную работу. С весны появилось несколько новых лиц».

В феврале 1937 года проводился очередной подсчет, появилось еще семь новеньких в Акроне, и в сумме стало уже 12. У половины из них произошел уже, или предстоял в будущем тот или иной вид срыва, и лишь один человек так и не достиг успеха в программе АА. Для большинства, однако, эти срывы оказались убедительными факторами для осознания. (Если считать день последней выпивки доктора Боба днем основания АА, то получается, что инцидент в Атлантик Сити являлся его последней пьянкой. Сам он, тем не менее, ссылался на этот эпизод, как на срыв).

Были дюжины других людей, которые участвовали в программе вплоть до февраля 1937 года. Кое‑кто добивался успеха на время, а затем уходил из программы. Кое‑кто возвращался. Кто‑то умер. А некоторые, такие как «Лил», сумели найти другой способ.

Все это время доктор Боб и первые АА–евцы работали с новичками. Методы, которые они использовали, поначалу были достаточно жесткими, но становились все более и более гибкими и открытыми с течением месяцев и лет.

Все начиналось с беседы с женой, и эта практика продолжалась до начала 1940–х годов. Один из ранних АА–евцев вспоминал, как доктор Боб пытал его жену: «Ваш муж действительно хочет бросить пить, или ему из‑за этого просто не очень комфортно? Достиг ли он конца этого пути?»

Затем доктор Боб заявил этому человеку: «Если Вы совершенно уверены, что хотите бросить пить навсегда, если Ваши намерения серьезны, если Вы не просто хотите почувствовать себя лучше, чтобы снова начать пить в один

прекрасный день в будущем, тогда Вы сможете избавиться от этого».

«В Кливленде или Акроне вы не могли просто прийти в АА, как вы можете сделать это сегодня, — говорит Кларенс С. из Кливленда, один из тех первых АА–евцев, — за вас кто‑либо должен был поручиться. Обычно, первой звонила жена, и для начала я шел поговорить ней. Рассказывал ей свою историю. Мне нужно было кое‑что уточнить о потенциальном участнике и его отношениях с супругой. А также то, пьет ли он постоянно или запоями. После этого я понимал, какой подход к нему нужен, и что следует предпринять, чтобы он меня понял. Я мог даже устроить ему своего рода ловушку. У меня было много трюков в запасе».

«Мы ничего не знали о программе “привлекательности идей”, — говорит Уоррен С., рассказывая о тех сумасшедших днях прохождения Двенадцати Шагов в Кливленде осенью 1939 года. — Мы звонили жене, или шли повидаться с ней. Мы старались получить всю возможную информацию об этом новом человеке — где он работал, чем именно занимался. Бывало, мы даже встречались с его начальником, если тот был обеспокоен его пьянством. Когда мы садились и начинали разговор с этим парнем, мы уже знали о нем все.

В большинстве случаев они хотели как‑то изменить свою жизнь, когда вы с ними разговаривали, — говорит Уоррен. — В те дни мы были полны энтузиазма и преданности делу, которые так помогали нам продвигать программу. Мы передавали человеку то, что сами чувствовали. К моменту, когда мы заканчивали наш рассказ, большинство хотело хотя бы попробовать.

Но не все, — добавляет он. — Иногда меня выставляли за дверь из самых фешенебельных домов в городе. “Что? Я алкоголик? Пошел к черту отсюда!”»

Вслед за этим предварительным разговором, потенциальный участник обычно госпитализировался и

«выводился из тумана». Оглядываясь назад, кое‑кто вспоминает, что ему постепенно снижали дозы виски. Другие мало что помнили вообще (скорее всего, по причине слишком уж сильного «тумана»), тогда как состояние некоторых не требовало специального лечения, но их все равно госпитализировали.

Когда новичок приходил в себя, начинались ежедневные визиты всего городского АА в полном составе. Их было трое или четверо поначалу, 20 и более спустя несколько лет. АА–евцы делились собственным опытом в надежде на то, что будущий участник «почувствует себя своим». В то же время доктор Боб объяснял медицинские факты простыми, обыденными словами. После этого пациенту говорили, что решение остается за ним.

Если новичок соглашался следовать программе, от него требовали признать, что он был бессилен перед алкоголем, и что он вручает свою волю в руки Господа в присутствии одного или более АА–евцев. Хотя акцент на это признание делался сильнейший, первые АА–евцы признают, что Боб представлял для них Бога, как Бога любви, которому были небезразличны их отдельные жизни.

Пол С., преодолевший первые трудности и ставший одним из самых активных и влиятельных ранних АА–евцев Акрона, впервые встретил доктора Боба в январе 1936 года, и тот показался ему человеком грубым и неприветливым.

«У меня было впечатление, что он знает, о чем я думаю, и позднее я выяснил, что так оно и было, — рассказывает Пол в разговоре с Биллом Уилсоном. — Он не доверял мне в течение нескольких месяцев. Он знал, что я его обманываю.

У доктора Смита появилась привычка заезжать к нам на кофе по вторникам и четвергам, когда он заканчивал прием в кабинете, — рассказывает Пол. — Поначалу темой разговора была честность, и после нескольких посещений он предложил мне прекратить обманывать самого себя. И тогда тема изменилась на веру. Веру в Бога.

Мы много молились вместе в те дни, потихоньку начали читать Священное Писание, а также обсуждать практические подходы к его применению в нашей жизни» — рассказывает он.

Примерно год спустя, в феврале 1937 года, Пол С. попытался заинтересовать программой своего брата. «Я объяснил сестре, что не могу себе позволить, чтобы меня видели с подобными людьми, — ответил Дик С. — Но я, разумеется, оплачу все расходы Пола, если это удержит его от пьянства».

Джей. Д. Х., который пришел в АА в сентябре 1936 года, вспоминает, что о нем заботились «девять или десять человек, которые предшествовали мне». Джей. Д. уже встречал доктора Боба и был наслышан о его «бредовой идее» по поводу пьянства. Он был из Вермонта, а я был южанин, и, на мой взгляд, у него был этакий северный тип профессионального отношения к проблеме — грубоватый и прямой. Но позже, когда он рассказал мне свою историю, я понял, что это была всего лишь его манера говорить.

Он очень часто использовал сленг. Меня он обычно называл «Аберкромби». Почему, я не знаю. Он звонил и говорил: «Возьми с собой свою пустышку», — имея в виду мою жену. Лексикон у него был весьма своеобразный, но совершенно замечательный. Он был образованным человеком, но кое‑что из его сленга вам вряд ли доводилось слышать от нормальных людей».

Смитти замечает, однако, что, хотя его отец и использовал немало сленга, он никогда не богохульствовал, «даже когда попадал себе молотком по пальцу. “Черт подери!” было самым сильным выражением из всех, какие я слышал от него».

Хотя Джей. Д. и слышал о «средстве», поиском способа помочь ему занималась его жена, как это было тогда в большинстве случаев; муж или ничего не знал, или ему нечего было сказать по этому поводу. Она позвонила доктору

Бобу домой. Был понедельник, и он играл в бридж в Городском Клубе, поэтому Смитти и гостивший у них Билл Уилсон заехали за ней и отвезли к доктору Бобу.

«Это был первый случай в ее жизни, когда она отправилась куда‑то из дома в кампании двоих незнакомцев, даже не зная, куда они едут, — рассказывает Джей. Д. — Но она была готова на все, чтобы помочь мне с проблемой пьянства».

На следующий день жена дала ему немного выпить и добилась согласия встретиться с доктором Бобом в среду. Но предупредила, что к этому времени он должен быть абсолютно трезв.

«Мы отправились к Доку в его кабинет, и он рассказал мне о своем периоде пьянства, — вспоминает Джей. Д. — Потом мы поехали к нему домой на улицу Адмор, где я познакомился с Эрни, Джо Д., Гарольдом Г. и Полом С. Затем они целый день возили меня по городу, даже без ланча, рассказывая о том, как важно оставаться трезвым. Но никто из них не сказал мне, как это сделать».

В этот вечер Джей. Д., один из немногих, не проходивших госпитализацию, был приглашен на собрание в дом Т. Генри. «Я встретил там еще семь человек с проблемой пьянства, включая доктора Боба и Билла Уилсона. Они все рассказали свои истории, и я решил, что у меня тоже может быть надежда.

Я сидел под лампой для бриджа, а вся эта толпа на меня уставилась. Жена рассказала мне, что я весь вечер просидел там с глупой ухмылкой на лице, как Кэлвин Кулидж. Но я был смущен, знаете ли, среди этих незнакомых людей. После собрания Билл поговорил со мной примерно пол–часа, и другие парни тоже подошли и поговорили. Потом мы пили кофе на кухне.

На следующий день я позвонил кое–кому из этих парней, и в тот же вечер двое из них позвонили мне домой. Кажется, что мы уже просто жили вместе, когда я первый раз пришел

на группу — я, Пол С. и Гарольд Г. В течение дня мы могли переходить из дома в дом, но заканчивали каждый вечер в одном и том же месте — у Боба Смита».

Джею Д. не разрешалось что‑либо делать или говорить, когда они приглашали новеньких. «Я только слушал и учился, и меня учили» — вспоминает он.

В конце концов ему разрешили поговорить с новичком — после того, как все остальные уже встретились и побеседовали с ним. У нас был уже установившийся метод, — вспоминает Джей. Д. — В разговоре мы сначала ходили вокруг да около и думали, кому из ребят лучше поговорить с новым человеком. Мы хотели попасть в точку и в выборе правильного парня, и в том, чтобы поймать подходящий психологический момент. Ведь нам предстояло рассказать ему о духовной части нашей программы.

Док обычно наносил “первый удар”, используя медицинские факты. К примеру, он описывал мой срыв как рецидив, или обострение болезни, точно такое же, как обострение у диабетика после сладкой пирушки. Он также подчеркивал, что это смертельная болезнь, и единственный способ, с помощью которого человек может излечиться от нее или, другими словами, не умереть от нее — это удержаться от первой рюмки. Это была основа всех основ. В свою очередь, мы вколачивали эту идею друг в друга. После этого мы переходили к духовной части».

Некоторые АА–евцы, вступившие в сообщество в тот период и вплоть до 1940–х годов, вспоминали, что доктор Боб использовал аналогию с сахарным диабетом для объяснения алкоголизма новичками, тогда как другие вспоминали, что он описывал его как аллергию.

«Когда я спросил доктора Боба, как развивалось его понимание алкоголизма, — рассказывает один участник, — он ответил: “Если у вас аллергия на клубнику, вы ее не едите, не правда ли? С алкоголиком то же самое. У него аллергия на алкоголь. Его организм с ним не справляется. Это именно то,

что я пытаюсь донести до этих парней, что они на самом деле пьют яд, потому что их организм просто не может его выносить”. И еще он говорил: “Если у вас образовалась повышенная чувствительность на что‑либо, ваш организм уже не сможет с этим справиться”».

Джей Д. отмечает: «Мы обсуждали новичков, а также то, как мы можем помочь другим, уже пришедшим в группу, но находившимся на грани. Мы пытались предупреждать срывы. Например, однажды вечером Боб сказал мне, что нам нужно поехать и повидаться с тем парнем, который постоянно богохульствовал, пропустил пару собраний, и уже почти созрел для срыва.

Мы обсуждали также, как привлечь новичков, и как с ними обращаться. Мы говорили о том, какие ошибки мы допустили, рассказывая свои истории. Мы не стеснялись критиковать друг друга. Мы предлагали убрать некоторые слова из рассказа, а некоторые, наоборот, добавить, чтобы сделать разговор более эффективным. Все это превратило нас в команду психологов–любителей и послеобеденных спикеров».

Все это время, вспоминает Джей. Д., он встречался с доктором Бобом ежедневно, либо у него в кабинете, либо дома. «Я бывал там четыре или пять раз в неделю днем и заканчивал там вечер.

Я приходил к ним домой утром, открывал дверь и заходил, — рассказывает Джей. Д. — Никто еще не вставал. Я приступал к приготовлению кофе. Слышался чей‑нибудь оклик: “Кто там внизу?” — подразумевавший, что может быть, это какой‑то алкоголик, оставшийся на ночь. Анна никогда не знала, кого она обнаружит на диване, когда встанет утром.

Она относилась к очаровательному типу по–матерински заботливых женщин, не любить ее было невозможно. Ее не очень волновала мода. Если она хотела куда‑нибудь пойти, она шла, вне зависимости от того, было у нее новое

платье, или не было. Она брала шляпу, которой могло быть и пять лет, и десять, надевала ее и шла. Я слышал, как она говорила, что у нее была всего одна пара чулок.

Вот за что я особенно благодарен Бобу и Анне, — рассказывает Джей Д. — За два дня до того, как я пришел в группу, доктор Боб с Анной собирались уехать в Вермонт. Но Анна вдруг проснулась посреди ночи и сказала, что у нее такое чувство, что им не следует ехать, и что они будут нужны здесь».

Похожая история была рассказана Дороти С. М. (ее первым мужем был Кларенс С.). Она рассказывает, что у Анны было «глубокое чувство веры в указания свыше. Когда у нее появлялось ощущение, что что‑то должно случиться, или что‑то является правильным, ничто не могло уже ее поколебать», — говорит Дороти.

«Я ночевала у нее, и мы все собирались поехать на пикник в воскресенье. В субботу вечером Анна твердо объявила, что она не поедет. Что‑то сказало ей, что это будет неправильно. И действительно, где‑то около пяти часов утра позвонили из Детройта и сообщили о человеке, которого они собирались прислать.

И мы стали ждать маленького Арчи Т. Он жил у Смитов почти год, потому что был слишком слаб и слишком нищ, чтобы найти работу. Позже он стал основателем группы в Детройте. Таким образом, это был один из примеров того, как полученное Анной указание действительно сработало».

Арчи Т. рассказывал в более поздние годы: «Я был взят с улицы и возвращен к жизни заботами Анны Смит. Я был не только без гроша и без работы, но был также слишком болен, чтобы выходить из дома в течение дня и искать работу. Любовь Анны была столь велика, ее терпение по отношению ко мне было столь безграничным, а ее обращение со мной столь понимающим, что через десять месяцев я почувствовал себя новым человеком, насытившись, возможно, всего несколькими зернами этой любви.

Их любовь друг к другу и к детям была так велика, что наполняла собой весь дом, и если кто‑то жил в этом доме и хотел этого, их любовь буквально проникала сквозь кожу. В течение десяти месяцев, пока я жил в их доме, — рассказывает Арчи, — юный Смитти и Сью обращались со мной так, как будто я был членом семьи. Ни один из детей никогда, ни разу не сделал или не сказал ничего такого, что заставило бы почувствовать себя “вне семьи”.

Анна давала мне возможность чувствовать так, как я чувствовал, без какого‑либо вмешательства, давала мне возможность понять многие вещи для себя, зная, с той мудростью, которая дана лишь немногим, что этим способом я чему‑то научусь и смогу использовать в своей жизни то, чему я научился».

В течение многих лет Арчи было очень трудно даже рассказывать свою историю кому‑либо. В конце концов, в свой десятый юбилей в АА, в 1948 году, у себя в Детройте, когда он представлял Анну полутора тысячам людей, он вдруг понял, что должен поделиться своей историей с другими. Юбилей Арчи также послужил поводом для последнего большого выступления доктора Боба, из которого в эту книгу попало большое количество цитат.

«Когда я приехал в Акрон, я был просто чуть живой, совершенно истощен физически, умственно и эмоционально», — рассказывает Арчи.

«Он был настолько измучен, что у него почти не осталось сил, — соглашается Смитти, — Мы считали его простофилей».

Арчи вспоминает, как он думал тогда: «Как я собираюсь выйти и зарабатывать себе на жизнь? Что думают обо мне Смиты, если я только сижу здесь и ничего не делаю? Хватит ли у меня силенок, чтобы сделать вид, что я возвращаюсь обратно в Детройт, а затем, когда я от них уйду, покончить с собой?

Ни слова никому о том, что я думал. Я всегда был очень

замкнутым человеком. Однако, Анна прочитала мои мысли. Ни с того, ни с сего, она сказала: “Арчи, мы с Бобом хотим, чтобы ты знал, что пока у нас есть дом, этот дом будет и твоим тоже”. Я не помню, что я сказал или сделал тогда, но я точно знаю, что весь тяжкий груз депрессии и страха улетучился. Вряд ли большее утешение может быть передано кому‑то с помощью таких простых слов».

Боб Е. вспоминает, что он тоже проводил очень много времени с Анной. «У нее была тихая и мягкая манера заставить вас почувствовать себя как дома. Я делился очень многими жизненными проблемами с ней. Она читала Библию и обсуждала ее со мной.

Она всегда старалась держаться просто. Я сказал ей, что я нервничаю и совсем деморализован. И она сказала мне пару фраз, чтобы произносить их, если я упаду духом, или буду в растерянности, не зная, что делать, или расстроен. Одна, которую я помню, была: “Бог есть любовь”. И я использовал ее постоянно».

Боб Е. встретил Пола С. у буфетной стойки, во время ланча, в начале 1937 года. К тому времени минуло уже шесть месяцев, как Пол вышел из Городского госпиталя. «Он носил новую фетровую шляпу и держал в руке упаковку “Лаки Страйк”», — вспоминал Боб.

“Если ты хочешь узнать побольше, почему я неплохо одет и в хорошей форме, приходи ко мне в офис завтра, и я тебе расскажу”, — сказал Пол.

«Все это было какой‑то фантасмагорией, — рассказывает Боб. — Когда позже люди приходили навестить меня в госпитале, они не говорили мне, как стать трезвым. Они просто в течение всех семи дней рассказывали истории о том, как они пили.

Я пришел к Полу в офис, и он рассказал мне об этой программе для “алкогольной команды”, проводимой Оксфордской Группой. Затем он отвез меня к доктору Бобу, который был дома из‑за простуды. Он лежал на

диване, укрытый одеялом.

Он посмотрел на меня. Мне было всего 32 года, и меня трясло так сильно, что в руках ничего держать не мог. Я помню, как пытался спрятать свои руки. “Вы довольно молоды, — сказал он, — я не знаю, справитесь ли Вы с этим”. Затем он сказал: “У меня нет ни времени, ни сил, чтобы тратить их на Вас, если Ваши намерения недостаточно серьезны”.

После этого он сказал мне, что впереди меня ждет одно из трех: смерть, психушка или тюрьма, если я не перестану пить. Он заявлял это с места в карьер каждому, с кем разговаривал на подобные темы. И что я должен определиться, прямо здесь и сейчас, достаточно ли серьезно я настроен.

Доктор Боб сказал, что нет никаких сомнений, что я алкоголик и что я нуждаюсь в помощи, иначе меня бы здесь не было. Он сказал, что по своей биохимии я отличаюсь от остальных людей, и что у меня аллергия на алкоголь. Он не говорил о духовной стороне. Он изложил мне все это на основе принципов сообщества, и на основе того, что позднее назвал моральной философией.

Он разговаривал со мной три часа и убедил меня лечь в госпиталь и попробовать. Я сказал ему, что у меня совсем нет денег, но он ответил, что эту проблему можно решить. “Ложитесь в госпиталь”. В конце концов, они списали на чужой счет. Позже АА перестало пользоваться услугами Городского госпиталя из‑за проблем с деньгами. Но свой счет я оплатил, когда получил работу. Я чувствовал за это моральную ответственность.

Мне нравилось, когда эти люди приходили навещать меня. Доктор Боб приходил по крайней мере один раз в день. Последним, что я исполнил в госпитале, было признание, которое, как я думаю, было очень важным. Вы должны были встать на колени, с другим человеком, молиться и вслух делиться своими мыслями. Вы знаете, в первом варианте Двенадцати Шагов люди должны были вставать на колени,

когда делали признание. Но остальные пьяницы заставили Билла убрать это оттуда».

После выхода из госпиталя Боб Е. поддерживал постоянный контакт с другими АА–евцами. «По средам было официальное собрание, но мы встречались каждый вечер, — рассказывает он. — Мы были крепко напуганы. Мы уже потеряли все, и боялись пить. До этого ничто не срабатывало, и мы далеко не до конца были уверены, что это сможет.

День обычно начинался в доме доктора Смита, утром, — вспоминает Боб. — Он пытался вернуть себе место в госпитале в то время, а его практика не приносила больших доходов. Кофейник был включен постоянно, и в любое время в доме кто‑нибудь был.

Док был таким же как все мы. Позже, когда на него стали давить больше, он оказался вынужден больше держать в себе. Но тогда он был просто одним из парней, и был очень раскован в своих разговорах. Придя в госпиталь, он мог заявить: “Пошевеливайтесь. Я также устал, как и Вы”. Он зажигал папиросу и говорил: “Что ж, еще один гвоздь в крышку моего гроба”. “Гробовые гвозди” называл он их.

Доктор Боб был заметным человеком в Акроне. Его знали все. Когда он перестал пить, люди спрашивали: “Это что еще за клуб для непьющих Вы там соорудили?” — “Сообщество Христиан”, — отвечал он. Это потому, что мы начинали собрания молитвой, и заканчивали тоже молитвой. Первый несчастный случай, который я помню, произошел с Биллом Дж. Он был коммивояжером, и поехал в Цинциннати. У него хватило ума позвонить. Мы все собрали деньги и отправили Гарольда Г. за ним. Это обошлось нам в 10 или 20 долларов. Это были большие деньги в то время. Билла обнаружили вдрызг пьяным в отеле.

Но дело тут не в деньгах, — говорил Боб Е., — я вспоминаю, как я пожаловался на отсутствие работы, а Пол сказал: “У тебя есть работа. Твоя работа — это оставаться трезвым и работать по этой программе. Это само по себе

является работой на полный рабочий день”».

Билл В. Х., который пришел в программу в сентябре 1937 года, вспоминает, что первое впечатление о докторе Бобе у него сложилось в госпитале: «Я просто лежал там и наслаждался общением с ним. Он приходил каждый день. Он говорил: “Один я ничто”. Я стараюсь обладать таким же смирением, какое я увидел в нем и Анне. Их дверь всегда была открыта, и в их маленькой кухоньке всегда был наготове большой кофейник с кофе. И кофе был действительно крепким, это помнят все, кому довелось его пить».

Одной из жен, которую труднее всего было убедить, была Аннабелла Г. Возможно, причина была в том, что ее муж, Уолли, привел домой АА–евца, которого он встретил в баре. Это был Пол С., «завязавший» в начале 1936 года. Пол сказал ей, что если она хочет, чтобы Уолли бросил пить, она должна поговорить с доктором Смитом.

Естественно, она была настроена довольно скептически. Затем ее личный врач, кабинет которого находился в том же здании, что и у доктора Боба, сказал ей: «Здесь есть доктор Смит, внизу, на одном из нижних этажей, у которого, похоже, есть метод для людей, которые слишком много пьют». Они спустились вниз поговорить, но его на месте не оказалось.

В конце концов, пастор Дж. М. Райт нашел женщину, которая поговорила с Аннабеллой и затем они договорились о встрече с доктором Бобом. Это произошло уже более чем через год, летом 1937 года.

Аннабелла вспоминает: «Я пошла туда, и разговаривала с доктором Смитом около двух часов, но все еще очень сомневалась.

— Вы думаете, есть какая‑нибудь надежда для Уолли? — спросила я.

Он облокотился на стол, и сказал:

— После всего того, что я вам рассказал, у вас по–прежнему есть сомнения?

И я сказала:

— Конечно, есть. Вы не знаете моего Уолли.

— Вас убедит, если я позвоню 15 или 20 людям, и они все будут здесь через пол–часа. Это люди, у которых была такая же беда, как у Вашего мужа. Это Вас убедит?

— Нет, не убедит, — ответила я.

— Что ж, давайте попробуем, и приведите его сюда в субботу, сказал доктор Боб.

— Я прослежу, чтобы он здесь был.

— Я не хочу, чтобы Вы проследили, что он сюда пришел. Я хочу, чтобы он пришел по своей собственной воле, не пьяный. И я хочу, чтобы он *захотел* прийти.

Позже Док позвонил мне и сказал: “Что же, большой мальчик был у меня, и я думаю, что это его заинтересовало. Но не удивляйтесь, если он придет домой пьяный. Я сказал ему многое, над чем стоит подумать, но сейчас я ухожу в отпуск. Если он обдумает все это и захочет, чтобы ему помогли, мы можем поместить его в госпиталь, когда я вернусь”.

Уолли продолжал пить, пока не вернулся через две недели доктор Боб. Затем Уолли поместили в госпиталь. Он выглядел совсем другим, когда вышел оттуда, и я подумала, что может быть, это подействовало.

Тем временем доктор Боб позвонил жене Тома Мейбелл Л. и сказал ей: “Присмотри за этой дамой, за Аннабеллой, иначе ее муж напьется меньше чем через два часа после того, как выйдет из госпиталя”. В общем, можете догадаться, что я собой представляла», — говорит Аннабелла.

«Она позвонила мне и попросила меня прийти. Я закатывала персики и прерваться не могла. Она спросила:

— Что для Вас важнее, персики или Ваш муж?

— Что ж, если хотите знать, то персики — ответила я. Но тем не менее пришла. Я пробыла там всего несколько минут, и вошли Док с Анной.

Я была вся на нервах, — рассказывает Аннабелла, — Мейбелл повела меня наверх, и я выплеснула ей душу.

— А почему бы тебе не доверить его Господу? — сказала она. — Отпусти с Богом.

В ту ночь я не могла уснуть, и неожиданно я сказала вслух: “Хорошо, Господи. Я ничего не могу сделать. Может быть, Ты сможешь. Позаботься о нем”. Я почувствовала такой душевный покой, что сразу же заснула.

Затем Анна Смит взяла меня под свое крыло. Она мне очень много рассказала, и звонила мне каждый день. Я видела, что у Уолли появился интерес; он стал другим. Тогда я решила, что должна понять, что же со мной‑то происходит. Я стала изучать программу, и вы знаете, она принесла огромное благо и мне, и Уолли.

Мы ходили на собрания, и все эти люди были очень дружелюбны. Они называли друг друга по именам и окружали заботой и вниманием новичков, стоило им только прийти. Женщины собирались вместе, и мы разговаривали, раскрывая друг другу наши сердца, и все, что мы держали в себе так долго».

Аннабелла вспоминает, что иногда женщины устраивали отдельные беседы у Т. Генри, но не очень часто. А иногда они собирались вместе у Смитов.

Вспоминая о тех днях вместе с Биллом Уилсоном, Аннабелла также замечает, что они с Уолли много читали о собраниях Оксфордской группы в отеле Мейфлауэр, но лишь намного позже они узнали, что собрания у Т. Генри были «своего рода тайным братством внутри Оксфордской группы».

«Это верно, — отвечает Билл, — кое‑кто в группе действительно довольно сильно критиковал Уильямсов за то, что у них собирались все эти алкоголики».

X. Сооснователи сталкиваются с проблемой денег

Молва об акронском «клубе для непьющих»

распространилась в соседние городки, такие как Кент и Кэнтон, и, вероятно, в начале 1937 года, в Акрон начали заглядывать будущие АА–евцы из Кливленда. Сначала они приезжали по двое или трое. (К 1939 году приезжало уже по две полных машины).

Боб Е. вспоминал, что Джейн С. проделывала 35–мильное путешествие на собрания к Т. Генри в 1937 году, примерно в то же самое время, когда он сам начал участвовать в программе. Яркая и живая, с замечательным чувством юмора, Джейн считается первой женщиной в округе, которая обрела трезвость хоть на какое‑то время — хотя бы на несколько месяцев.

Ветераны долго вспоминали ее историю, как муж оставил ее следить за поклейкой обоев в комнате. Проблема заключалась в том, что она с рабочим начала пить. Каждый раз, когда он начинал наклеивать новый рулон, либо один, либо другой из них на него наступал. Когда муж вернулся домой в тот вечер, оба, Джейн и рабочий, лежали без движения, окруженные пустыми бутылками (как рассказал ей муж позже), обмотанные кусками обоев и вымазанные клеем.

В ноябре того года Билл Уилсон поехал в деловую поездку, которая дала ему возможность сделать остановку в Акроне. Боб Е. вспоминал, как он встретился с ним тогда в первый раз. «Ты только что приобрел новый костюм, — говорил он Биллу позже. — Я не знаю, что ты носил до этого, но скорее всего ходил в чем попало, потому что Док часто об этом говорил. Я не могу вспомнить, была ли у тебя с собой твоя скрипка, или нет, но тебе удавалось где‑то добыть скрипку, если ты не привозил ее с собой».

Записи Билла рассказывают о том дне, когда они сидели с доктором Бобом в гостиной и подсчитывали выздоравливающих:

«У большинства людей были наиболее мрачные и безнадежные случаи, и они к тому времени были трезвыми уже пару лет, — рассказывает он. — Мы обнаружили, что

около 40 алкоголиков чисты как стекло».

Доктор Боб и Билл поняли, что началась «цепная реакция», и что, «возможно, она может в один прекрасный день распространиться по всему миру… Мы, в действительности, плакали от радости, — рассказывает Билл, — и Боб, и Анна, и я склонили головы в молчаливой благодарности».

До того времени будущие АА–евцы из других городов приезжали к основателям. И теперь встал вопрос, должны ли все алкоголики приезжать в Акрон или в Нью–Йорк, чтобы стать трезвыми. Была ли возможность помочь алкоголикам, которые находились далеко? Была ли возможность для Сообщества увеличиться «быстро и существенно»?

Это было время, когда Билл начал думать о развитии сети госпиталей, приносящих доход, о сборе денег для Сообщества, об оплачиваемых миссионерах, а также о написании книги, основанной на опыте, которая сможет донести послание о выздоровлении людям в других городах и других странах.

Верный своему делу, доктор Боб согласился с Биллом насчет книги, но высказал «откровенные сомнения» о госпиталях, оплачиваемых миссионерах и фандрайзинге. Он беспокоился о том, как все это может повлиять на дух бескорыстного служения в АА. Именно он предложил обсудить все это с другими АА–евцами в Акроне. «Несмотря на свои сомнения, доктор Боб сильно поддержал меня, особенно в том, что касается книги», — говорит Билл.

Авторитетное меньшинство возразило, что они могут потерять доверие алкоголиков, которые будут думать, что АА занимается рэкетом, если они вступят в больничный бизнес. Эти АА–евцы считали, что основой программы является бескорыстное служение, без какой‑либо оплаты или обязательств. Они также считали, что АА должны избегать публичности. Один из них скромно заметил, что Двенадцать Апостолов не нуждались в литературе.

Заседание было долгим и упорным. Билл и Боб совместными усилиями убедили большую часть из 18 членов АА, собравшихся у Т. Генри, принять весь пакет предложений.

Билл вернулся домой, и в Нью–Йорке АА–евцы приняли его идеи с несколько большим энтузиазмом. Он начал пытаться собрать миллионы, которые им потребуются.

Позже, конечно, Билл выразил свою благодарность тому «авторитетному меньшинству» в Акроне: «Их мнение о том, что вступление в большой бизнес и наем оплачиваемых миссионеров могут уничтожить нас, оказалось правильным, — сказал он. — С другой стороны, если бы ультраконсервативные настроения возобладали, и мы бы не сделали ничего, АА могло бы просто уйти в никуда».

Билл в конце концов понял, что результатом этого собрания в Акроне было первое проявление группового сознания АА, т. е. того инструмента «основной власти», к которому ни он, ни кто‑либо другой тогда еще не были полностью приучены. Он ссылался на этот случай, чтобы проиллюстрировать, почему к авторитетному меньшинству всегда необходимо прислушиваться, и сделал заключение, что правильный ответ обычно находится посередине — между новаторами и консерваторами.

Огромное число вопросов, касающихся структуры АА и его политики, возникло в последующие годы. Какова была позиция доктора Боба? Он, конечно, не был самым активным новатором, но также не был и ультраконсервативен.

Одной из сложностей в понимании взглядов доктора Боба на изменение структуры АА является неизбежность сравнения с Биллом. В сравнении с Биллом он был консервативен, но таковыми же были многие и многие другие АА–евцы. Во всем, что касалось организации АА, Билл смотрел намного дальше вперед, чем большинство других, и большинству АА–евцев обычно требовалось несколько лет, чтобы понять его идеи. Но если Билл был мечтателем,

который шел впереди остальных, то доктор Боб был реалистом, жившим здесь и сейчас. Как говорили многие из тех, кто знал их обоих, они уравновешивали друг друга.

Как правило, Боб вначале выражал осторожность и благоразумие, влияя как тихий «цензор», когда Билл излагал какой‑нибудь радикально новый подход. Довольно часто Боб предлагал что‑нибудь свое. И довольно часто Билл модифицировал свои идеи в соответствии с предложениями доктора Боба. Они двигались скорее навстречу друг другу, чем в противоположные стороны — тенденция, которую мы приняли как основной метод АА. Между этими двумя людьми было желание достичь согласия, и действовать вместе во всем, что касалось правильных действий ради Сообщества, которое они оба любили.

Оба были сложными личностями, которые, тем не менее, умели выразить глубокие идеи простыми словами и, возможно, было гораздо больше причин, чем мы можем понять, для той способности работать вместе, которой они обладали. Любовь, безусловно, имела к этому отношение. Преданность была еще одной составляющей, по крайней мере, в отношении доктора Боба. Некоторые говорят, что Бобу было трудно отказать в чем‑либо Биллу — своему спонсору. Каждый старался согласиться с другим, и поэтому был гибким. Большую роль играло также и применение практического мышления. Как сооснователи, оба были достаточно умны и проницательны, чтобы понимать, что они должны достичь согласия прежде, чем что‑либо будет происходить в Сообществе.

Следует отметить, что за исключением структуры АА, доктор Боб не был целиком консервативен, когда дело касалось программы АА. Во–первых, само утверждение, что один алкоголик может помочь другому, считалось революционным в то время; во–вторых, по мере того, как они продолжали работу, они с Биллом изменили очень жесткий подход, существовавший в начале. В–третьих, доктор Боб в

течение многих лет продолжал искать новые идеи и пробовал новые пути донесения послания другим.

Еще в 1938 году, например, Билл сообщал в своем отчете Фонду Алкоголиков (Попечительский Совет АА был основан в 1938 году, и сейчас называется Центральным Советом Обслуживания), что доктор Боб добился разрешения забрать несколько пациентов из психиатрической лечебницы штата, в городке Мэссилон, Огайо. «Все, кроме одного, чувствуют себя хорошо», — сообщал он. А двумя годами позже доктор Боб сообщал в письме «о парнях из госпиталя штата в Толедо (психушки), чья организация, похоже, взяла нас под свою опеку в последнее время». Боб продолжал эту работу «в организациях», по крайней мере до начала 1940–х годов, до того момента, когда этим стали заниматься на групповом уровне.

Что касается доктора Боба как человека, вероятно многие люди воспринимали его консервативную внешность признаком консервативной натуры. Однако, его восстания против авторитетов в молодые годы не предполагают внутреннего консерватизма. В свои взрослые годы он водил Смитти и Сью в несколько разных церквей, чтобы они сами могли решить, какая им больше подходит. По иронии судьбы врач должен был включить даже церковь Христианской Науки в круг поиска. Он был доктором медицины и хирургом, и тем не менее однажды он повел Смитти, который страдал от аллергии, к гомеопату, который лечил заболевание с помощью небольших доз вещества, которое, собственно, и вызвало аллергию с самого начала. Боб также признавал возможность духовного исцеления.

Позднее он доказал свою готовность изменений в самом себе, готовность исправить недостатки своего характера, развившиеся, по его мнению, из‑за того, что он был единственным ребенком. В число этих недостатков входили нетерпеливость по отношению к себе и другим, то есть желание получать желаемое сразу, а также нетерпимость к

чужому мнению и эгоизм. Достаточно просто взглянуть на его вклад в служение АА и его участникам, чтобы увидеть изменения, произошедшие в этой области.

«Имея дело с таким количеством алкоголиков, он слышал и наблюдал множество различных точек зрения, — говорит Смитти. — И он научился учитывать их».

Хотя доктор Боб никогда не интересовался политикой, Смитти как‑то заметил, что был один очень известный член кабинета, одно только имя которого могло вызвать взрыв боли и возмущения со стороны его отца. Но доктор был из Вермонта, в конце концов. И, как говорили в те дни, после результатов выборов 1936–го года: «что делает Мейн, то делает и Вермонт».

Друзья отмечали, что с годами доктор Боб становился более открытым, добрым и мягким. Доктор Боб конца 1940–х был уже не тем человеком, который познакомился с Биллом Уилсоном в 1935 году. Он развивался — всю свою последующую жизнь врастая в ту программу выздоровления, для развития которой он так много сделал.

Если кто‑то считает доктора Боба консерватором и ретроградом, существует история, рассказанная одним из первых АА–евцев, о том, что он увидел, придя в дом к Кларенсу С. Он думал, что он по ошибке оказался на одной из первых тусовок хиппи. Кларенс крутил фонограф; Билл Уилсон, полулежа на полу, играл на скрипке, а доктор Боб покачивался под мелодию любимого чарльстона. Доктор Боб однажды сказал, что все, что он когда‑либо хотел, это «иметь кудрявую шевелюру, уметь отбивать чечетку и играть на пианино».

Это с трудом можно назвать портретом «негибкой» личности. В общем, не удивительно, что первоначальные сомнения доктора Боба по поводу новых амбициозных проектов преодолевались так быстро. Когда была одобрена идея о госпитале, которым руководило бы Сообщество, доктор Боб и другие АА–евцы начали присматривать старый

дом, который мог бы быть превращен в госпиталь для алкоголиков. Как сказал об этом позже Дик С., они были уверены, что они «смогут найти такой дом, где новым людям будут прививаться ростки АА».

Хотя эта идея никогда не осуществилась, она казалась заманчивой для доктора Боба в течение нескольких лет. Его практика по–прежнему была очень небольшой, а он уже отдавал большую часть времени работе в АА. Его дом был заложен, и он был в долгах. Должность с зарплатой в госпитале для алкоголиков дала бы ему возможность выйти из этого затруднительного положения. И это было бы вполне о’кей, потому что он получил одобрение от группы в Акроне.

«Я знала, что в какой‑то момент мы с этим столкнемся из‑за денег», — говорит Элджи Р. (жена Джона), вспоминая разговор в конце 1930–х, когда Док говорил о том, чтобы брать плату за свои услуги алкоголикам.

— Ты не можешь так поступать, — сказала я.

— Почему бы и нет?

— Эти люди везде были обмануты. Если ты втянешь деньги в это дело, оно никогда не заработает. Эта программа послана Богом, и если ты втянешь в нее деньги, с ней будет покончено.

Потом был момент, когда кто‑то хотел отдать им дом, или что‑то в этом роде, — вспоминает Элджи, — я не могла согласиться с этим, поэтому я сказала нет».

Соблазны редко приходят один раз, чтобы быть побежденными и исчезнуть. Являются ли искушением деньги или алкоголь, скорее всего этот соблазн будет возникать снова и снова с течением лет. Тем не менее не было обнаружено никаких доказательств, письменных или каких‑либо других, что доктор Боб взял хотя бы один цент за свою работу с алкоголиками. Каждому из участников, у которых бралось интервью, задавался прямой вопрос об этом, и все ответили, что никаких денег за услуги доктора Боба они не платили. Даже медицинское обследование,

необходимое для приема пациентов в некоторые госпитали, производилось другими врачами, из числа сотрудников.

Пока доктор Боб исследовал возможность организовать госпиталь в Акроне, Билл Уилсон и другие АА–евцы в Нью–Йорке пытались собрать деньги, которые им понадобятся. Они планировали создать фонд, чтобы достичь этой цели (так же как и других целей), поскольку все их усилия без поддержки, как правило, были безуспешными. Но Биллу удалось встретиться с Джоном Рокфеллером младшим, который направил Фрэнка Амоса в Акрон, чтобы выяснить, что там происходит.

Мистер Амос, который вскоре стал одним из первых попечителей АА из числа неалкоголиков, проделал тщательную работу по исследованию того, что он назвал «самостоятельной Группой Алкоголиков в Акроне, штат Огайо». Он посетил доктора Боба и присутствовал на собраниях. Он задавал вопросы АА–евцам и неалкоголикам, включая коллег доктора Боба. Он также осмотрел дом, который участники АА хотели превратить в госпиталь.

В своем отчете мистеру Рокфеллеру в феврале 1938 года мистер Амос сообщал, что он проверил информацию о докторе Смите, а именно:

«Доктор Г. А. Фергюсон, один из лучших окулистов в Огайо, сказал мне, что доктор Смит был великолепным и опытным хирургом. Он сказал, что в своей области он был лучшим из всех, кого он знает. Он сообщил, однако, что в течение ряда лет пьянство Смита становилось все хуже, и что он, Фергюсон, в разное время доставлял его домой пьяным, так же как и другие врачи, его друзья. В результате, его коллеги, так же как и его пациенты, почти утратили доверие к нему, исключительно из‑за его пьянства.

Почти три года назад, пишет доктор Фергюсон, Смит перестал пить, и с тех пор возвращал утраченное доверие и уважение. И сегодня он по–прежнему является настолько же квалифицированным хирургом и высоко ценится

профессионалами, как в свои прежние дни.

Фергюсон узнал о работе, которую Смит проводит с алкоголиками. Он пишет, что до конца ее не понимает, но она очевидно эффективна. Он поддерживает эту работу и искренне восхищается Смитом в обоих областях, как в профессиональной, так и в этой его работе.

Далее он сообщил, что Смиту приходится отдавать так много времени безвозмездно этой работе с алкоголиками, что ему трудно заниматься профессиональной деятельностью в объеме, достаточном для обеспечения себе достойного существования. Он думает, что для Смита жизненно важно продолжать свою работу, но что ему необходима помощь, чтобы он имел возможность лучше организовать ее, а также улучшить свою практику».

Следующим человеком, упомянутым в отчете Амоса, был «доктор Говард С., 35–летний врач общей практики из Каяхога Фоллс. Доктор С. был алкоголиком, и был излечен благодаря деятельности Смита и его друзей, а также предписанного ими Христианского метода. С. отзывается о Смите как о профессионале высочайшего уровня. Он говорит, что Смит является ключевой фигурой для реформ алкогольного движения здесь, и что необходимо сделать что‑либо и помочь ему, чтобы он мог и восстановить в большей степени свою оплачиваемую практику, и отдавать значительную часть своего времени работе с алкоголиками. В настоящее время его работа с алкоголиками отнимает, в среднем, по десять часов в день. С. полагает, что Смит должен возглавить небольшой госпиталь для достижения этих целей».

Далее в отчете следовало: «Судья Беннер, в прошлом судья по условным приговорам, который в течение 40 лет является председателем совета Акронского Городского госпиталя. Беннер заслужил уважением тем, что сделал этот госпиталь одним из лучших на Среднем Западе.

Беннер заявил, что только врачи самого высокого класса

принимались в штат сотрудников их госпиталя, и что Смит профессионально всегда был в числе лучших. Беннер сказал далее, что он знал все о проблемах Смита с алкоголем, видел, как он с ними справился, и на 100 процентов поддерживает его замечательную работу. Его правление, сказал он, гордится тем, что предоставило Смиту все привилегии работы с алкоголиками в Городском госпитале. Он не утверждал, что хорошо понимает сам метод, но каким бы он ни был, сказал он, он действительно работает, и он выступает за его использование».

Фрэнк Амос также сообщал в отчете о «безграничном восхищении Генриетты Сейберлинг доктором Смитом и всей его группой, последовавшей за ним», так же как и о восхищении Т. Генри Уильямса, «на которых работа Смита и его товарищей произвела такое сильное впечатление, что они отдавали свой дом в их распоряжение дважды в неделю для проведения религиозных и общественных собраний».

Мистер Амос сообщал, то алкогольная группа состояла из «примерно 50 мужчин и, я полагаю, двух женщин, бывших алкоголиков; все они, с точки зрения врачей, считались практически неизлечимыми, а теперь преобразились и продолжают оставаться трезвенниками».

На собрании, на котором присутствовали мужчины, их жены, а «в некоторых случаях их матери», мистер Амос слышал разные истории, «зачастую почти невероятные». Он отмечал, однако, что когда дело касалось выздоровления, они все были очень похожими в том, что касалось «использованного метода и системы, которой они следовали». Он описал «Программу» следующим образом:

«1. Алкоголик должен осознать, что он алкоголик, неизлечимый с медицинской точки зрения, и что он не должен никогда больше пить что‑либо, содержащее алкоголь.

2. Он должен сделать признание и отдать себя полностью в руки Бога, осознавая, что у него самого надежды больше

нет.

3. Он не только должен хотеть бросить пить навсегда, но должен также избавить свою жизнь от других грехов, таких как ненависть, прелюбодеяние и других, часто сопровождающих алкоголизм. Пока он не исполнит этого в полной мере, Смит и его товарищи отказываются работать с ним.

4. Он должен молиться каждое утро — “время тишины”, молитвы, чтения Библии и другой религиозной литературы. Если это исполняется неискренне, ему угрожает смертельная опасность рецидива.

5. Он должен иметь желание помогать другим алкоголикам исправиться. Это увеличивает защитный барьер, и укрепляет его силу воли и убеждения.

6. Важная рекомендация — ему следует часто встречаться с другими исправившимися алкоголиками и участвовать в обоих, — общественном и религиозном, — товариществах.

7. Важная рекомендация — ему следует посещать какую‑либо религиозную службу по крайней мере раз в неделю».

Мистер Амос сообщал: «Все вышеизложенное честно выполняется акронской группой, и не проходит и дня, чтобы не появилась одна или более новых жертв, с которыми, ко всеобщему согласию, вместе со Смитом, их руководителем, необходимо работать».

Подчеркивая роль доктора Боба в работе в Акроне, Фрэнк Амос все время отмечал, что, хотя в группе были и другие достойные люди, все они считали доктора Боба своим лидером.

«Здесь есть несколько человек из Кливленда, — сообщает он, — но там пока не удалось найти лидера. Неалкоголики, христианские священники, члены Оксфордской Группы, представители Христианской Науки и другие пытались стать лидерами движения, но все потерпели неудачу. По–видимому, в большинстве случаев необходим бывший

алкоголик, чтобы изменить другого алкоголика, и еще хороший врач высокого уровня, который в прошлом сам был алкоголиком, и обладает врожденными качествами лидера. Это, как показала практика, является идеальным».

Мистер Амос цитирует Пола С., который сказал: «Большинство из нас имеет свою работу и может обеспечить себе неплохую жизнь. Я работаю в страховой компании и могу довольно упорно заниматься бизнесом. Смит, как уважаемый и этически корректный врач, не может бегать за больными или рекламировать себя. Все, что он может делать, это регулярно встречаться с другими врачами и поддерживать свои профессиональные контакты, поскольку именно из этого источника, как ректальный хирург, он получает большинство своих хирургических пациентов.

На сегодняшний день его доход настолько низок, что он не может держать офисного секретаря, и ему очень трудно оплачивать необходимые домашние расходы. Либо мы должны ему помогать, либо ему придется отказаться от большей части своей работы с алкоголиками».

Как сообщает мистер Амос, Пол считает, что «было бы преступлением» потерять Смита, как своего лидера, сейчас. «Мистер Т. Генри Уильямс, с которым я обсуждал этот же вопрос, объяснив, что я говорю от имени четырех мирян, которые заинтересовались этим движением, выразил практически то же самое мнение, что и Пол С.», — сообщил он.

Мистер Амос порекомендовал мистеру Рокфеллеру конфиденциально выделить для доктора Смита ежемесячное вознаграждение на период, по крайней мере, в два года, до тех пор, пока данный проект не встанет на ноги в дальнейшем, и, возможно, станет полностью себя обеспечивать во всех отношениях.

удучи заядлым автолюбителем, доктор Боб довольствовался более старыми моделями автомобилей в первые годы, когда большинство АА–евцев было без гроша за душой

Он продолжал: «У доктора Смита есть жена — прекрасная, образованная леди, которая поддерживает его полностью в его работе, а также сын и дочь в возрасте около 18 или 20 лет. Его скромный дом заложен, и у него нет возможности делать ремонт и поддерживать его в должном состоянии.

Ему необходим хороший секретарь, причем не только для приема звонков во время его отсутствия в кабинете (его приемные часы с 2:00 до 4:00 дня), но такой, который действительно сочувствует его работе, и который сможет справиться с множеством назначений, поручений и деталей при работе с исправившимися алкоголиками, направлять их к другим пациентам и т. д., все то, что в настоящее время Смит вынужден делать сам.

Миссис Смит целиком занята домом и своей работой с женами алкоголиков, а также с иногда появляющимися женщинами–алкоголиками. Смит считает, что мужчины редко достигают удовлетворительных результатов в работе с женщинами–алкоголиками: вопросы пола препятствуют этой работе. Ему, как врачу, могут помочь, и помогают, но с большинством проблем его жена и другие жены вынуждены справляться сами, и потребность в такой работе растет.

Такой секретарь обойдется примерно в 1200 долларов в год», — сообщает мистер Амос, отмечая также, что «Смиту нужна хорошая машина, чтобы обеспечить быструю, безопасную и своевременную транспортировку — сейчас он ездит на “Олдсмобиле” какого‑то старого выпуска. Ему также необходимо улучшить оснащение кабинета, причем не только для его обычных платных пациентов, но

также для работы с экс–алкоголиками, которые приходят к нему ежедневно за поддержкой и инструкциями. В целом, я думаю, сумма около 5000 долларов в год, на два года, должна быть выделена, чтобы компенсировать недостаток частной практики, нанять секретаря и оплатить другие расходы, которые он не в состоянии оплачивать в данных обстоятельствах. Я рекомендую сделать это сразу».

В качестве своего рода постскриптума он добавил: «По причинам, которые я могу объяснить устно, в настоящее время лишь очень незначительная финансовая поддержка может быть обеспечена из местных источников. Я думаю, однако, что в течение двух лет большая часть, если не вся необходимая финансовая поддержка, может быть обеспечена на месте».

В общей сложности, Фрэнк Амос предложил мистеру Рокфеллеру пожертвовать 50000 долларов для поддержки движения. Но один из советников мистера Рокфеллера, мистер Альберт Скотт, председатель попечительского Совета Нью–Йоркской церкви в Риверсайде, выдвинул такую же точку зрения, что и меньшинство членов в Акронской группе: что деньги, собственность и профессионализм могут «испортить все дело».

Поэтому мистер Рокфеллер принял решение против выделения 50000 долларов, но согласился выделить 5000 долларов для личного использования Биллом и доктором Бобом. Из них 3000 долларов ушло на то, чтобы выплатить закладную за дом Боба. Остальное высылалось обоим сооснователям поровну, по 30 долларов в неделю.

В другом отчете, сделанном позже в том же году, Амос отмечал твердое убеждение обоих лидеров о «необходимости избегать коммерциализации этого движения любой ценой».

Более того, говорил он, по их мнению любая «преждевременная публичность может оказаться разрушительной поскольку в результате публичности те несколько человек, что работают в настоящее время, будут

завалены просьбами родственников и друзей, а также самих алкоголиков. Как следствие, само движение может увязнуть и забуксовать.

Алкоголики, которые были вполне нормальными умственно и во всех других отношениях, и которые по–настоящему хотели излечиться от алкоголизма, составили ту категорию, с которой они достигли наиболее значительных успехов, — говорил мистер Амос. — С другой стороны, алкоголики, которые имели психические нарушения, или которые были определенно психопатическими, как показал опыт, представляли очень сложную проблему, и в подобных случаях процент излечения пока был очень низким».

Он также сообщил, что участники движения не хотели бы связывать себя прямо или косвенно с каким‑либо религиозным течением или культом; они подчеркивали, что у них нет какой‑либо связи с так называемым ортодоксальным религиозным вероисповеданием, или с Оксфордским движением. (Очевидно, Амос имел в виду Оксфордскую Группу; более старое, Англиканское движение не играло никакой роли в истории АА). Они также подчеркивали, что они ни в коей мере не занимаются медициной, но сотрудничают с врачами и психиатрами.

Из 110 человек, участвовавших в программе на тот момент, 70 находилось в районе Акрона и Кливленда, указывалось в отчете, отмечая, что «во многих отношениях их встречи происходят в форме собраний, описанных в Евангелие ранних христиан первого века».

В отчете содержится несколько интересных выводов:

1. В отчете отмечается, что движение в Акроне отделилось от Оксфордской Группы еще в 1938 году. Однако эта точка зрения могла быть скорее желаемой, чем действительной, поскольку Фрэнк Амос мог посчитать желательным представить алкогольную группу самостоятельной для получения денег от мистера Рокфеллера.

2. АА–евцы того времени не считали участие в собраниях

обязательным условием для поддержания трезвости. Участие в них было «желательным». Утренние чтения молитв и «время тишины» были, однако, обязательными.

3. Участники считали, что трудности в работе с женщинами были связаны прежде всего, с проблемами пола. Считалось, что более подходящими для работы с ними были жены–неалкоголики.

4. Сотрудничество с Городским госпиталем и распространение «всех прав и привилегий» в отношении доктора Боба происходило достаточно официально; он ни в коей мере не помещал в госпиталь пациентов тайно, только с помощью приемной медсестры.

5. Некоторые участники движения боялись публичности потому, что это могло привести к слишком быстрому появлению большого числа новых потенциальных участников.

(Следует также отметить, что многие термины, которые сейчас считаются неправильными, тогда часто использовались, причем не только людьми, не являющимися АА–евцами, в дискуссиях о движении, но иногда даже самими участниками АА: «лечение», «экс–алкоголик», «исправившийся алкоголик»).

XI. Первые собрания и противоречия Большой Книги

Похожие на собрания ранних христиан, или не похожие, но вечерние встречи в доме Т. Генри по средам подходили к пику своей популярности — на них приходили члены «алкогольной команды», их жены и другие члены семей, а также хорошие друзья, такие как Генриетта Сейберлинг. Некоторые алкоголики, но вероятно не все, в тот период считали себя членами Оксфордской Группы. Другие, возможно, считали себя баптистами, представителями Христианской Науки или прихожанами римско–католической

церкви.

По описанию Т. Генри типичное собрание в 1938–1939 годах происходило примерно следующим образом:

«В начале проходило организационное собрание в понедельник. В нем обычно принимали участие те, кто уже состоял в группе и чувствовал ответственность. Мы обсуждали тех, кто должен был прийти, и как на них можно повлиять. Например, было несколько людей, которые только что вышли из госпиталя. Мы думали, чья история может повлиять на них больше всего, и кому лучше всего вести собрание. Мы садились и просили указаний и руководства свыше о том, что нам следует включить в это собрание.

Этот дом, благодаря гостеприимству Т. Генри и Кларисы Вильямсов, стал родным домом для «команды алкоголиков»

Обычно мы просили людей принимать активное участие в собрании и быть готовыми к искренним рассказам о себе, помня о присутствии новичка. Как правило, ведущий выбирал отрывок из “*Горницы* ” (периодическое издание методистов, упоминавшееся ранее) или какой‑либо другой литературы в качестве темы. Иногда выбирались такие темы, как “Дело всей моей жизни” или “Мое высшее предназначение”. Затем наступала минута молчания. После этого разные люди делились своим личным опытом.

После собрания, — продолжает Т. Генри, — мы могли пригласить нового человека наверх, и группа из нескольких человек просила его сделать признание, доверить свою жизнь Господу и начать настоящую жизнь в соответствии с четырьмя абсолютами, а также пойти и начать помогать другим людям, которые в этом нуждаются.

Это обычно происходило в форме групповой молитвы. Несколько парней молились вместе, и новый участник должен был произнести свою собственную молитву, прося Бога избавить его жизнь от алкоголя. И когда он заканчивал молитву, он говорил: “Спасибо, Господи за то, что ты избавил мою жизнь от него”. Во время молитвы он обычно объявлял о своем желании доверить свою жизнь Богу».

Кларенс С. из Кливленда вспоминает, что, как правило, открывали эти собрания по средам люди, «полностью доверившиеся Богу». Среди участников были также такие, которые лишь «доверились» (обычно алкоголики, составлявшие меньшинство), по сравнению с теми, кто «больше доверился», или, еще лучше, «полностью доверился» (неалкоголики обычно относились к двум последним группам). Так или иначе, Кларенс считал, что это было «поразительно», что так много людей из числа «больше и полностью доверившихся» писали в своих блокнотах одно и то же имя человека, которому следовало вести собрание.

«Ведущий обычно открывал собрание молитвой, затем читал Святое Писание, — вспоминает Кларенс. — Затем в течение 20 или 30 минут он исповедовался, то есть рассказывал о своей прошлой жизни. Затем он давал слово для исповеди присутствующим. Иногда это происходило довольно эмоционально. Мне кажется, однажды одной из женщин была “мадам”, а другая одной из ее девушек, судя по тому, как они рыдали и плакали, описывая свои полные греха жизни».

Кларенс также вспоминает, как один из членов Оксфордской Группы, подняв вверх свою курительную трубку, драматически сказал: «Это мой самый страшный грех».

«Неужели? — подумал я. — Что ж, эта трубка никогда не доведет тебя до сточной канавы».

Джей. Д. Х. (южанин, вступивший в Оксфордскую группу в 1938 году) вспоминает одну женщину, которая «постоянно

действовала мне на нервы своей болтовней. Однажды я позвал ее в кабинет Т. Генри и сказал: “Вы меня выводите из себя, то по одной причине, то по другой. (В те дни мы должны были"испытывать"людей.) Вы постоянно перебиваете и слишком много говорите. Из‑за Вас я испытываю здесь слишком много негодования, и мне это не нравится. Я опасаюсь, что из‑за этого я напьюсь”.

Она засмеялась и что‑то сказала. А потом мы сели и очень мило поболтали. И у меня ушло чувство возмущения».

Джей Д., у которого явно были проблемы с «духовной частью» алкогольной программы, рассказал Биллу Уилсону, как Эрни Г. и Пол С. однажды были у него дома и пытались объяснить это ему. Вдруг Эрни сказал: «Пойми, Иисус Христос сидит сейчас на ручке этого кресла рядом с тобой. Черт побери, Он хочет помочь тебе, если ты только протянешь свою руку».

«Что ж, я посмеялся над этим несколько минут, — рассказывает Джей. Д., — а затем задумался об этом: “Может быть, этот парень прав”. И после этого я стал очень много думать об этой духовной части. Вы знаете, как грубо Эрни разговаривал. Но я намного охотнее слушал его, когда он пытался объяснить мне все это, чем какого‑нибудь изысканный человека вроде Т. Генри. Пикантно это, не правда ли?»

Уолли Г. (чья трезвость победила все первоначальные сомнения его жены Аннабеллы) отмечает, что в исповедях не очень много говорилось об алкоголизме и пьянстве: «Это были разговоры, которые алкоголики вели между собой. Т. Генри имел обыкновение приглашать на собрания Оксфордской Группы изрядное количество гостей. И их исповеди не имели никакого отношения к алкоголю.

Вы бы удивились, узнав, как мало, даже между собой, мы говорили о том, как мы пили, — говорит Уолли. — Об этом обычно говорили с новичками в госпитале. Нас гораздо

больше интересовала наша повседневная жизнь, чем наши воспоминания о пьянстве».

Уолли также отмечал, что практически каждый, находившийся в комнате так или иначе исповедовался. «Прежде всего, доктор Боб просил нас не мешкать и стремиться самим выступать на собрании, подразумевая при этом, что если вы сделали какое‑то заявление, то, скорее всего, будете его в дальнейшем выполнять.

После того, как собрание закрывалось молитвой “Отче Наш”, все мужчины собирались в кухне на кофе, а большинство женщин рассаживались и разговаривали между собой, — рассказывает Уолли. — Обычно эта разговорная часть вечера продолжалась от часа до полутора. Тем не менее, только после того, как мы стали ходить в Кесслер Донат Кафе, это время действительно стало часом общения».

Билл В. Х. (в 1937 году он был одним из новичков акронской группы) отмечал, что Т. Генри и Кларас «делали все, что могли, чтобы мы чувствовали себя уютно». Но Билл не был слишком настойчив в получении от нас признания, «потому что оно обрушивало на нового человека слишком много духовного сразу. Это было слишком тяжело. Мы должны были поделиться всеми своими грехами, не считая алкоголя, с новым человеком, и убедить его сделать то же самое. Но очень немногие были в состоянии это сделать».

К 1939 году точка зрения на признание настолько сильно изменилась, что Эрни Г. второй (пришедший позже, не тот Эрни Г., который стал зятем доктора Боба) побывал на нескольких собраниях, прежде чем он и его жена Рут сделали признание.

«Мы должны были прийти раньше, — рассказывает Эрни. — Я поднялся в спальню с двумя людьми, которых я выбрал, с Т. Генри и Томом Л. Они сказали мне, что если у меня есть что‑либо на душе, я должен это высказать. “Это никогда не выйдет за пределы этой комнаты”. Я сказал, что у меня нет ничего такого, что действительно бы меня

беспокоило, и они сказали: “Давай вместе помолимся об этом”. Мы все втроем опустились на колени, и каждый произнес небольшую молитву. У меня было в чем признаваться, но я не был готов рассказывать им о всех своих эскападах, или о чем‑нибудь в этом роде. И я никогда об этом не рассказывал, за все время, пока был в АА. Никогда не вставал на собрании и не пускался в “дранкалог”[18]. И не собираюсь».

«Я не пропустил ни одного собрания у Уильямсов, — рассказывает Боб Е. — Мы все ждали вечеров по средам. Это был главный вечер недели».

По его воспоминаниям, доктор Боб и Т. Генри «держали в руках вожжи» собрания; Т. Генри заботился о молитвах, которыми собрание открывалось и закрывалось. «В Оксфордской группе было всего полдюжины участников, — рассказывал он. — Нас (алкоголиков) было больше. Иногда мы уходили вниз и проводили свое собрание, а Оксфордская группа проводила свое наверху, в гостиной».

«Я ожидала собраний в Акроне больше, чем любых свиданий в молодости, — вспоминает Дороти С. М., в то время жена Кларенса. — Мы ездили туда в течение полутора лет, и за это время пропустили всего два собрания из‑за того, что погода была абсолютно невозможной. Каждую неделю мы объезжали округу и собирали людей. В итоге мы везли на собрание восемь человек в двух машинах».

Кларенс С. был одним из тех, кто приехал из Кливленда в начале 1938 года, чтобы доктор Боб «починил» его. Его жена, которая позже стала очень близка с Анной и доктором Бобом, разговаривала со множеством священников и врачей до того, как ее сестра Вирджиния из Нью–Йорка, которая была пациенткой мужа сестры Билла Уилсона, доктора Леонарда В. Стронга, рассказала ей о докторе Бобе. Одним из этих

---

[18] drunkalog — от drunk (пьяный, пьяница) и log (рассказ) — меткий неологизм, образованный по аналогии со словами «монолог» (рассказ от одного лица) и «диалог» (разговор двух лиц). Означает «рассказ от лица алкоголя» или «пьяные воспоминания» (*ред* .).

священников случайно оказался Дилуорт Лаптон, который впоследствии сыграл огромную роль в быстром росте АА в Кливленде.

«Я позвонила доктору Смиту, и до сих пор точно помню свои слова, и то, каким резким был его голос, — вспоминала Дороти в 1954 году в разговоре с Биллом. — Он напугал меня до смерти. Я спросила: “Это доктор Смит, который помогает пьяницам?” Когда он сказал да, я заплакала и сказала, что мой муж алкоголик.

Он сразу же захотел узнать, сколько Кларенсу лет. “Тридцать четыре”, — сказала я. “Невозможно, ответил он, он еще недостаточно долго страдал. Не было еще никого, кто пришел бы в Сообщество таким молодым и выздоровел”».

Возможно, это было одной из тактических уловок доктора Боба в то время — предположить, что новичок еще не готов из‑за того, что он слишком молод, из‑за того, что это женщина, или из‑за того, что он еще недостаточно выстрадал. Будущие участники, таким образом, вынуждены были “доказать”, что они действительно готовы и хотят участвовать в программе.

Когда доктор Боб услышал о возрасте Кларенса, он, скорее всего, вспомнил о первом Эрни Г., которому также было меньше 35 лет, и который не смог добиться трезвости.

«Доктор Боб уже собирался положить трубку, — продолжает Дороти, — но затем он смягчился и сказал, что есть один человек в Кливленде, который, возможно, сможет помочь Кларенсу. И он дал мне адрес Ллойда Т.

Я поехала повидаться с Ллойдом. Он поговорил со мной, но они были очень скрытными в то время. Он не сказал мне как решить эту проблему. Но я знала наверняка, что это было связано с Оксфордской группой, — говорит Дороти, и описывает себя в ту пору как ожесточенную и скептически настроенную. — Я решила, что сделаю вид, что согласна с их программой, если Кларенса в нее возьмут».

Итак, она купила своему мужу билет на автобус до

Акрона. В Акроне Кларенс согласился лечь в госпиталь, где и провел неделю. Он вспоминает, как приходил Пол С. и съедал его завтрак, затем приходил снова и ел его ланч. «Я не мог ничего есть», — рассказывает Кларенс.

«Позже пришел доктор Боб и приступил к делу. Он сел на край моей кровати и сказал: “Ну что ж, и что Вы обо всем этом думаете?” Затем он сделал паузу и посмотрел на меня с сомнением. “Я не знаю, готовы ли Вы к этому. Вы еще достаточно молоды”. Я уже похудел до 135 фунтов, у меня не было работы, не было приличной одежды и не было денег. Я не знал, насколько еще более готовым можно быть — вспоминает Кларенс. — И все же я должен был убедить их, что я действительно готов.

Затем он спросил: “Вы верите в Бога, мой юный друг?” (он всегда называл меня “юный друг”. Когда он называл меня Кларенсом, я знал, что я что‑то натворил.)

— А какое это имеет отношение к делу?

— Прямое, — ответил он.

— Я думаю, что да.

— “Думаю” не означает ничего! Или вы верите, или нет.

— Да, я верю.

— Хорошо, — ответил — доктор Боб. Это уже кое‑что. Ладно, слезайте с кровати и становитесь на колени. Мы будем молиться.

— Я не умею молиться.

— Я предполагал, что Вы не умеете, но это ничего. Просто повторяйте за мной, и этого пока достаточно.

Я выполнил все, как мне было приказано, — рассказывает Кларенс. — Рекомендаций за этим не последовало».

(Доктор Боб всегда был уверен в своей вере, рассказывает Кларенс. Если кто‑нибудь задавал ему вопрос о программе, его обычным ответом было: «А что говорится в Библии?» Например, если его спрашивали: «А что означает “Первым делом — главное?”», — у доктора Боба всегда была наготове подходящая цитата: «Ищите же прежде Царства

Божия и правды Его, и это все приложится вам»[19].)

По воспоминаниям Дороти: «Кларенс пошел на собрание у Т. Генри прямо из госпиталя. Я не видела его все это время. Мать Ллойда отвезла меня туда.

Даже в те дни они обычно приглашали только одного человека для разговора, — замечает она мимоходом. — Спонсорство тогда уже начиналось, и они действительно были достойными спонсорами. Нам регулярно звонили, и Ллойд постоянно заезжал повидаться с нами.

Проделать путь к той двери оказалось одной из самых трудных задач, которые мне когда‑либо приходилось решать, — продолжает она. — Мне не хотелось встречаться с кучкой пьяниц, и не хотелось знакомиться с их женами.

Я вошла туда, и все эти люди подошли ко мне. Одной из самых первых была Анна Смит. Кто‑то представил мне ее как миссис Смит, и она сказала: “Зовите меня Анной”. И это помогло. Я с трудом могла даже говорить. Казалось, это пробило скорлупу, в которую я пряталась все эти годы.

До того момента я думала, что Кларенс пал уже так низко, что ниже некуда, воруя деньги на выпивку у меня из сумочки. Я думала, что никто на свете не сможет сказать мне о нем ничего хорошего. Билл В. Х. подошел ко мне и сказал: “Я хотел бы познакомиться с Вами. Мы полагаем, что Кларенс — совершенно замечательный человек, и мы хотим убедиться, что Вы его стоите”. И это помогло мне больше, чем вы можете себе представить. Достаточно ли я хороша для этого пьяницы!

Никогда не забуду этого собрания. Там было около 50 человек. Гостиная была битком набита, а это была большая гостиная. Я думаю, что выступал Пол С., потому что он поразил меня верой, которая в нем чувствовалась.

Но больше всего меня поразило чувство радости, которое там присутствовало. Все казались счастливыми, даже все те

---

[19] Матф. 6:33 (*ред*.).

женщины, которых, как я думала, мне не хотелось видеть, и я подумала: “Если бы только я могла быть такой же, как они. Если бы только у меня были такие же друзья, как они”. Жизнь началась для меня заново в тот вечер. Я поняла это сразу же, там и тогда.

Я вспоминаю, как Генриетта Д. говорила о вере. Ее слова были как молоток, отсекающий все страхи, когда она сказала: “У Бога есть план.”

Никогда в жизни я не испытывала такого воодушевления. Я пришла домой после того собрания, и первый раз за многие годы опустилась на колени. И я сказала: “Боже, если у тебя есть план для меня, я последую ему. Я не хочу никаких своих собственных планов”.

Еще одно проявление заботы меня очень тронуло, — рассказывает Дороти. — Они раздавали небольшие записные книжки с адресами, в которых были имена всех участников. Очень немногие люди, конечно, имели тогда телефоны. Мы все были слишком бедны. Но там были номера тех, у кого телефоны были. И когда они говорили: “Приходите к нам в гости в любое время”, — слова эти были искренни. Я это точно знала».

Как показывают ежедневные звонки Анны Генриетте Д., «которые значили для меня все», телефонная связь играла важную роль в АА с самого начала.

Алекс М., который пришел в АА в 1939 году, вспоминает: «Боб Е. делал небольшие адресные книжки (как делали впоследствии Элджи Р. и другие), и каждый из нас получал одну из них. Они говорили: “Опусти пять центов в телефонный автомат и позвони кому‑нибудь из нас, прежде чем ты выпьешь. Если никто не ответит, позвони кому‑нибудь другому”».

Джон С., вступивший в АА в 1940 году, считал своего друга Уэйда чокнутым. «Он набирал чей‑нибудь номер и спрашивал: “Как дела?.. Хорошо. А как твой голубчик?” — И на этом заканчивал разговор. Я думал, что у

него телефонная болезнь. А он просто поддерживал связь».

(Кстати, слово «голубчик» в отношении новичков и потенциальных участников было, по–видимому, придумано самим доктором Бобом. «Он использовал это слово», — говорит Смитти. А один АА–евец вспоминал, что доктор Боб часто объявлял на собрании: «Тут такое дело, в палате номер N лежит голубчик, который требует некоторого внимания». Или, например, он мог, говоря о пациенте, называть его «овощ».)

Контакты по телефону или личные контакты были необходимы. «Единственной проблемой было то, что между вечерами по средам проходило очень много времени, — рассказывает Дороти, — я видела, как Кларенс начинал нервничать. Тогда я говорила: “Что ж, давай поедем к Генриетте и Биллу Д”. Мы собирались и ехали к ним. Они могли обедать, или заниматься чем‑нибудь еще, но они всегда гостеприимно принимали нас. И мы знали, что они рады нас видеть.

Мы чувствовали такое же отношение со стороны Боба и Анны. Вы помните, насколько бедными они были тогда. Иногда на обед у них были только хлеб и молоко. Но всегда находилось немного хлеба и молока для нас. И Анна подавала их так мило, как будто это был праздничный обед.

Вы знаете эту фразу из Большой Книги о том, что все мы были людьми, спасшимися после кораблекрушения. Это было действительно так. У нас была именно такая близость. Это была группа пионеров, и никто не был абсолютно уверен, что все получится, и поэтому вряд ли вы могли в этом перестараться. Никто не мог вам ничего гарантировать. И еще, была дружба. Ни у кого из нас до этого не было друзей. Мы потеряли всех своих друзей».

Хотя, обычно, ничего больше не было в расписании в остальные дни недели, «мы всегда что‑нибудь планировали на субботний вечер, — рассказывает Т. Генри, — например, вечеринку, здесь или где‑нибудь

еще, с обилием еды и большим количеством кофе. Это был вечер, в котором эти люди действительно нуждались».

«Аннабелла и Уолли Г. устраивали много вечеринок, — рассказывает Генриетта Д., — так же как и Мать Г. (ее сыном был Эрни первый)». Генриетта всегда стремилась свести к минимуму свое собственное участие и свою роль в помощи другим. («Она всегда была там, и на нее всегда можно было рассчитывать», — говорил один из участников.) «И, конечно, когда у нас самих появилось немного денег, мы стали устраивать вечеринки у нас дома.

У нас были ужины с каким‑нибудь блюдом–сюрпризом[20], а также пикники, а потом мы иногда устраивали танцы», рассказывает Генриетта. «Каждый год мы устраивали новогодний праздник в Y.[21] Но в течение долгого времени до этого у нас были только кофе, чай и крекеры. И было очень весело. Все были так счастливы собираться вместе».

Джей. Д. Х. вспоминает, что «в то время мать Эрни обычно устраивала вечеринки каждые две недели. Она пекла пончики, и все мы, хоть и были на мели, также что‑нибудь покупали. Не было ничего необычного в том, чтобы увидеть там 25 или 30 человек, пьющих кофе и уплетающих пончики.

«Я бывал на этих вечеринках, когда кто‑нибудь звонил из Кливленда и хотел приехать, — рассказывает он. — Обычно парочка ребят запрыгивала в машину, ехала в Кливленд и привозила человека в Акрон».

«Мы обычно садились и разговаривали, — рассказывает миссис М., жена Алекса, вспоминая об АА конца 1930–х. — И мы обычно много веселились. О, это были старые добрые

---

[20] covered‑dish dinner, potluck dinner — вечеринка, на которую каждый гость приносит с собой какое‑то блюдо или долю продуктов (*пер*.).

[21] The Y — ласковое сокращение от YMCA — Young Men's Christian Association — Христианская Ассоциация Молодых Людей. Там всегда можно было недорого арендовать помещение для разных мероприятий (*пер*.).

денечки. И мы уже достаточно старенькие, чтобы быть сентиментальными, вспоминая о них. Иногда мне даже немного жаль сегодняшних людей, потому что у них нет того, что было у нас тогда. У них так много других дел, что у них просто не хватает времени на то, что было у нас».

Сначала АА–евцы, а позже и группы в Акроне стали устраивать вечеринки регулярно, в том числе ежегодный праздник в День Матери, отмечая годовщину встречи доктора Боба и Билла Уилсона. Эд Б., еще один из первых АА–евцев Акрона, вспоминает, что традиционными стали также Новогодние балы, «и все собирались вокруг доктора Боба в полночь. Он обычно говорил несколько слов, а затем все читали молитву “Отче Наш”. Тогда Сообщество было небольшим, и мы таким образом держались все вместе. Но теперь оно стало таким большим, что нам просто места найти не удастся, чтобы хватило для подобного праздника».

Ежедневным контактам придавалось большое значение. Эрни Г. второй, например, обычно ездил по району по делам бизнеса, а затем останавливался в каком‑нибудь АА–евском месте на чашечку кофе. Затем, допустим, выезжал еще по одному вызову, и после этого снова заезжал в какое‑нибудь другое АА–евское место еще на чашечку кофе. Затем кто‑нибудь мог пригласить группу к себе на вечер. Многие из них даже завтракали вместе каждое утро.

«Мы были сильно преданы друг другу, — говорил Джей Д. — Мы встречались друг с другом в день зарплаты, чтобы убедиться, что все в порядке. Когда у меня случился срыв через четыре месяца, я чувствовал себя так, будто я подвел самых замечательных парней в мире».

В то время Джей Д. стал участником еще одного события, произошедшего в АА впервые. В мае 1938 года газета, на которую он работал, обанкротилась, и он переехал в Эвансвилл, штат Индиана, который находился так далеко от Акрона, как если бы он переехал в Филадельфию.

«Я покинул сформировавшуюся группу и должен был начинать все сначала, один, — рассказывает он. — Вопрос был в том, смогу ли я оставаться трезвым сам по себе. Необходимо было организовать новую группу. Мне пришлось работать восемь месяцев, прежде чем я нашел первого будущего участника.

Я ходил к четырем или пяти священникам, но они не смогли помочь. Я даже ходил к нескольким владельцам кабачков. В конце концов один священник сказал мне о парне, который, как он думал, был алкоголиком. Его жена буквально за уши притащила его ко мне домой. Мне очень хотелось считать его алкоголиком, но позже я обнаружил, что он им не был.

Я работал, чтобы найти других участников. Затем я узнал об одном докторе. Примерно в это время вышла книга «Анонимные Алкоголики», и я принес ему почитать. Он улыбался и был очень любезен. Он прочитал примерно половину книги. Затем он сказал мне, что он думает, что все это совершенно замечательно, но у него нет никаких проблем.

Что ж, в День Благодарения 1940–го года я узнал, что этот врач попал в тюрьму и хочет повидаться со мной. Я ходил туда более двух лет, не имея возможности кому‑нибудь помочь. Но работа над этим помогала мне оставаться трезвым. И Мать Г. писала мне регулярно.

Врач сидел там, в тюрьме, как будто он был владельцем притона. “Я думаю, в том, что Вы мне говорили, что‑то есть, — сказал он мне, — я хочу узнать больше”.

Мы с другом наскребли 75 долларов на его поездку в Акрон. Поскольку он был врачом, я хотел, чтобы он встретился с доктором Бобом. Ну, когда он вернулся назад в Эвансвилл, у него был список потенциальных участников длиной в метр, из тех, кого он знал раньше.

Мы работали день и ночь в течение примерно трех месяцев, и у нас появилось 12 или 14 человек. И с этой

маленькой группы все началось. Через два года у нас было уже четыре группы».

Боб Х., который впоследствии стал генеральным менеджером в Центральном Офисе Обслуживания в Нью–Йорке, служил в армии, и в 1942 году их база находилась недалеко от Эвансвилла. Он помнит, как ходил там на собрание, хотя и не помнит Джея Д.

«Я получил письмо от Бобби Б. (сотрудника центрального офиса АА в Нью–Йорке), который сообщил мне, что в Эвансвилле образовалась группа, — рассказывает Боб Х. — Собрание проходило в школе, и мы вынуждены были кое‑как втиснуться в крошечные стулья. Я вообразил себя агностиком незадолго до этого, и помню, как какой‑то парень сказал: “Брат Дж., ты ничего не имеешь против того, чтобы исповедаться перед нами?” Это меня порядком встряхнуло».

Все это демонстрирует не только то, как отличался подход в одном месте от другого, но также то, как группы начинали устанавливать свои обычаи, что придавало им разнообразие и местный колорит. Спустя годы, восточные группы, например, «встряхивались», тогда как в Лос–Анжелесе АА–евцы приветствовали друг друга на собраниях громким «Привет, Джо!»

Эд Б. вспоминает, что у доктора Боба, замечательного рассказчика, всегда была притча на каждый случай, включая тему местного разнообразия и колорита. «Знаете, — рассказывает Эд, — вы могли поехать в другую часть страны, а они там все делали иначе, и когда вы возвращались назад, вы говорили: “Если бы я был в их АА, я бы никогда не стал трезвым”. Что ж, так и случилось с одним акронским АА–евцем, еще когда доктор Боб был жив, — говорит Эд. — Я помню, как доктор Боб рассказывал одному парню историю об американце, который приносил цветы на могилу своего друга, в то время как китаец приносил еду на могилу своего друга. Американец думал, что это смешно. “Как ты думаешь,

когда твой друг встанет и съест эту еду?” — спросил он. А китаец ответил: “Тогда же, когда твой друг встанет, чтобы понюхать эти цветы”. Он рассказал ее, чтобы показать, что каждый из нас делает что‑то по–своему, и иногда один способ имеет такое же значение, что и другой».

Утреннее время тишины продолжало оставаться важной частью программы выздоровления в 1938–39 годах, так же как и духовное чтение, из которого первые АА–евцы черпали значительную часть своего вдохновения.

«Здесь, в Лос Анжелесе, они уделяют больше внимания собраниям, — рассказывает Дюк П., который до этого жил в Толедо, и был там одним из первых. — Я думаю, это потому, что их тут очень много. Когда я начинал, они подчеркивали важность утреннего времени тишины, ежедневных чтений и ежедневных контактов. Они говорили мне также, что я должен что‑то сделать для своего алкоголизма каждый день». Дюк вспоминает, как в начале 1940–х годов он взял список сорвавшихся и обнаружил, что все они перестали соблюдать утреннее время тишины. «Сейчас, спустя 38 лет, у нас с Кэти по–прежнему есть время тишины и утренние чтения», — говорит он.

Библии, как материалу для чтения, предавалось, разумеется, особое значение. Многие вспоминали, что «Нагорная Проповедь» Эммета Фокса была также очень популярна. «Это было обязательное чтение для всех, — говорит Дороти С. М. — Как только люди в госпитале обретали способность фокусировать глаза, они получали экземпляр “Нагорной Проповеди”.

Коме того, была еще такая маленькая книжка “Горница” за пять центов, — вспоминала она. — Они считали, что мы сможем найти пять центов на духовное чтение. Они настаивали, что мы должны читать ее обязательно, каждое утро. Не было ни одной мало–мальски приличной ванной комнаты АА–евца, где бы не лежала эта книжка. И если вы обнаруживали, что она не открывалась в течение

какого‑то времени, вы сразу же начинали подозревать этих людей».

Боб Е. из Акрона вспоминает, что другой популярной книгой в то время была «Величайшая Вещь в Мире» Драммонда. Этой книгой, также, как и «Горницей», снабжала АА–евцев Мать Г.

Хотя в то время было более чем достаточно различных материалов для чтения, существовала реальная потребность в литературе, адресованной специально алкоголикам. И среди всех проектов, обсуждавшихся Биллом и доктором Бобом — госпиталей, оплачиваемых миссионеров, и т. д., самым насущным была книга, работа над которой была начата в мае 1938 года.

Первые две главы были завершены уже к июню 1938 года, когда Билл прислал Бобу письмо, спрашивая его: «Что ты думаешь об образовании благотворительной организации с названием, например, Анонимные Алкоголики?»

Одно время это название предполагалось, только чтобы обозначить авторство книги «Одна сотня мужчин», написанной анонимными алкоголиками. Среди других предлагавшихся названий были «Выход», «Гавань» и «Наступает рассвет». Но название Анонимные Алкоголики уже бытовало, хоть и ограниченно, для обозначения Сообщества; ссылки на него могут быть обнаружены еще в 1937 году.

В этом же письме Билл предлагал, чтобы Анна написала одну главу книги сама. «У меня ощущение, — писал Билл, — что Анна должна написать главу, которая станет портретом жены». Ее скромность и стремление оставаться в тени, возможно, и были той причиной, по которой она главы не написала.

Луис также не написала главы в книгу; правда, ее об этом не просили. Когда она сама предложила это сделать, Билл сказал: «О, нет. Она должна быть в том же стиле, что и книга».

Недавно Луис сказала: «Это задело меня навсегда, и я до сих пор не знаю, почему Билл не предложил мне ее написать, хотя я больше никогда к этому вопросу не возвращалась».

Билл сам написал главу, которая вышла под названием «К женам», а Мария Б., жена одного из АА–евцев из Кливленда, написала свою личную историю в разделе историй первого издания.

Боб Е. вспоминает, как Билл начал присылать черновики в Акрон: «Мы не показывали их слишком большому числу людей, — рассказывает он, — я был одним из немногих избранных». Он вспоминает, как они читали и правили эти черновики вместе с Доком, в его гостиной. «Мы воспринимали книгу очень серьезно, и благоговейно трепетали от сознания, что она начинает обретать форму».

Однако, по воспоминаниям Дороти, Билл писал главы, показывал их АА–евцам в Нью–Йорке, а затем присылал в Акрон. «Мы читали их на собраниях в Акроне. Затем мы отсылали назад свои комментарии и исправления».

В этом есть некоторое несовпадение, так же как и в отношении очень многих других событий, происходивших в те ранние годы. «Это было примерно так, как если бы мы все стали свидетелями аварии, — говорит один АА–евец, — это была одна и та же авария, но мы все видели ее под разными углами». Возможно, доктор Боб показывал первые главы лишь некоторым. А позже, по мере того как книга пополнялась, давал ее уже большему числу участников. Или, например, сначала он давал ее читать лишь «некоторым избранным», а затем передавал для ознакомления остальным.

«Я никогда не забуду то время, когда вышла пятая глава, — вспоминает Дороти. — *Наша* пятая глава. Я всю ночь провела у Смитов, и мы с Анной сидели и читали ее до четырех утра. И мы думали: “Теперь это то, что надо. Теперь она действительно привлечет к нам людей”».

Билл, со своей стороны, продвигался с написанием книги, но получить истории, написанные в Акроне, оказалось делом

непростым. А эти истории были жизненно важны, поскольку большинство случаев выздоровления произошло именно там.

Одна проблема состояла в том, что кое‑кто из АА–евцев отказался участвовать в написании книги. Они считали, что это коммерческий проект — которым он в действительности и являлся, но лишь частично. Книга должна была, прежде всего, придать большую известность движению, но также обеспечить доход Биллу и Доку, а также деньги, необходимые для создания офиса, через который можно было бы связаться с алкоголиками в отдаленных местах, и помочь им в их выздоровлении.

Джон и Элджи Р. вспоминают одного парня, который заявил, что он напился из‑за книги (интересная реакция, учитывая, что главной целью книги было сделать людей трезвыми). «Ему пришло в голову, что Док и Билл собираются получить кучу денег, и захотел получить свою долю. Никто не обратил на него никакого внимания, и он так разозлился, что пошел и напился.

“Это все жульничество с самого начала, — говорил он, — эти парни просто парочка обманщиков из Вермонта. Они знали друг друга. Когда Билл впервые приехал в Акрон, он знал, что встретится там с Бобом”».

Дороти С. М. вспоминала участника, который собирался написать свою историю в книгу, а затем сказал, что это все выдумка. Он изъял из книги свою историю, а затем снова поместил ее туда. «Это был лишь один из примеров действительно серьезных споров, через которые нам пришлось пройти, — рассказывает она, — в какой‑то момент мы даже думали, что вся акронская группа может развалиться из‑за этой книги».

Все то же самое происходило в Нью–Йорке. Билл Уилсон утверждал, что в Акроне была гораздо большая поддержка этой книги и Двенадцати Шагов, которые она представляла, чем это было в Нью–Йорке, где рукопись стала центром «горячих дебатов». В той ситуации Билл, возможно, думал,

что его часть плиты была горячее.

«Было так много споров и столько ответного ворчания, пока удалось убедить людей написать истории, — вспоминает Дороти, — время поджимало, но истории для книги все еще не были готовы.

Примерно в это время Боб Смит пришел к нам домой, и рассказал, что он отыскал бродягу где‑то в трущобах Акрона, который раньше был знаменитым газетным репортером. Теперь он продавал масло для волос, а в промежутках попрошайничал.

Это был Джим С., — продолжает Дороти, — Боб поместил его в госпиталь и сказал, что если нам удастся привести его в порядок, он поможет нам с написанием историй.

Джим протрезвел, и помог людям из Акрона и Кливленда написать свои истории. Он ходил за ними по пятам, чтобы получить от них написанные на бумаге истории, и сидел около них, пока они писали. Затем он их переписывал, но всегда был очень осторожен, чтобы сохранить колорит», — рассказывает Дороти.

«Джим был настоящим одиноким волком — высоким и худым, и не выглядел очень здоровым, — вспоминала Сью Уиндоуз. — Он зашел уже довольно далеко, прежде чем пришел к нам. Я собиралась в бизнес колледж, и мне нужна была практика машинописи, поэтому я печатала некоторые из этих акронских историй. Самое смешное это то, что я так и не прочитала Большую Книгу («Анонимные Алкоголики») до 1975 года, три года назад. Люди стали просить меня прийти на собрания, и я подумала, что неплохо было бы узнать, о чем же все‑таки идет речь. Еще больше АА–евцев обратились ко мне в последнее время, потому что я папина дочь. Они хотят узнать о первых днях. Я и не мечтала о том, что движение вырастет так сильно».

Если у алкоголиков в Акроне были свои проблемы, связанные с Большой Книгой, то у членов Оксфордской

группы этих проблем было еще больше. С одной стороны, у них было мнение, что это коммерческий проект. Другой причиной, из‑за которой они были сильно разочарованы, было то, что в книге совсем не упоминалось об Оксфордской группе. Более того, Двенадцать Шагов заменили собой четыре абсолюта, о которых также не было упоминаний в книге.

Выдвигались разные причины, объясняющие отсутствие упоминаний об Оксфордской группе. Одной из них называлась та, что АА–евцы вынуждены были избегать впечатления, что они связаны с какой‑либо религиозной или духовной группой. Как заявил Билл в разговоре с Т. Генри, «целый ряд католиков пришли в АА в то время, и поэтому мы не могли выразить Оксфордской группе признательность в той мере, в какой они его заслуживали». Он ссылался также на различия в методах и подходах.

Была еще одна причина, которая никогда не упоминалась публично: Фрэнк Бахман, основатель и лидер Оксфордской группы, не только пытался влиять на дела в политике и бизнесе на международном уровне, но, по мнению некоторых, сочувствовал Гитлеру, что следовало из получившего широкую огласку интервью, взятого у Бахмана в 1936 году.

Разделение АА и Оксфордской группы уже произошло в Нью–Йорке в конце 1937 года, но отсутствие упоминаний о группе в Книге привело к усилению трений в Акроне, где АА и Оксфордские группы были все еще достаточно близки, несмотря на возрастающие разногласия.

Как Билл однажды об этом выразился: «В Акроне местные АА–евцы были членами Оксфордской Группы, или, по крайней мере, многие из них так думали до выхода книги в 1939 году. Не только книга, но и само Сообщество получило название “Анонимные Алкоголики”. Мы сознательно покинули Оксфордскую группу, причем, здесь, в Нью–Йорке, гораздо раньше. И хотя более старые участники в Кливленде или в Акроне понимали, что это уже была не Оксфордская

группа, мы сохраняли это название до тех пор, пока собрания проводились в доме Т. Генри Уильямса».

XII. АА Кливленда покидает Оксфордскую группу

В какой‑то степени начало 1939 года выдалось простым и беззаботным для акронских АА–евцев, и многие действительно помнят его таким. Борьба первых лет была позади; вышла книга; теплая любовь и дружба между АА–евцами, более тесная, чем во многих семьях, помогала сохранять трезвость участникам программы.

Было только одно собрание — самое важное для каждого событие недели. В промежутке между собраниями были кофе и ежедневное общение, вечеринки по субботам и посещение одного–двух алкоголиков, находившихся в Городском госпитале. АА росло, но не настолько быстро, чтобы у кого‑либо возникло ощущение дискомфорта.

Но на самом деле ситуация не была идиллической. Были серьезные проблемы с Оксфордской группой.

Как оценивает это Боб Е.: «Поначалу нас было всего несколько человек, присутствовавших на собраниях Оксфордской группы. Но нас становилось все больше, и людей, и шума, пока мы практически не заполонили собой всю группу. Из «алкогольной команды» в составе Оксфордской группы, мы превратились в основу группы. Мы высказывались намного больше остальных и, в каком‑то смысле, мы задавали тон этих собраний.

Но нас зажимали. Мы не могли сомневаться по поводу указаний свыше. На собраниях мы обычно рассаживались по кругу, как повелось до нашего появления, потому что народу было очень немного. Т. Генри и Кларас, Флоренс Мэйн и Ген Сейберлинг задавали тон собранию. Они были лидерами.

Половину времени собрания приходилось проводить в молчании, прислушиваясь к указаниям свыше. Алкоголики

сидели как на иголках. Нам трудно было это выдержать. У нас начинались судороги и дрожь. По мере того, как число алкоголиков и наше влияние росло, время молчания сократилось и практически исчезло. Неалкоголики считали, что нарушаются их фундаментальные принципы.

Мы были членами Оксфордской группы до тех пор, пока мы не переехали в другое помещение. Было очень много разговоров, что мы вытоптали весь ковер у Т. Генри — нас было так много, словно мы навязывались. Но дело было даже не в том, что несмотря на расставленные дополнительно 30 стульев, все до последнего в доме, нам все равно не хватало места».

Вот что многое объясняет: большинство алкоголиков принимало *какую‑то* часть программы Оксфордской группы, но отвергало другие части. И требование группы, что участник должен принять всю программу целиком, не очень хорошо воспринималось алкоголиками.

Билл отмечал, что практика «проверок» в Оксфордской группе (когда один участник мог судить о подлинности божественного указания, которое, по его заявлению, получил другой участник) создавала у алкоголиков ощущение, что лидеры Оксфордской группы надзирают за ними. Он также ссылался на метод Оксфордской группы заставлять людей чувствовать себя нежелательными, или испытывать дискомфорт до тех пор, пока не согласятся с предложенной конкретной точкой зрения.

Как сказал об этом Билл, пьяницы «не примут давления ни в какой форме, кроме как от самого Джона Ячменное Зерно… Они не станут поддерживать достаточно агрессивного евангелизма Оксфордской группы. И они не согласятся с принципом “коллективных указаний” в отношении своей собственной жизни».

Если алкоголики не чувствовали себя достаточно комфортно с членами Оксфордской группы, то участникам группы также было непросто с алкоголиками.

Некоторые члены группы могли рассматривать эту связь с алкоголиками как, своего рода, общественную работу, поскольку большинство «указаний», которые они получали и передавали, являлись, похоже, указаниями для «алкогольной команды», а не для них самих. Позже это стало известно как метод «принимать на себя чьи‑то проблемы», практика, в которой каждый АА–евец может быть экспертом.

Другие члены Оксфордской группы считали, что участие алкоголиков роняет их собственный престиж, и они давали это понять Т. Генри, Кларас и Генриетте. Они должны были, в конце концов, уделять больше внимания местным общественным лидерам — элите. А большинство алкоголиков были далеки от того, чтобы стать лидерами общества. Некоторые оксфордисты предлагали даже подвергать алкоголиков проверке, и допускать в группу лишь наиболее социально–приемлемых из них.

Некоторые акронские алкоголики, которые вступили в программу в 1939 году, говорили об этом намного откровеннее, чем Боб или Билл когда‑либо могли себе позволить. «Они нас не хотят» было, вероятно, одним из самых мягких комментариев по поводу большинства неалкоголиков, участников Оксфордской группы, которые проводили свои собственные собрания, и не ассоциировали себя с «алкогольной командой». «Им не нужны пеоны[22], — говорил Джон Р. (муж Элджи). — Им нужны были люди с деньгами. Т. Генри был исключением. Ему было наплевать, кто ты. Он был замечательным человеком».

Как уже упоминалось ранее, Фрэнк Бахман никогда не был абсолютно единодушен с этим наиболее знаменитым ответвлением Оксфордской группы. И по его мнению, также как и по убеждению других ведущих оксфордистов, разделение групп было желательно, в том числе и по целому ряду других причин.

---

[22] пеон — бедный крестьянин — батрак (*пер* .).

С одной стороны, АА–евцы склонны были ограничиться исключительно помощью другим алкоголикам, тем, что мы сегодня называем «нашей главной целью». Доктор Бахман, со своей стороны, считал, что алкоголизм являлся лишь частью проблем неправильного устройства мира, не более чем симптомом.

Кроме того, алкоголики все больше и больше настаивали на соблюдении анонимности на публичном уровне, то есть на принципе, который противоречил программе Бахмана, стремившейся разрекламировать «изменения», произошедшие в людях, для привлечения других людей в свою организацию.

Более того, у Оксфордской группы начали появляться проблемы на местном уровне. В то время в Акроне происходил раскол общественного мнения и возникали противоречия в оценках социальной и церковной политики, а также политической линии промышленных компаний. Когда сын шинного барона (чье «преображение» получило очень широкую огласку) снова «нырнул в бутылку», многие представители церкви стали относиться с достаточным недоверием к Оксфордской группе. Кроме того, группа ввязалась в обсуждение и решение вопросов этики бизнеса, коснувшееся крупных производителей шин. Это не очень приветствовалось владельцами предприятий в городе. В конце концов, изменение людей — одно, а изменение бизнеса — совсем другое.

Генриетта Сейберлинг считала, что АА не должно собирать или зарабатывать деньги, ибо это средство дьявол использует, чтобы уничтожить АА. Она спорила по этому вопросу с Биллом и Бобом. В то же время, она считала, что члены АА уделяют недостаточно внимания Богу.

«В первые дни, — вспоминала она, — Билл говорил мне: “Генриетта, я не думаю, что нам нужно так много говорить о религии и Боге”. Я сказала ему: “Что ж, мы существуем не для того, чтобы ублажать алкоголиков. Они сами ублажали себя все эти годы. Мы работаем для того, чтобы делать

что‑либо для Господа. И если вы не будете говорить о том, что Господь делает для вас, о своей вере и об указаниях свыше, тогда вы можете превратиться в Ротари клуб или что‑то в этом роде, потому что Бог — это ваш единственный источник силы”. В итоге он со мной согласился».

Перемены в АА огорчили Генриету Сейберлинг, чей дом был местом первой встречи доктора Боба с Биллом

Билл *мог бы* согласиться, также как и многие другие алкоголики. Все‑таки было довольно много АА–евцев, которые не изменились, или не сделали признание и не приняли Господа. Они делали все возможное, чтобы сделать Первый Шаг, но не были вполне готовы к остальным. И их концепция Высшей Силы отличалась от концепции участников группы, которые не были готовы воспринимать электрические лампочки или автобусы на Третьей Авеню проявлением «Бога, как я Его понимаю». Спустя годы Генриетта была разочарована выступлениями, которые она услышала на большом собрании АА, сказав: «Можно было подумать, что они описывают работу психиатра над ними. Там не было никакой духовности, или разговора о том, что Бог сделал для их жизней».

Это еще один пример, демонстрирующий фундаментальную разницу между АА–евцами и членами Оксфордской группы. АА–евцы все больше и больше склонялись к тому, чтобы позволить каждому новичку принять собственную концепцию Высшей Силы, самостоятельно определяя понятия и сроки.

Принимая во внимание все эти факторы, а также замечания Билла и товарищей, доктор Боб, скорее всего,

понимал не только неизбежность скорого разрыва, но и то, что разрыв назрел уже давно. Однако, он был благоразумен в том, что касалось изменений. Возможно, он просто хотел дождаться того момента, когда неизбежное свершится само собой.

И еще одна причина: доктор Боб был чрезвычайно предан не только Биллу, но и Генриетте Сейберлинг, Т. Генри и Кларас Уильямс. Эти трое сделали чрезвычайно много, помогая ему и до, и после того, как он перестал пить, невзирая на критику других членов их собственной Оксфордской группы. Кроме того, они оказали очень большую поддержку ему и другим первым АА–евцам в трудные годы, которые за этим последовали.

Поэтому первый разрыв в штате Огайо произошел в Кливленде, а не в Акроне. И основные причины этого разрыва были совсем иными, чем упомянутые ранее. Более того, некоторые видели в этом не только разрыв с Оксфордской группой, но и разрыв с АА в Акроне.

К началу 1939 года Кларенс С. вырос в духовного лидера кливлендского сообщества. Они с Дороти каждую неделю привозили людей из Кливленда на собрания к Т. Генри. Многие из них были католиками. Кларенс вспоминает, как обещал им, что собрания Оксфордской группы никак не заденут их религиозные воззрения. «Тем не менее, признания, которые участники произносили на собраниях, казались им “открытой исповедью”, то есть тем, что им делать не позволялось, — рассказывает Кларенс. — Более того, идея получения указаний свыше противоречила их вере. И последнее кощунство: члены Оксфордской группы использовали неправильную Библию. В результате, я оказывался чуть ли не под зенитным обстрелом по дороге домой», — говорит Кларенс.

Дороти (в то время его жена) отмечала, что сам по себе рост числа участников в Кливленде уже был достаточно важной причиной для отделения. «В течение довольно

длительного времени мы обсуждали возможность проведения собрания в Кливленде, — рассказывает она. — Помнится, что у нас тогда было около 13 человек, и было не только довольно сложно возить их всех в Акрон, но, мы полагали, это является большой нагрузкой для Боба в связи с госпитализацией. Он был очень занят в Акроне».

Дороти также ссылалась на проблему с католиками. Тем не менее, не все католики считали это проблемой. Следует также отметить, что некоторые протестантские священники тоже относились с подозрением к Оксфордской группе. Вскоре после того, как Кларенс обрел трезвость, Дороти вновь встретилась с преподобным Дилуортом Лаптоном, уже упоминавшимся священником унитарной церкви, который ранее рассказывал ей о своих неудачных попытках помочь алкоголикам.

«Я сказала ему: “У нас есть выход” — и рассказала о Кларенсе и о собраниях. И попросила его посетить одно из собраний. Я сказала ему: “Будет еще очень много других женщин, которые придут к Вам сюда, в Ваш кабинет, так же, как приходила я. Я хочу, чтобы Вы знали, что надежда действительно есть”.

Что ж, я была разочарована, когда он не поехал. Он сказал, что до тех пор, пока АА связано с Оксфордской группой, оно может потерпеть неудачу; что такое выдающееся движение, как наше, никогда не должно быть связано с какой‑либо религиозной организацией. Как он был прав!»

Существует несколько версий причин разрыва, уж не говоря о том, отчего да почему: кто был прав, и кто виноват; кто испытывал негодование, а кто нет; и кто сколько лет с кем не разговаривал.

Большинство людей, бывших участниками тех событий, уже умерли. А многие их тех кто еще жив, тогда были совсем новичками в программе, и не могли разобраться в подводных течениях и махинациях. Они просто были счастливы, что

стали трезвыми, и не были готовы посещать то, что сейчас группы АА называют своими рабочими собраниями.

Тем не менее, Кларенс вспоминает, как он рассказывал доктору Бобу о проблемах, возникающих у католиков в связи с методами работы Оксфордской группы.

«Не мы отвергаем католиков — их не принимает церковь, — говорил он. Ответ доктора Боба звучал как:

— Мы ничего не можем с этим поделать.

— Нет, мы можем, — сказал Кларенс.

— Что вы имеете в виду?

— Организовать группу безо всей этой вздорной болтовни, обидной для других людей. Теперь у нас есть Книга, Шаги, абсолюты. Любой сможет жить благодаря такой программе. Мы можем организовать свои собственные собрания.

— Мы не можем бросить этих людей, — сказал Док, — мы обязаны им своими жизнями.

— Ну и что? — отвечал Кларенс. — Лично я тоже обязан им своей жизнью. Но как насчет всех остальных?

— Мы ничего не можем поделать, — сказал Док.

— О, нет, мы можем.

— Например?

— Увидите, — закончил Кларенс.

В это время, — рассказывает Кларенс, — Эл. Г., известный также как “Эбб”, находился в Городском госпитале Акрона, весь пропитанным паральдегидом и другими препаратами, которые Док им давал. Мы с Биллом Уилсоном ходили беседовать с ним, в результате чего Билл с моей женой Дороти и отвезли его в госпиталь. Эл был юристом по патентам, и у него был большой дом в Кливленде, поэтому я спросил его жену, не могли бы мы проводить собрания у них. Я не спрашивал Эла».

Дороти вспоминает, что у них ушло четыре часа на то, чтобы доставить Эла в Акрон, потому что он требовал остановиться у каждого бара по дороге. «Я никогда не забуду

его, исчезающего в конце коридора в сопровождении медсестры —рассказывает она. — Он обернулся назад, помахал нам драматически и сказал: “Если это поможет, я никогда не забуду этот день и вас обоих.”

Эбби был хорошо образован, и меня больше всего удивило, что самое сильное впечатление на него произвел мужчина в Акроне, одолевший всего четыре класса. В общем, выйдя из госпиталя, он сказал, что он будет рад предоставить свой дом для собраний в Кливленде».

Кларенс рассказывает: «Я сделал объявление на собрании Оксфордской группы, что кливлендская компания приехала сюда в качестве участников в последний раз, что мы организовали группу в Кливленде, которая будет открыта только для алкоголиков и их семей. Я также сообщил, что мы берем себе название из книги, “Анонимные Алкоголики”.

Поднялся шум:

— Кларенс, ты не можешь этого сделать — сказал кто‑то.

— Это уже сделано.

— Нам необходимо это обсудить!

— Слишком поздно — сказал я.

Собрание было назначено на следующей неделе (11 мая 1939 года) — рассказывает Кларенс. — Я допустил ошибку, сообщив этим людям адрес. Они заполнили дом и попытались сорвать наше собрание. Один парень собирался высечь меня кнутом. Разумеется, в духе чистой христианской любви! Но мы отстояли свою позицию».

Воспоминания Дороти немного отличаются. «У нас не было никакого названия, — рассказывает она, — но мы сообщили всем, что это была уже не Оксфордская группа. Только алкоголики.

Анна и Боб тоже чувствовали, что им следует избавиться от давления Оксфордской группы, — добавила она, — но они полагали, что это будет очень трудным делом из‑за их преданности Т. Генри и Кларас.

Кстати, — продолжала она, — на одно из самых первых собраний приехали все наиболее строгие участники Оксфордской группы из Акрона, и вели себя очень ожесточенно и многословно. Они считали, что мы поступили крайне нелояльно по отношению ко всем, отделившись. Это был довольно смелый шаг отделиться от Акрона».

Эл Г. вспоминает, что он поступил в госпиталь 17 апреля. Прежде чем он вышел оттуда, его пришел навестить доктор Боб, и спросил его, согласен ли он следовать программе. «Затем доктор Боб придвинул свой стул так, что одно из его колен касалось моего, и спросил: “Вы помолитесь вместе со мной за Ваш успех?” — вспоминал Эл. — Он произнес прекрасную молитву. Много раз, когда я пытался работать с кандидатами в АА, я ощущал своего рода вину за то, что не смог сделать то же самое».

В этот же вечер Эл пошел на собрание к Т. Генри. «Я посетил несколько собраний, прежде чем обнаружил, что не все люди там были алкоголиками», — говорит он. Но несмотря на то, что он был католиком, собрания ему понравились.

«Мы ездили в Акрон в течение нескольких недель, — рассказывает он, — прежде чем было окончательно решено организовать группу в Кливленде. Ближе к середине мая 1939 года было проведено первое собрание, в этой комнате. На собрании было несколько человек из Акрона и все кливлендские ребята.

Когда мы начали проводить собрания, у нас были серьезные дебаты о том, как будет называться группа. Предлагались различные названия. Все остальные названия показались нам недостаточно подходящими, и мы начали называть себя “Анонимные Алкоголики”».

Каким бы ни был разговор Дока с Кларенсом перед тем, как образовалась кливлендская группа, Док полностью ее поддерживал с самого начала, как и многие другие АА–евцы в Акроне.

«Доктор Боб присутствовал на всех первых собраниях, которые проходили у нас дома», — сообщал Эл. в письме к Биллу.

Когда Джона Р. спросили, не было ли, по его воспоминаниям, какого‑либо огорчения или неприятных чувств со стороны доктора Боба, он ответил: «Да Бог с Вами! Док, Анна, моя жена (Элджи) и я ездили туда на первые же собрания, которые они проводили.

Я помню, как однажды мы туда поехали, и возвращались назад. Док был как мальчишка, в глубине души, вы знаете, он свернул с шоссе и поехал вниз по дороге. Я спросил: “Зачем вы поехали здесь?” Шел снег, знаете ли. И я сказал: “Мы где‑нибудь тут застрянем.”

“О, нет, не застрянем” — ответил он. И поехал вверх по дороге Портадж Хилл. Мы проехали три четверти пути и вынуждены были вернуться назад. Док просто засмеялся. Он, должно быть, думал, что у него получится по ней проехать. Да, Док был замечательным парнем. Я помню, ему было около 60 лет тогда, и все же он *был* как мальчишка, да, сэр».

Сейчас не просто узнать подлинное мнение доктора Боба об отделении кливлендской группы. Некоторые современники считают, что он занимал нейтральную позицию. «Единственное, что помогало удерживаться местным членам АА в равновесии, так это всем известная мудрость доктора Боба. Казалось непостижимым, как он сохранял душевное равновесие. Он находился в центре кучки неуравновешенных людей, толком и не протрезвевших еще».

Возможно, доктор Боб просто препоручил ситуацию выше. Если верить цитате, которую приписывают ему в то время: «Нет смысла беспокоиться об этом. Пока у людей есть вера, и они за нее держатся, АА будет продолжаться».

В Кливленде была продемонстрирована истина, так важная для АА в будущем: одна группа АА, не важно по какой причине, может отделиться от другой, и это необязательно нанесет вред старой или новой группе.

Неофициально, это звучало так: «Все, что необходимо для начала новой группы в АА — это чувство обиды и кофейник».

В то время Кларенс и Дороти поддерживали теплую и активную переписку с Нью–Йорком, то есть с Биллом Уилсоном, Хэнком П. и Рут Хок — секретарем–неалкоголиком того, что впоследствии стало Центральным Бюро Обслуживания АА.

4 июня 1939 года, через несколько недель после того, как кливлендская группа начала проводить свои собрания, Кларенс написал Хэнку П.: «Между Биллом Дж., мною, Кларас Уильямс, и т. д., и т. д. произошла отчаянная перебранка пару недель назад, и они решили оставить нас в покое и продолжать свою деятельность в другом месте. Мы лишились троих–четверых парней, но я думаю, это должно было случиться.

Как я это понимаю, — пишет Кларенс, — основной проблемой было неподчинение Оксфордской группе, а также моя инициатива организовать нашу кливлендскую команду. С Биллом Дж. остались Ллойд Т., Чарли Дж. и Ролли Х. Эти четверо были частью кливлендского состава. Ролли был бейсболистом, трезвым к тому моменту всего несколько недель, или даже дней.

Сейчас здесь не происходит ничего такого, что могло бы обеспокоить Билла, тебя, или кого‑либо другого, и мы собираемся проделать большую работу, — продолжает Кларенс. — Большинство людей (15 или 16 человек) активно заинтересованы, они работают и делают немало.

Наша политика в основном будет следующей, — писал он, — не слишком сильно подчеркивать духовный аспект на собраниях. Все дела и возникшие вопросы обсуждать после собраний. Атмосфера товарищества в любое время.

Лидеры собраний до сих пор выбирались по признаку старшинства в группе, — сообщал он. — Мы также договорились о посещении людей в госпитале таким образом,

чтобы не наваливаться на пациента всем скопом, а навещать по одному или по два человека единовременно.

У нас очень хорошие условия в госпитале, и работает врач–терапевт по алкоголизму. На прошлой неделе Док Смит приезжал, и разговаривал с руководством госпиталя, а также с местным терапевтом; они все относятся к нам с симпатией и полны энтузиазма. Один наш пациент уже прошел через всю процедуру здесь, и мы рассчитываем, что еще два или три пройдут на следующей неделе.

Мы намерены придавать важное значение госпитализации во всех возможных случаях. Более того, мы стараемся довести ее до 100%. Человек, который занимается новым пациентом, должен осознавать ответственность за него, за тех кто его навещает, за оплату и так далее. После того, как пациент приходит в себя, мы “прощупываем” его, затем даем ему книгу и очень много общаемся и разговариваем с ним. Наша книга, конечно, очень сильно помогает. Мы также поддерживаем контакт с семьей, пока пациент находится в госпитале, общаемся с ними и даем им книгу. У нас есть предыдущий опыт Нью–Йорка и Акрона, на который мы опираемся, и мы чувствуем, что сейчас мы довольно хорошо стоим на ногах. Надеюсь, что вы с Биллом сможете скоро к нам приехать, встретиться с нашими парнями и поделиться с ними своим опытом и мудростью».

Боб с Анной посетили Нью–Йорк в июне. «Боб, Анна и Маленький Боб приехали на пару дней в Нью–Йорк», — сообщает запись от 23 июня в дневнике Луис. Без сомнения, Боб и Билл обсуждали, среди прочего, вопрос о Кливленде, но единственное, что записала Луис, было: «Ездили в Монтклэр (штат Нью–Джерси) с Бобом и Анной Смит. Было замечательное собрание. Присутствовало двадцать шесть человек». К этому времени, разумеется, на Востоке, за пределами Нью–Йорка, уже образовались другие группы.

Дороти вспоминает, как в следующем месяце (в июле 1939 года) в кливлендскую группу пришел Уоррен К.: «Он

был одним из наших самых лучших тружеников в то время. Он был на мели, но был одним из тех гордых людей, которые не возьмут даже десять центов за то, что подвезли вас на машине. Он предпочитал подождать, пока его сын, зарабатывающий случайной работой и мелкими поручениями, вернется домой, чтобы взять немного денег из его чаевых», — рассказывает она.

«У меня не было денег на госпитализацию, когда я пришел» — вспоминает Уоррен, сын которого, зарабатывавший на жизнь случайной работой, в 1977 году сам отметил свой 25–летний юбилей в АА. «Это был великодушный эксперимент, я был первым, кто прошел программу в Кливленде без госпитализации. Хотя некоторые и не хотели принимать меня в программу, если я не лягу в госпиталь, Кларенс С. победил и отстоял меня.

После того, как Кларенс поговорил со мной у меня дома, стали приходить другие и беседовать со мной. Тогда ведь не допускали на собрания сразу после того, как один из парней поговорил с вами, как это делается сейчас. Они считали, что сначала следует немного узнать о том, что предстоит услышать, а также о цели программы.

Затем Кларенс попросил меня ходить каждый вечер домой к одному из более новых членов группы, в течение трех месяцев, и кроме того, девять или десять АА–евцев поговорили со мной. После этого я должен был прочитать Большую Книгу, прежде чем я пошел на свое первое собрание. В результате, я думаю, у меня было гораздо лучшее понимание того, что они пытаются делать.

Когда я пришел в дом Эла Г., там была этакая смесь из членов Оксфордской группы и тех новичков, которые вступили в АА недавно, как я. В ноябре 1939 года первая целиком АА–евская группа была образована в городе Кливленде — группа старины Бартона. Это была первая группа, где члены Оксфордской группы и АА–евцы не смешивались.

Мы по–прежнему продолжали ездить в Акрон — примерно по пол–дюжины в одной машине» — продолжает Уоррен.

«В то же время примерно пол–дюжины людей из Акрона приезжали в Кливленд: Док Смит, братья Пол и Дик С., Билл Д. (АА–евец номер три), и так далее. Не каждую неделю, но время от времени. Мы как бы поддерживали друг друга в первое время».

Об этой взаимной поддержке сообщалось в письме доктора Боба к Биллу в сентябре 1939 года, в котором он отмечал, что «посетил собрание кливлендской группы, которое я обычно посещаю раз или два в месяц, и получил удовольствие от замечательного собрания. Думаю, сейчас у них в группе примерно 38 человек, если считать только мужчин. На наших собраниях, по–прежнему бывает 75 или 80 человек, включая и мужчин и женщин».

«Кроме собраний у Эла и в Акроне, человек девять–десять встречаются друг с другом каждый вечер, — говорит Уоррен С. — Мы рассказываем о своих бедах и проблемах прошедшего дня, и получаем поддержку, в которой мы нуждаемся для вступления в следующий, грядущий нам день.

Разумеется, в этой части страны доктор Боб остается для нас родным человеком. — говорит Уоррен. —Это результат того, что мы его знаем, и находимся с ним в контакте, так же, как и раньше. Он делает Двенадцатый Шаг вместе с вами, помогая говорить со всеми людьми, которые находятся в госпитале. В нем есть что‑то такое, что передается от него другим. Я хочу сказать, что вы как бы начинаете преклоняться перед ним».

XIII. Движение распространяется на Среднем Западе

По целому ряду причин, включая уже упомянутые, доктор Боб, видимо, не стал глубоко втягиваться в разрыв с

Оксфордской группой в Акроне.

Во–первых, это был период, когда доктор Боб, похоже, находился в отчаянном финансовом положении. При этом ему приходилось отдавать все больше и больше времени нарастающему потоку новых кандидатов, которые стекались в Акрон для «починки».

Когда Дороти С. М. говорила о том, что у Смитов на обед часто были только хлеб и молоко, она не преувеличивала. Доктор Боб к тому времени был трезв уже около четырех лет. Другие, пришедшие в программу и обретшие трезвость позже, работали и получали зарплату. Доктор Боб не получал.

Как Джек Александер напишет в своей статье в *Saturday Evening Post* , вышедшей 1 марта 1941 года: «Доктору Армстронгу (имя, использованное для сохранения анонимности доктора Боба в печати) до настоящего времени все еще не удается восстановить свою практику. Это связано с большими трудностями. Он в долгах из‑за того, что отдает свои средства движению и безвозмездно посвящает свое время алкоголикам. Являясь основным стержнем группы, он не в состоянии ответить отказом на просьбы о помощи, затопившие его кабинет».

Весной 1939 года доктору Бобу должно было исполниться 60 лет — возраст, когда остальные люди готовы уйти на покой и наслаждаться плодами своей работы. Очевидно, что его ситуация начинала в значительной степени беспокоить его.

В письме к Фрэнку Амосу в мае 1939 года доктор Боб писал, что он понимает, что «некоторые парни находятся в довольно плачевном материальном положении, что в равной степени касается и меня».

Прошло лето, и в письме, адресованном Биллу, он написал: «Я не могу дрейфовать дальше, питаясь только надеждами, потому что, в конце концов, на мне три человека, которые от меня зависят. Я бы очень хотел помочь перевести все это в рамки национального движения, если это возможно.

Удалось занять у Матери 1200 долларов, и это помогло снять некоторое напряжение, но сделать это еще раз не удастся. Я думаю, что именно неопределенность беспокоит и мучит меня больше всего остального.

Делаю кое–какие попытки собрать деньги, но результаты будут нескоро… от двух до семи человек в госпитале в любое время. Я очень сильно устаю из‑за того, что этой постоянной работы слишком много».

Билл, который также находился в ужасном финансовом положении, ответил письмом, в котором он сообщал доктору Бобу, что они сейчас работают с организацией–спонсором, и делают все возможное, чтобы добиться результата, но что, пока этот вопрос решается, он обратился в Фонд Гаггенхейма в надежде получить средства для Боба. Билл приложил письмо, которое он написал от имени Боба:

В период тяжелых времен и пятицентовых журналов статья Джека Алекзандера разнесла весть об АА по всей стране

«В Акроне, штат Огайо, находится врач, доктор Роберт Х. Смит, которому за последние четыре года удалось добиться исцеления по крайней мере 100 хронических алкоголиков, которых до настоящего времени медицина считала безнадежными.

В течение четырех с лишним лет, не взимая платы с больных, без фанфар, и практически без финансирования, доктор Смит вел работу среди алкоголиков в районе Акрона и Кливленда. В этой человеческой лаборатории он доказал, что любой алкоголик, не имеющий серьезных умственных нарушений, может излечиться, если он этого хочет. Возможность выздоровления в подобных случаях внезапно

возросла, практически от нуля до, как минимум, 50 процентов, что уже само по себе, даже не принимая во внимание социальных аспектов этой проблемы, является медицинским результатом первой величины. И хотя все мы участвуем в этой работе, что является обязательным средством нашего выздоровления, доктор Смит обладает наибольшим опытом и достиг лучших результатов, чем кто‑либо другой.

Из‑за огромного количества добровольной работы с алкоголиками доктору не удается восстановить свою хирургическую практику. Если он будет продолжать работу с алкоголиками в том же объеме, что и сейчас, он может потерять оставшуюся часть своей практики, и, возможно, лишиться своего дома. Совершенно очевидно, что он должен продолжать свое дело. Но как?»

Отвечая на свой вопрос, Билл предложил джентльменам из Фонда Гаггенхейма выделить Бобу 3000 долларов на продолжение его работы в течение года, часть из которых ему будет необходима для оплаты расходов.

Позже Билл получил письмо из фонда, в котором указывалось, что не было найдено никаких оснований для того, чтобы квалифицировать доктора Боба для получения гранта от Гаггенхеймского Фонда, который мог быть выдан исключительно «при наличии доказательств и продемонстрированной способности к выполнению оригинальных исследований или творческой работы в области искусств».

После этого Билл написал своему другу в АА, работавшему в Автомобильной Компании Форда, выражая надежду, что, возможно, доктор Боб мог бы получить должность в штате Госпиталя Форда. «Я думаю, что со временем доктор Смит станет широко известным как Луис Пастер алкоголизма». Билл говорил: «Кажется странным, что мы не можем получить на руки средства для того, чтобы ему помочь».

В период с мая по декабрь 1939 года проблемы с госпиталем и работой с пациентами, связанные с постоянно расширяющейся деятельностью АА, по–видимому, также отнимали слишком много сил и времени у доктора Боба и действовали угнетающе. Как он писал Биллу, в госпитале в то время постоянно находилось от двух до семи человек, в отличие от одного–двоих за несколько месяцев до этого.

Некоторое увеличение числа участников могло быть связано с публичностью. В ту осень появилась статья в журнале *Liberty* . Эрни Г. второй вспоминает, что он был у Дока, когда она вышла. «Док сказал: “Поехали в аптеку и купим *Liberty* ”. Мы поехали туда, вернулись домой и прочитали ее. Вряд ли вы когда‑нибудь в своей жизни видели более вдохновленного и ликующего человека».

«Мы все ликовали, — говорит Рут, жена Эрни. — Анна в особенности. Она сказала: “Вы знаете, похоже нас начинают немного уважать”. Была какая‑то особенная аура в тот день, ощущение полного единства из‑за того, что это великое дело вышло в мир».

«После этого пришло очень много запросов, — говорит Эрни. — Я где‑то прочитал, что 300 или 400 писем пришло чуть ли не за одну ночь».

Количество запросов росло еще и по причине появления очень благоприятных отзывов на книгу «Анонимные Алкоголики» в газетах и религиозных изданиях по всей стране. К осени 1939 года продажа книги возросла до 60 экземпляров в неделю.

В это же время доктор Боб написал, и *возможно* даже подписал, статью об АА и Большой Книге, которая появилась в августовском выпуске журнала «*Вера* » за 1939 год. Он предупредил Рут Хок (в Нью–Йоркском офисе) об этой публикации, и позднее сообщил, что после ее выхода он получил запросы от 12 других врачей.

«Я бросилась на улицу и купила номер “Веры” за этот месяц, и это было очень волнительно, — говорит Рут. — Если

мое мнение хоть что‑то значит — браво! Это было именно так, как мне хотелось, чтобы об этом говорилось — честно, прямо и без прикрас».

Далее она продолжает: «С путем постоянной бомбардировки, состоящей из обзора в Нью–Йорк Таймс, Вашей статьи в “*Вере* ”, медицинских статей, и так далее, и так далее, мы добьемся постоянного, устойчивого успеха, я уверена».

Возможность того, что доктор Боб подписал эту статью, означает, что он мог быть одним из первых, кто нарушил свою анонимность на публичном уровне — еще до того, как появились Традиции АА. Когда Рут спросили об этом в 1978 году, она не очень хорошо помнила эту статью, но полагала, что доктор Боб ее подписал.

В это время Нью–Йоркский офис пересылал все запросы от других врачей со всех концов страны доктору Бобу, так же как и запросы от проблемных пьяниц, живших недалеко от Акрона.

Наблюдался также нарастающий эффект от того, что все больше и больше АА–евцев стремилось нести весть о выздоровлении тем, кто еще страдал. То же самое, хотя и в меньших масштабах, происходило в других городах Среднего Запада — Толедо, Детройте и Чикаго, а также на Востоке. Однако, поначалу в этих городах не было специализированных госпиталей. Поэтому люди, которые обрели трезвость в Акроне и затем возвратились домой, чтобы нести послание, в свою очередь также отсылали всех новых кандидатов на «починку» к доктору Бобу.

Хотя ни один из этих эффектов не назовешь взрывом, все они приводили к постоянному росту сообщества. Кроме того, что это тяжким грузом ложилось на плечи Дока, это также увеличивало нагрузку на Акронский городской госпиталь, который, по сообщению Дюка П., продолжали использовать для работы с алкоголиками вплоть до Пасхальной недели 1941 года.

Возможно, один или два алкоголика, проходившие лечение в госпитале, для администрации и сотрудников проблемы не представляли. Но полдюжины одновременно было уже перебором. В госпитале сменилось руководство, и врачи жаловались, что не хватает коек для пациентов, которые «действительно больны». И еще стоял вопрос денег. Как говорил об этом Боб Е. в более поздние годы: «Мы были должны Городскому госпиталю так много денег, что мы никогда не смогли бы расплатиться». Сочетание этих факторов, проблемы с местами и проблемы с оплатой, вероятно, сыграло основную роль в свертывании длившегося четыре года сотрудничества между доктором Бобом и администрацией Городского госпиталя. Партнерство заключалось в том, что администрация знала и разрешала доктору Бобу госпитализировать алкоголиков, тогда как большинство других госпиталей принимало их только с каким‑либо иным диагнозом.

Поскольку доктор Боб уже использовал и другие госпитали и санитарные учреждения, такие как Зеленый Крест, Фэар Оак Вилла и Общественный Госпиталь (в настоящее время Центральный Медицинский Центр Акрона) для медицинского обслуживания алкоголиков, ситуация ни в коей мере не оказалась катастрофической.

Джон и Элджи Р. рассказывают, что Уолли и Аннабелла Г. стали довольно регулярно брать алкоголиков к себе домой. Разумеется, это было продолжением того, что, начиная с Анны и Луис, делали по зову души все участники движения с самого начала.

Как вспоминала Аннабелла в разговоре с Биллом Уилсоном: «У меня был дядя, который пил, и затем был госпитализирован. Он был в очень плохом состоянии, поэтому я забрала его домой. Прежде всего я попыталась восстановить его здоровье. А потом у нас ежедневно было время тишины, я разговаривала с ним и читала ему. Он пробыл у нас девять недель и вернулся домой совершенно

другим человеком».

Это было в 1938 году, и «дом» дяди находился примерно в 100 милях, в Сэндаски, штат Огайо, где после этого дядя Аннабеллы «помог 25 или 30 людям».

«Вскоре после этого Док привез из Чикаго двоих, Джека Г. и Дика П., — продолжает Аннабелла. — Затем они стали прибывать один за другим. Они приезжали и уезжали. Им нужно было время, чтобы восстановить силы и освоиться с группой.

У нас побывало около 62 человек в течение двух лет. Тай М. тоже был здесь, — рассказывает она. (Жена Тая, Кэй, была той самой женщиной, которая привезла Большую Книгу в Лос–Анджелес в конце осени 1939 года.) — Я думаю, что трезвыми стали три четверти. За некоторыми ухаживали также Том и Кларенс.

Мне так сильно хотелось помочь этим людям, — говорит Аннабелла. — Я буквально видела и чувствовала, что происходит у них в душе, и понимала, что они преодолевают. Я их понимала настолько, что могла сказать об этом по выражению их лиц, по тому, как они говорили, по их отношению, по тому, как они реагировали. Это был удивительный опыт, и он помогал мне даже больше, чем им. Им требовалось хорошее питание, и спустя какое‑то время мы стали брать с них по 12 долларов за неделю. Но несмотря на это, мы постоянно оказывались “в яме” — особенно из‑за телефонных счетов. Когда меня не было дома, они звонили по междугороднему».

Билл Уилсон вспоминал время, когда четверо еще трясущихся пьяниц, не имевших представления, о чем именно идет речь, жили у Уолли и Аннабеллы. «Они начинали утро с того, что читали что‑нибудь из “*Горницы* ” и молились, — вспоминает он. — Аннабелла, конечно, окружила их материнской заботой и баловала их, и они пробыли там, в общей сложности, неделю. Если они могли, они платили. Если они не могли, Аннабелла все равно их

брала».

Билл казалось странным, что Уолли и Аннабелла Г. помогли вернуть трезвость очень многим людям, тогда как у Луис и Анны успехи были не столь многочисленными. «Несколько человек все же обрели трезвость позднее, через несколько лет, но не тогда, когда они жили у нас дома, — говорит Билл. — А у нас их жило человек 20.

В доме Г. они трезвели, и я не знаю почему. Возможно, они выбирали удачные случаи. И конечно, не было никакого различия в лечении и обращении. Мне кажется, были периоды, когда мы думали, что это связано с их утренним часом медитации, — говорит Билл. — Мне всегда казалось, что мы что‑то потеряли в АА, когда перестали подчеркивать важность утренней медитации». (Сами Билл и Луис, однако, продолжали эту практику совместной утренней медитации вплоть до смерти Билла в 1971 году.)

Очевидно, все же была какая‑то небольшая разница в подходах у нью–йоркских и акронских АА–евцев того периода. Но было также и сотрудничество; все были членами одного Сообщества.

«Люди читали книгу и писали после этого в Нью–Йорк, — говорит Элджи Р. — Затем они получали предложение приехать в Акрон. Они находились неделю в доме Уолли, а потом могли переехать куда‑нибудь в другое место, снять комнату и находиться там еще какое‑то время, пока не узнают все, что им хотелось бы знать.

Там не было медсестры, только Док. Кто‑то приезжал и разговаривал с ними, кто‑то отвозил их на встречи с другими членами сообщества. Это была система “от человека к человеку”, и она работала.

Это было время, когда все начало работать очень быстро, — рассказывает Элджи. — Люди уезжали, и вместо них приезжали другие. Затем движение начало расти повсюду, потому что мы говорили: “Поезжайте туда, откуда вы приехали, и делайте что‑нибудь”. Они уезжали, и

вы могли ничего не знать о них. А через пять лет, например, они могли вернуться. И оказывалось, что за это время они не выпили ни разу, и все у них хорошо. Вы никогда не могли сказать что‑либо заранее».

Таким образом, АА начало постепенно распространяться из Акрона в другие города северной части Огайо и в другие места Среднего Запада; люди начинали собираться в небольшие группы, по двое или по трое. Одновременно то же самое происходило и вокруг Нью–Йорка, где движение распространялось по городам Восточного побережья, таким как Вашингтон, Бостон, Балтимор и Филадельфия. Зачастую оба центра одновременно помогали организовать работу в одном городе.

Одним из самых первых участников, которые вернулись домой из Акрона, был Ирл Т. из Чикаго. Вспоминая день, проведенный с доктором Бобом у него в кабинете, Ирл рассказывает: «Он очень сильно помог мне с пересмотром моих моральных ценностей, перечислив множество плохих черт и дефектов характера. Когда он закончил, он спросил меня, хочу ли я избавиться от этих дефектов.

Не слишком долго размышляя, я сказал: “Да, я хотел бы”. И тогда он попросил меня стать на колени около его письменного стола вместе с ним, и мы оба молились о том, чтобы Бог исправил все эти изъяны».

Ирл вернулся в Чикаго в 1937 году. «Прошел год, прежде чем мне удалось найти кого‑нибудь, с кем можно было работать, и еще два года без книги, прежде чем нас стало шесть человек, — рассказывает он. — Я ездил на собрания в Акрон каждые два месяца, чтобы оставаться трезвым и работать с другими.

Я рассказывал доктору Бобу, что я разговаривал с парой людей, которые, мне казалось, должны обрести трезвость, но ничего не произошло — и что они мне ответили: “Что ж, все это замечательно. Если мне это когда‑нибудь понадобится, я Вам сообщу”. Доктор Боб сказал мне, что

когда настанет правильное время, и я буду прав, это произойдет по воле провидения; и так оно и вышло».

Ирлу удалось помочь одному человеку обрести трезвость. Затем, в 1938 году, еще один выздоравливающий алкоголик вернулся в Чикаго. А еще через год два врача стали направлять пациентов–алкоголиков в небольшую группу АА.

Были среди них и две женщины. Первой была Сильвия К., обворожительная красотка, получившая при разводе 700 долларов алиментов ежемесячно. Позже Дороти С. М. объяснила, как в 1939 году АА–евцы обнаружили Сильвию.

«Все мое семейство буквально фанатело от АА, — говорит Дороти. — Стоило Кларенсу протрезветь, как моя сестрица Каролина, которая была замужем за Хэнком П. (нью–йоркским АА–евцем, активно работавшим в тамошнем офисе) и работала медсестрой, покатила в Чикаго к знакомому врачу с экземпляром Большой Книги. На него книга произвела сильное впечатление, и он сказал: “У меня есть как раз такой человек — женщина, моя пациентка”».

Каролина позвонила Дороти и сказала, что везет в Акрон женщину для АА. Как рассказывает об этом Дороти, доктор Боб всплеснул руками и сказал: «У нас никогда не было женщин, и мы не будем работать с женщиной». Но к тому времени Каролина была уже в пути с Сильвией К.

Сильвия приехала, и две недели находилась у Дороти с Кларенсом. «Доктор Боб поговорил с ней и постарался умерить пыл мужчин из АА, слишком уж рвавшихся к работе с Сильвией, стоило им ее увидеть», — рассказывает Дороти.

Тем временем Сильвия начала принимать маленькие беленькие пилюльки, которые она выдавала за сахарин. Никто не мог понять, почему она ходит на ватных ногах, но приходилось самолетом доставлять медсестру, чтобы ухаживать за ней. После разговора с Бобом Сильвия решила пожить в Акроне. Это вызвало всеобщий шок, поскольку ее присутствие грозило разрушить группу до основания. Но кто‑то сказал ей, что она может принести огромную

пользу, если она вернется назад и поможет организовать работу в Чикаго.

Это убедило Сильвию, и АА–евцы усадили ее вместе с ее медсестрой на поезд. Там Сильвия направилась в вагон–ресторан и напилась. Однако, протрезвела, когда они добрались до Чикаго, и связалась с Ирлом.

В сентябре 1939 года Ирл написал в Нью–Йорк, что в Чикаго организована группа АА и будут проводиться регулярные собрания. «Нас здесь восемь человек — вместе с тремя новичками, которые скоро поедут в Акрон, — сообщал он. — Сильвия вернулась в Эванстон и горит желанием помочь нам в работе здесь. Дошла ли до нее идея АА, остается под вопросом, но мы будем продолжать с ней работать».

Через несколько недель после этого Ирл написал Биллу, что четверо врачей в некоем госпитале очень сильно заинтересовались работой с ними. «В настоящее время нас уже десять человек — три женщины и семеро мужчин — и еще пятеро неалкоголиков в группе, — пишет он. — Все напряженно работают с восемью новичками, которые пришли к нам к за последнее время. Некоторые из них появились благодаря вам, после статьи в “*Liberty* ”».

Интересно отметить, что если в Чикаго на дюжину участников приходилось три женщины, то в Акроне или Кливленде не было ни одной. Сильвия и еще одна женщина, пришедшая вместе со своим мужем, с той поры оставались трезвыми.

С помощью своего секретаря–неалкоголика, Грэйс Калтис, Сильвия организовала у себя дома телефон доверия. К моменту выхода статьи в *Saturday Evening Post* , в 1941 году, они арендовали однокомнатный офис в Лупе[23], и Грэйс направляла поток новичков в АА. Так появился один из первых в АА местных центров обслуживания. Многие группы

[23] the Loop — бизнес квартал в центре Чикаго (*пер* .).

в радиусе нескольких сотен миль обязаны своим рождением работе Чикагского Центрального Офиса — включая группы в Грин Бэе, штат Мэдисон, в Милуоки, штат Висконсин и в Миннеаполисе, штат Миннесота.

Когда Арчи Т. приехал в Акрон в 1938 году и остановился у Смитов, он был уверен, что он никогда не вернется назад в Детройт, где его репутация и финансовое положение равнялись нулю. Спустя шесть месяцев он понял, что он должен вернуться назад в город, где он наломал много дров, чтобы «встретиться с ними лицом к лицу, а затем нести послание АА тем, кто захочет его услышать».

Он считает, что это изменение в его сердце произошло благодаря Анне Смит, и ссылался на него, как на очередной пример ее мудрого понимания и терпения, поскольку сначала она ждала, пока Арчи «найдет все ответы сам, — вспоминает он, — а после, пока я смогу последовать тому пути, который содержался в этих ответах».

На сей раз дорога вела назад в Детройт. Арчи был все еще болен, слаб и напуган, когда он вернулся. Он возмещал ущерб везде, где смог, и зарабатывал себе на жизнь, доставляя вещи из химчистки на полуразвалившемся автомобиле к задним дверям фешенебельных домов бывших друзей в Гросси Пойнте. С помощью неалкоголика Сары Клэйн он основал подвальную группу АА.

В октябре 1939 года Арчи удалось дать шестиминутное интервью на радио о своем выздоровлении в АА. Радиостанция вела вещание на несколько городов Среднего Запада, и, конечно, была первой в своем округе. Год спустя Дороти написала: «Изменения, произошедшие с Арчи, его уверенность в себе и убежденность просто чудесны».

Среди прочих существовала также и программа работы на улице. В самом начале 1939 года Джек Д., один из Нью–Йоркских голубчиков Билла Уилсона, который обрел трезвость и вернулся домой в Кливленд, поехал в Янгстоун повидаться со своим старым приятелем. Это был Норман Уай,

который уже почти полностью ослеп от бутлеггерского алкоголя, потерял жену, семью и работу.

«Я жил в подвале многоквартирного дома и спал на матрасе, валявшемся на голом полу, — рассказывал Норман в 1977 году. — Я понимал, что я алкоголик, но у Джека ушло два часа на то, чтобы убедить меня признать, что я был бессилен перед алкоголем. А потом он сказал: “Давай помолимся об этом”.

Надо же, у него зарплата 150000 долларов в год, и вот он здесь, сидит на моем матрасе и обнимает меня за плечи, — говорит Норман. — “Господи Милосердный, вот мы здесь, два алкоголика, и мы хотим изменить свои жизни, чтобы алкоголь больше никогда не разрушал их. С Твоей помощью, мы знаем, что мы сможем это сделать”.

Вот таким было мое вступление в АА. Нигде поблизости еще не проводились собрания. Но я оставался трезвым, и все, что я говорил, было: “Спасибо Тебе”, все время, час за часом. Когда я был трезвым уже восемь недель, они помогли четверым людям в Янгстоуне собраться вместе. Эти четверо протрезвели в кливлендском госпитале и госпитале Питтсбурга — двое мужчин и две женщины. Они что‑то говорили об Оксфордской группе, и немного о докторе Бобе и Билле. И читали молитву “Отче Наш”.

Они все работали, — рассказывает Норман. — Позже один из этих мужчин подошел ко мне и сказал: “Я хочу тебе кое‑что сказать, слепая старая задница. У тебя не больше желания оставаться трезвым, чем у человека с луны. Единственная причина, по которой ты сюда ходишь — это желание познакомиться с этими людьми, чтобы попрошайничать. Самое лучшее для тебя, это убраться отсюда к черту”.

Это было мое первое собрание АА. Я вернулся назад на свой матрас, лег и сказал: “Я напьюсь, пойду и убью этого мерзавца. Я убью его жену, потом я убью его самого. Нет. Не так. Я убью всех этих чертовых АА–евцев”.

Затем что‑то сказало мне: “Иди туда, и ходи туда регулярно. И не принимай никакой материальной помощи ни от кого из них”».

И он никогда не принимал — ни за работу, ни за поездки для выступлений на собраниях, ни за что‑либо другое. Кстати, когда в 1940 году Норман в конце концов получил работу, связанную с помощью другим слепым людям, он начал отдавать десять процентов из своей зарплаты на оплату поездок для выступлений, на проведение собраний и другие расходы АА.

«Я приехал на собрание в Королевской школе в 1940 году — и там я впервые встретился с доктором Бобом, — рассказывает Норман.

— Как вы сюда добрались, — спросил меня доктор Боб.

— Я приехал на автобусе.

— Мы отвезем вас обратно, — сказал он.

— Нет, не надо. Я доберусь обратно так же, как приехал сюда.

— Вы чертовски независимый, — сказал он мне.

Он был действительно очень дружелюбным, но очень энергичным, — рассказывает Норман, который спустя пять лет вновь обрел свою жену и семью. — Я не мог его видеть, и это делало меня немного стеснительным и замкнутым. Поначалу мы просто не сошлись по своим личным качествам.

Билл Уилсон был мягким и тихим, — говорит Норман. — Я всегда чувствовал спокойствие и душевный покой в комнате, где был Билл. Но внутри Билл был двигателем работы. А доктор Боб всегда говорил: “Не разбазаривай себя. Отдай себя другим”.

Боб был прекрасным человеком. Он возвращал вас к реальной жизни, спускал с небес на землю, скажу я вам. Позже я рассказывал ему истории о своей работе, и он смеялся до упаду. Его жена хотела усыновить меня, как своего ребенка. Доктор Боб садился рядышком и слушал, но разговор вела она».

XIV. АА и госпиталь Св. Томаса

Ни доктор Боб, ни сестра Игнатия не помнят точно, когда они впервые заговорили о лечении алкоголиков в госпитале Св. Томаса. Они обсуждали эту возможность довольно долго, и доктор Боб относился к ней все серьезнее, по мере того, как ситуация в Городском госпитале ухудшалась.

«Мы часто обсуждали проблемы алкоголизма и трагедии, происходящие из‑за неумеренного питья», — рассказывает сестра Игнатия, говоря, что она никогда не могла понять, почему она должна отказывать одному алкоголику, находящемуся на грани белой горячки, и принимать другого, с пробитой головой. Оба были больны, и оба нуждались в помощи.

Она вспоминала, что все, что они могли сделать для человека, находящегося в состоянии сильного опьянения, это вызвать полицию, потому что в противном случае он мог попасть в аварию. Кстати, она могла назвать пять человек, которые попадали в «невероятные аварии», а позже пришли в АА. Среди них были двое из самых ранних участников, Билл В. Х. и Дик С.

Столкнувшись с подозрительностью алкоголиков, сестра Игнатия научилась тому, как следует помогать алкоголикам и стала любимым другом АА.

«Я полагаю, доктор, должно быть, размышлял об этом в течение какого‑то времени, — рассказывает сестра Игнатия. — Однажды была авария, когда пьяный водитель стал причиной столкновения трех или четырех машин.

Некоторых пострадавших доставили в Городской госпиталь, а некоторых к нам, и мне кажется, именно тогда я сказала доктору: “Не грустно ли, что никто ничего не может сделать для этих людей до того, как они попадут в подобную аварию?”

Он ответил: “Что ж, мы пытаемся как‑то помочь этим парням. Мы работаем над одной идеей. Мы пока продвинулись не очень далеко, но мы пытаемся”. Я не помню точно, что он еще сказал, но это было сочетание медицинского и духовного.

Затем, в один прекрасный день, к моему полному изумлению, доктор Боб рассказал мне о своей собственной проблеме с пьянством, — рассказывает сестра Игнатия. — Я с трудом могла в это поверить, поскольку я никогда не видела доктора в состоянии опьянения. Он рассказал мне о своих контактах с Оксфордской группой, и о том, как после посещения собраний он оказывался с Библией в одной руке и стаканом в другой. Он считал, что его встреча с Биллом произошла по воле провидения, и кратко описал все то, чего удалось достичь с 1935 по 1938 годы».

Сестра Игнатия, тем не менее, отчетливо помнит день, когда доктор Боб пришел в госпиталь Св. Томаса после того, как в другом госпитале ему недвусмысленно указали «искать где‑нибудь в другом месте прибежище для своих трясущихся пациентов. Я никогда раньше не видела доктора в таком подавленном настроении, как в тот памятный день. Я подумала, что он болен, но вскоре я узнала, почему он был так обескуражен.

Доктор Боб объяснил, в чем проблема, но я опасалась принять алкоголика, — рассказывает сестра Игнатия. — Как раз незадолго до этого я приняла в госпиталь алкоголика, поместила его в отделение общей медицинской помощи, получив от него обещание не шуметь и не создавать каких‑либо проблем. На следующее утро руководитель ночной смены сказал мне прямо и откровенно,

что в следующий раз, если я приму кого‑нибудь в состоянии белой горячки, мне следует быть готовой к тому, чтобы самой не спать всю ночь и бегать за ним по коридорам.

Естественно, я была довольно сильно напугана тем случаем, и когда доктор Смит попросил меня поместить в госпиталь этого пациента, у меня все немного тряслось внутри. Но он уверил меня, что он сам проследит, чтобы пациент не создавал никаких проблем, и тогда я согласилась попробовать.

Я была довольно‑таки горда собой на следующее утро, потому что не услышала никаких серьезных замечаний от руководителя ночной смены. Затем доктор спустился вниз и сказал: “Сестра, Вы ничего не имеете против того, чтобы поместить моего пациента в частную палату? К нему должны прийти навестить несколько человек, и они хотели бы поговорить с ним наедине”.

Я сказала: “Доктор, у нас нет даже свободных кроватей, а частных палат еще меньше, но я попробую сделать что‑нибудь, что смогу”. Я прошлась по палатам, чтобы узнать, кто выписывается домой. Наконец я случайно подумала о “комнате для цветов”. Я даже не была уверена, что дверь достаточно большая, чтобы внести кровать, но кровать влезла, слава Богу. В общем, мы затолкали туда кровать, и пациент был очень доволен — потому что после того, как пришли эти люди и поговорили с ним, он забыл обо всем на свете.

Мы были довольно сильно поражены, когда увидели людей, которые к нему пришли, — говорила сестра Игнатия. — У меня была мысль, что все они будут довольно…, в общем, я не знала, чего ожидать. Но они оказались очень респектабельными людьми. Я не могла поверить, что они были алкоголиками. Я спросила их об этом позже, и они все сказали, да, они были алкоголиками. Их было, должно быть, четверо или пятеро. Они как бы делили время своих посещений, чтобы не приходить всем одновременно.

Доктор довольно подробно объяснял мне все, что касалось сроков пребывания в госпитале и методов лечения».

Это был август 1939 года. Доктор Боб не только не мог вспомнить, какая была политика в госпитале Св. Томаса в то время, но даже не помнил, спрашивал ли он их об этом вообще. Тем не менее, за период с того дня и до его смерти 4800 пациентов были приняты в Св. Томас, и прошли у него лечение.

Доктор Боб и сестра Игнатия начали работать все более и более тесно осенью 1939 года, принимая на лечение алкоголиков в госпиталь Св. Томаса. Была, тем не менее, одна вещь, которая ее беспокоила. Анонимные Алкоголики, казалось, были довольно тесно связаны с Оксфордской группой.

«В то время я опасалась, что мы можем оказаться вовлеченными в какую‑то религиозную секту», — вспоминала сестра Игнатия. Поэтому она попросила недавно рукоположенного священника, Отца Винсента Хааса, побывать на собрании и выяснить, что там происходит.

Они познакомились всего за несколько дней до этого, когда сестра попросила его поговорить с алкоголиком, у которого была беременная жена. Он попытался, но через час тот человек спросил: «Вы когда‑нибудь напивались неделю подряд?»

«Нет. И кстати, я не пью», — ответил молодой священник.

«Тогда вы просто не можете знать того, о чем вы говорите», — ответил мужчина. «Приходите после того, как вы будете пить всю неделю».

Вскоре после этого сестра Игнатия спросила Отца Хааса, знает ли он что‑нибудь об алкоголизме. «К сожалению, нет», — ответил он. Затем она попросила его проверить, что такое АА. «Она, будучи Сестрой, не могла туда пойти», — вспоминал он.

К счастью, к тому времени группа уже переехала в

Королевскую школу, и Отец Хаас был приятно удивлен, посетив собрание. Он сказал сестре Игнатии, что если АА будет продолжать тот курс, которому оно следует сейчас, оно станет одним из величайших движений своего времени в вопросе победы над алкоголизмом.

После этого отчета сестра Игнатия и доктор Боб начали разрабатывать «специальную программу обслуживания пациентов–алкоголиков». Они получили одобрение со стороны главы католической церковной общины в Акроне, а также от администратора госпиталя Св. Томаса Преподобной Матери Клементины.

«Было время, когда алкоголики являлись для нас тяжелым испытанием, — позднее говорила Преподобная Мать. — Мы беспокоились, как бы они не выпрыгнули из окна и не попали еще в какую‑нибудь серьезную беду. Сегодня, благодаря этому лечению, вещи изменились. Совершенно очевидно, что доктор Смит знает, как позаботиться об этих пациентах».

Тем временем сестра Игнатия нашла другое поручение для Отца Хааса. «Капеллан госпиталя не хотел выслушивать исповеди пациентов–алкоголиков, потому что не считал их раскаяние искренним, — вспоминал он. — Сестра Игнатия украдкой проводила меня в тихое, уединенное место, где я мог выслушивать их. У нее была огромная любовь к Богу и к людям. Она была матерью, сестрой и другом для очень многих».

Затем сестра Игнатия была назначена вести постоянный госпитальный план по обслуживанию алкоголиков в сотрудничестве с доктором Бобом. Так же как и сама акронская группа АА, программа госпиталя Св. Томаса стала примером для многих других госпиталей в городах по всей стране, а возможно, и во всем мире.

«Сначала мы нащупывали путь и продвигались вперед очень медленно и осторожно, — рассказывала сестра Игнатия, — стараясь устроить пациентов отдельно, чтобы

навещавшие их АА–евцы могли с ними разговаривать. Вскоре мы поняли, что они чувствуют себя гораздо лучше с другими пациентами, в палатах на две или четыре кровати. Групповая терапия помогала им забыть о себе, помогая другим. Они вскоре понимали, что отдавать — это гораздо более благодарное дело, чем брать; и что помогать другим — это привилегия. Пациент был настолько занят, помогая другим, что у него не оставалось времени думать о выпивке».

По мере того, как с годами увеличивалось число алкоголиков, принимаемых на лечение, помещения для их размещения также увеличивались до восьмиместных отделений. На одном конце была маленькая комната для отдыха и кухня, оборудованные удобными креслами, диваном и кофе–баром. Коридор служил большой комнатой отдыха и холлом, где поручители могли навещать пациентов.

Эти посещения превратились в продолжительные дискуссии АА–евцев с пациентами, с 12 часов дня до десяти вечера. Один из АА–евцев, который активно работал в госпитале Св. Томаса в 1940–ые годы, говорил, что туда приходило, в среднем, не менее 15 посетителей в день. Таким образом, за период в пять дней новый участник встречался с 60, или даже со 100 посетителями, и по крайней мере несколько человек из них попадали в точку и имели успех.

Пациентам разрешалось встречаться только с посетителями из АА, и пациенты не помещались в госпиталь повторно. Такая практика исключила для новичков проблему печального опыта тех, кто пробовал участвовать в программе, но потерпел неудачу. Были также другие преимущества для пациентов–алкоголиков — медицинские обследования, регулярная диета и регулярный сон, а также доктора по вызову в чрезвычайных ситуациях.

«Мы поняли на собственном опыте, что программа терпит неудачу в тех госпиталях, где много повторно госпитализированных пациентов, — говорила сестра Игнатия. — Это создает атмосферу пессимизма и безнадежности».

Однако, впоследствии эта ситуация изменилась. Один ветеран в районе Акрона говорил в 1977 году: «Раньше вы могли попасть в АА–отделение только один раз. Теперь можно один раз в неделю. В те дни, если сестра заметит вас с газетой, это был ваш… в общем, она выходила из себя. И если вы жаловались, что вам нечего читать, она вам говорила, что вы пришли сюда не для того, чтобы читать, вы пришли сюда для того, чтобы поправиться».

Джо П. из Акрона, который был товарищем доктора Боба и Дартмутским питомцем, рассказывал, что обычный образ мыслей местных АА–евцев в начале 1940–х годов был схожим: если у вас что‑то не так, то именно об этом вы и должны говорить; как правило, речь не шла о спорте или политике.

«У нас была группа из девяти человек, которые ходили в госпиталь каждый день, — рассказывал Джо. — Во–первых, мы считали, что находящиеся там уже достигли своего дна, и сами должны приложить все усилия, чтобы выздоравливать. Во–вторых, они должны быть благодарен тем людям, которые нашли время посетить их, и, по крайней мере, уделить им достаточно внимания.

Доктор Боб считал, что если вы относитесь к этому серьезно, вы сделаете все возможное, чтобы воспользоваться всеми предоставленными возможностями, — говорил Джо. — И он выходил из себя, если вы этого не делали. Я думаю, что это было именно его решение принимать пациентов только один раз в отделение АА. Недавно я столкнулся с парнем, которого я помещал в госпиталь восемь раз, и он снова оказался в том же состоянии, что и был».

«Сегодня все по–другому, — согласился Дэн К., другой АА–евец из Акрона. — Когда я был пациентом в госпитале Св. Томаса, я увидел плачущего мужчину.

— Из‑за чего он плачет? — спросил я сестру.

— Он плачет из‑за Франклина, — ответила она.

— Какого Франклина?

— Франклина Рузвельта.

Президент умер, а я об этом не знал! Они все же принесли нам газету *Plain Dealer* в день инаугурации Гарри Трумана, поэтому мы смогли узнать главные новости.

Доктор Боб давал основные разъяснения в госпитале — о том, что такое АА, — говорил Дэн. — Он всегда подчеркивал принципы: “Тише едешь, дальше будешь” и “Первым делом — главное”. Мы называли отделение основной тренировочной базой Анонимных Алкоголиков.

Боб говорил, что существует сложный путь и простой путь. Сложный путь заключался в том, чтобы просто посещать собрания. А за пять дней в госпитале Св. Томаса вы услышите так много разговоров, сколько вы смогли бы услышать за шесть месяцев вне его.

Люди приезжали в Св. Томас отовсюду, — рассказывал Дэн. — Однажды у них была выставка с картой мира. На ней были указаны красные линии, идущие из разных стран к Св. Томасу. “Вы имеете в виду, что они привозили алкоголиков сюда со всего мира? — спросила одна женщина. — Я думаю, что у нас их достаточно здесь, в Акроне. Нам не нужно еще больше”».

Тем не менее они по–прежнему рассказывают историю о парне, которого доставили «для лечения» на частном самолете. «Пожалуйста, помолитесь за меня», — умолял он сестру Игнатию.

Для многих выздоровление началось в отделении для алкоголиков госпиталя Св. Томаса под наблюдением доктора Боба и сестры Игнатии

«Я обязательно помолюсь, — сказала она. — Но вы также молитесь за себя. Больше всего Господу хотелось бы

услышать голос блудного сына».

В последующие годы отделение АА было соединено проходом с галереей часовни, которую пациенты могли посещать в любое время в больничной одежде. «Что может быть более продуктивно для восстановления личности духовно, умственно и морально, чем пять или семь дней, проведенных в месте, где преобладает духовная атмосфера?» — говорила сестра Игнатия.

Она, естественно, уделяла духовному больше внимания, чем многие другие. Однако, она считала, что доктор Боб разделяет ее взгляды в этом вопросе. «Была, тем не менее, одна вещь, которая всегда раздражала доктора, — говорила она. — Некоторые люди, находившиеся в программе довольно долго, подходили к нему и говорили: “Я не понимаю духовную сторону программы”. Я слушала, как он отвечал каждый раз: “У программы нет духовной стороны. Вся программа духовна”.

Мне казалось, что все эти люди убежали от Бога, — рассказывала сестра Игнатия. —Я говорила им: “Мы все божьи дети. Он любит нас, иначе нас здесь не было бы. И сейчас, если мы начнем с того места, где мы находимся сейчас, и начнем преклонять колени, вместо того, чтобы размахивать локтями, и попросим Его о помощи…”»

Хотя сестра Игнатия всегда подчеркивала важность молитвы, она знала, как донести свою точку зрения до разных людей. Например, история Мориса, еврея, чьим спонсором был ирландский полицейский. Морис чувствовал себя немного не в своей тарелке в Св. Томасе. Как вспоминал об этом один АА–евец в Акроне: «Когда все остальные пошли в часовню молиться, сестра Игнатия вошла к нему и сказала: “Морис, а почему бы тебе не встать на колени рядом с кроватью и не помолиться Богу так, как *ты* Его понимаешь?” После этого и Морис, и его жена стали считать ее святой».

Несмотря на то, что сестра Игнатия была хрупкой и в течение довольно продолжительных периодов испытывала

физическую боль, чувство юмора никогда ее не покидало. Как‑то раз один из ее бывших пациентов зашел, чтобы сказать ей: «Сестра, сегодня десятая годовщина моей трезвости».

«Это прекрасно, — ответила она, — но не забудьте, что если вам когда‑нибудь понадобятся наши услуги снова, у нас еще остались пижамы вашего размера».

Сестра Игнатия давала каждому пациенту при выписке медальон Пресвятого сердца, который она просила вернуть ей перед тем, как поднять первую рюмку. Иногда она также дарила пациенту медальон с изображением Святого Христофора, но предупреждала, чтобы он не ездил слишком быстро. «Он теряет силу после 50 миль в час», — предостерегала она.

Сестра Игнатия вспоминала доктора Боба как человека, представлявшего «саму сущность профессионального достоинства. У него было великолепное чувство юмора и исключительный словарный запас. Одной короткой фразой с юмором, или хлестким выражением, он привносил в разговор ощущение законченности, которое не оставляло место для критики или обсуждения. У него не было времени на пустые разговоры, и он всегда старался сделать понятной свою точку зрения настолько коротко, насколько это было возможно.

Доктор Боб всегда лично интересовался всем, что происходило в отделении, — вспоминала сестра Игнатия. — Он безвозмездно посещал пациентов ежедневно, до тех пор пока его здоровье не ухудшилось.

Он осматривал большинство пациентов сам, в первые дни, либо перед поступлением, либо сразу после поступления в госпиталь. После своих утренних обходов он иногда говорил мне: “Сестра, этот проказник там, наверху, не хочет участвовать в программе”. Тогда я рассказывала ему патетическую историю о жене этого человека, о его маленькой семье, и о том, что он рискует лишиться работы, если он не исправится. Доктор качал головой и говорил:

“Сестра, он просто еще не готов”. И доктор всегда оказывался прав.

Я поняла из опыта, что бесполезно кого‑то заставлять принять Программу, и что это окажется пустой тратой времени, — говорила сестра Игнатия. — Многие из таких пациентов были для меня источником огромного беспокойства. Они приходили со своими жалобами, мнимыми или нет. Мне не хотелось беспокоить доктора слишком часто, поэтому я звонила Анне. Советы Анны всегда были для меня очень ценными. Ее спокойный, ровный тон и сочувственное понимание были для меня источником силы. Она всегда находила правильный ответ. Она деликатно рассказывала о проблеме доктору, чтобы затем по телефону передать мне ответ.

Я не понимала, как сильно страдал доктор, но позже он сказал мне, что часто, когда он мыл руки или переодевался перед операцией, он случайно слышал, как другие доктора говорили: “Вы должны быть алкоголиком, чтобы получить койку в этой больнице”. Он говорил, что он продолжал мыть руки, и делал вид, что он этого не слышал. Он страдал от таких слов, но я думаю, что позже его отношение в значительной мере изменилось.

У меня самой было множество трудностей. Я слышала скрытое недовольство докторов, и даже медсестер, что неалкоголику стало трудно получить койку госпитале. Но я вела себя как слепая, глухая и немая».

Сестра Игнатия старалась помочь своим подопечным пересмотреть свои внутренние ценности на Четвертом Шаге, и рассказывала им, как справляться с чувством негодования и гнева. Она также верила в Девятый Шаг, в котором возмещается причиненный другим ущерб. Важность этого шага, как она думала, даже когда вспоминала об этом в 1950–е годы, не подчеркивалась так сильно, как это было в ранний период. «Я помню, как некоторые из тех первых людей возвращались ко мне после того, как они исправили

причиненный вред, — рассказывала она. — Один из них говорил мне: “Вы знаете, у меня такое прекрасное чувство. Мне кажется, что они стали моими самыми лучшими друзьями”».

Сестра Игнатия всегда старалась понять, что она может сделать, чтобы помирить семьи. «Если дело было в муже, я просила жену прийти за день до того, как он выйдет из госпиталя. Она говорит: “Я просто не хочу его видеть. У меня с ним все кончено”.

Тогда я просила ее прийти и поговорить со мной. И что она совершенно не обязана видеться со своим мужем. Я говорила ей: “Послушайте меня, вы проделали длинный путь с этим человеком. Может быть стоит попробовать еще один раз в этой программе? Это не только процесс отрезвления. Мы бы не занимали такие ценные места в госпитале, если бы мы занимались просто вытрезвлением людей. Для нас очень важно и ценно, чтобы многие из тех, кто прошел это лечение и принял программу, никогда больше не имели никаких проблем. И теперь, опираясь на все это, не могли бы вы дать ему еще один шанс? Если вы сможете это сделать, если вы сможете забыть о прошлом и начать все сначала, я могу вас уверить, что вы вернете себе того человека, за которого вы когда‑то вышли замуж”. После того, как я заканчивала беседу, я говорила: “Конечно, вы не хотите его видеть”. Обычно она отвечала: “Что ж, он, вероятно, тоже не хочет меня видеть”. — “Что ж, я пойду узнаю. Подождите здесь минутку. Это уж как вы оба решите. Я не хочу вмешиваться в семейные споры”.

Дальше я припирала его к стенке и говорила: “Вы знаете, кто находится у меня в офисе? Ваша жена. Но, конечно, вы не хотите ее видеть, я полагаю?” Он говорил: “Вы знаете, я стыжусь говорить с ней”. — “Что ж, а вы бы не хотели ее увидеть? Может быть, она согласится, если я с ней поговорю”.

Я сводила их вместе. Обычно, я входила вместе с ним, и

по мере того, как начинал оттаивать лед, и я видела, что они начинают понимать друг друга и разговаривать, я говорила, что мне нужно выйти, ответить на телефонный звонок, или что‑нибудь в этом роде, и оставляла их одних».

Когда умерла Анна, в 1949 году, сестра Игнатия написала доктору Бобу письмо, в котором она вспоминала некоторые из тех событий, через которые им всем пришлось пройти вместе.

На Рождество Боб ответил характерным для него кратким, но довольно выразительным и проникновенным посланием: «Моя дорогая Сестра, — говорилось в нем, — это для меня большое счастье, что я был благословен дружбой, настолько верной и искренней, как ваша. Ваша любовь, преданность и доброта проявились так широко и всесторонне, что я даже не знаю как выразить вам свою благодарность в полной мере. В течение всей жизни можно встретить всего один или два таких характера, как ваш. Позвольте мне выразить свою смиренную благодарность за эту редкую привилегию знать вас. И пусть благословение Божие всегда будет с вами. С огромной любовью, доктор Боб Смит».

Примерно в это время доктор Боб в последний раз посетил отделение для алкоголиков, возможно, в день Рождества 1949 года. В этот день сестра Игнатия играла для него на органе и показала ему прекрасные новые колокола, которые уже сами по себе говорили о том, что критицизм десятилетней давности сменился полным сотрудничеством.

В 1952 году сестра Игнатия была переведена из Св. Томаса руководить алкогольным отделением в Госпитале Милосердия Св. Винсента в Кливленде. По ее предложению оно получило название и было торжественно открыто как Розари Холл Соляриум. Инициалы Р. Х. С., высеченные рукописным шрифтом над дверью «просто случайно», оказались такими же, как у доктора Роберта Холбрука Смита.

В течение своей жизни сестра Игнатия приняла участие в лечении многих тысяч алкоголиков. За это время она не

только приобрела знания в области алкоголизма, но также профессиональный язык, связанный с этим — который не слишком сильно отличался от языка доктора Боба.

Сенсационная статья в Кливлендской газете сообщала о том, что сестра Игнатия говорила новым пациентам в 1950–е годы: «Некоторые из вас, парни, без сомнения начинали с дорогого виски — возможно, вы им даже и закончили. Но я уверена, что здесь много тех из вас, кто пробовал самогон, денатурат, или “крушение поезда”[24]. Некоторые из вас, возможно, целыми днями сидели в каком‑нибудь дурацком баре, наполовину пьяные, без денег или кредита, молясь, чтобы какой‑нибудь “приятель” налил выпить за компанию».

Когда сестра Игнатия умерла в апреле 1966 года, ее вспоминали с благодарностью как очаровательную, светлую, маленькую женщину, страстно желавшую только одного — быть смиренной, преданной и анонимной Сестрой Милосердия.

«Она не осознавала свое величие и славу, — говорил священник. — Чем больше она старалась скрыть свою святость, тем очевиднее она становилась для окружающих».

Вероятно, Билл говорил о том же, когда сестра Игнатия просила не упоминать ее имя во второй статье Джека Александер в Вечернем Субботнем приложении *Saturday Evening Post* . «Чтобы стать анонимной, Сестра, вам придется немного выпить», — сказал Билл.

Любимой цитатой сестры Игнатии был пророческий парадокс, изложенный в послании Апостола к Язычникам: «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая

---

[24] антифриз, процеженный через ржаной хлеб (*пер* .).

плоть не хвалилась пред Богом».[25]

XV. Неожиданный рост в Кливленде

Кливлендские члены АА делали все, что могли, чтобы донести послание, но, как рассказывает Дороти С. М.: «Мы действовали методом проб и ошибок, и значительную его долю составляли ошибки. Мы не давали спуску ни одному пьяному. Я помню, как мы повсюду гонялись за одним человеком. Какое‑то время он мог оставаться трезвым, а потом напивался и исчезал. Но мы искали его по всему Огайо, вызволяли из тюрьмы и притаскивали обратно.

Мне казалось, что никто в Кливленде не должен быть пьян — равно как и где‑либо в мире — раз уж существует АА. Поэтому я объезжала улицы, предлагая разным книжным магазина Большую Книгу. Я отправилась в публичную библиотеку и пыталась получить от них заказы. Никто меня даже не слушал; они смотрели на меня так, будто я была Спасителем Неллом».

В октябре 1939 года Дороти писала Рут Хок в Нью–Йоркский офис: «Док Смит сказал мне вчера вечером, что у Бога, кроме меня, есть еще парочка посланников, и что Он может уложить весь мир спать и выпустить на небо солнце и без меня. Обожаю Дока за такие вот комментарии. И я немного поутихла — по крайней мере, в своем сознании».

По поводу доктора Боба Рут пишет Дороти: «Странно, что хотя мы виделись с ним всего один раз, у меня такое чувство, что он — один из самых лучших друзей, которые у меня когда‑либо были». В более поздние годы Рут (к тому времени уже будучи замужем за одним из АА–евцев из южного Огайо) вспоминала, что доктор Боб казался человеком, проявлявшим огромную симпатию и интерес к вам — и что в глазах у него горел озорной огонек, и он любил подразнить молодежь.

---

[25] 1Кор. 1:27–29 (*пер*.).

«Да, озорной огонек у него был, — соглашается Смитти, сын доктора Боба. — И он с огромной силой притягивал к себе женщин. Он был исключительно любезен и умел им польстить. Они это знали, и им это очень нравилось».

Был еще один врач среди алкоголиков, привлекший к себе пристальное внимание кливлендских АА–евцев. В письме Кларенса к Хэнку П., написанном после создания первой группы, отмечалось, что «парни прибрали к рукам доктора, и наблюдают за ним, как ястребы, пытаясь удержать его, пока опасное время не останется в прошлом». Он писал это о докторе Гэрри Н., который тогда был трезвым всего несколько недель, а впоследствии посвящал огромную часть своего времени новичкам, пока они еще находились в больнице.

Благодаря усилиям Эдны МакД., которая была замужем за одним из АА–евцев, у группы была возможность помещать пациентов в Кливлендский Госпиталь Диаконисс[26]. По рассказу Эла Г. (адвоката, в доме которого проводились первые собрания АА в Кливленде), Эдна была амбулаторной медсестрой, посещавшей больных за городом, и ее работа давала ей возможность общаться с администрацией всех госпиталей страны.

Она полагала, что доктор Киттерер в госпитале Диаконисс, опытный администратор, носивший сан священника, мог как никто другой понять потребность алкоголиков в такой духовной программе, как программа АА. Она рассчитывала на его благожелательность.

Надеясь добиться в Госпитале Диаконисс мест для алкоголиков с правом посещения больных членами сообщества, доктор Боб и доктор Гэрри Н. «ринулись выяснять отношение доктора Киттерера к идее, — рассказывает Эл. — Но тот получил отпор совета попечителей. Их он убедить сумел, но медицинский персонал

---

[26] диакониса, или дьяконица — должность в женском монастыре; женщина–дьякон (*пер*.).

был настроен крайне неодобрительно. Мы поместили туда своего первого пациента (бармена) в конце мая 1939 года.

Мы поместили кандидатов в госпиталь, не обдумав заранее, как будут оплачиваться счета, — вспоминает Эл. — К 1940 году мы были должны где‑то от 1200 до 1400 долларов. В конце концов, мы вернули долг, но средства для этого собирались два или три года».

Доктор Н. не брал денег с пациентов за свои услуги, но через несколько лет другой врач–АА–евец занял его место, и группы решили, что номинальная плата в 10 долларов для него должна быть включена в счет каждого пациента. «Это вызвало обычные споры о профессионализме, которые возникали часто и проходили бурно», — говорит Эл.

«Вслед за госпиталем Диаконисс в 1940 году, Госпиталь Милосердия Св. Винсента, тот самый, в котором впоследствии открылся Розарий–холл, также стал принимать пациентов и размещать их в отдельных палатах. Со временем сестра Викторина организовала там отделение», — рассказывает Эл.

Кроме работы с пациентами в госпиталях, происходили в Кливленде и другие значительные нововведения. В октябре 1939 года Дороти С. сообщила в Нью–Йоркский офис, что комитет семерых — пятеро мужчин и две женщины — начал свою работу в Кливленде. Мало того, что это был первый центральный комитет, его называют также первым примером ротации в АА, поскольку один мужчина и одна женщина покидали комитет ежемесячно, а их места занимали другие, по очереди, в соответствии со сроками трезвости.

Билл Уилсон отдал должное Элу Г., первому председателю, за выработку принципов ротации в АА, и произошло это либо осенью 1939 года, либо чуть позже, когда создавался более формализованный центральный комитет. «До сих пор всей деятельностью руководили самые опытные ветераны, и мы естественным образом полагали, что так будет всегда», — говорит Билл. Но Эл был старше (по

возрасту) большинства других АА–евцев, был загружен семейными делами, отнимавшими много времени, и поэтому был готов передать свои обязанности кому‑нибудь другому.

«Мы встречались раз в месяц, а затем решили открыть офис, — рассказывал позже Кларенс. — До этого у нас были только абонентский ящик и телефон». Он говорил также, что комитет был организован для координации вопросов госпитализации и спонсорства.

«Это действительно работает, — сообщает Дороти в своем письме в Нью–Йоркский офис. — Они назначают лидеров, обсуждают новые тенденции, организуют общественную деятельность и готовят костюмированный бал в Хэллоуин», — сообщает она.

Было ли у них время на танцы, остается под вопросом, поскольку Кларенс планировал кое‑что посерьезнее. Каким‑то образом — мнения расходятся — ему довелось встретиться с репортером кливлендского *Plain Dealer* [27] и убедить его написать серию статей об АА, которые вышли в печать в конце октября 1939 года.

Уоррен К. (АА–евец, который остался без гроша, но очень гордился тем, что его взяли в кливлендскую группу), говорит о Кларенсе: «Я думаю, что он, больше чем кто‑либо иной — по крайней мере здесь — предвидел огромные возможности роста АА. Он горел желанием приняться за дело. Как, впрочем, и я. Он хотел, чтобы АА росло, и хотел, чтобы оно было везде. И мне кажется, Док поддерживал это стремление. Он видел, что программа будет работать “лицом к лицу”, “от человека к человеку”.

Кларенс затащил корреспондента *Plain Dealer* на одно из собраний. Он представился алкоголиком. В действительности он им не был. Он был писателем», — рассказывает Уоррен.

Но Дороти вспоминает: «Кларенс ухватился за этого

---

[27] plain dealer — откровенный, прямой, честный человек (*пер*.).

репортера. Я уверена, что он был алкоголиком. Он приходил на собрания в дом Эла Г.»

В книге «АА взрослеет» Билл ссылается на Элрика Б. Дэвиса как на «вдумчивого репортера первой колонки».

Кларенс считает, что *кто‑то* привел Дэвиса на собрание. «Я убедил его написать серию статей об АА и сказал ему, что он сам загорится идеей, если вложит душу. Его направляли тогда в сумасшедший дом, и он совсем пропадал».

Таким образом, вы платите свои деньги и делаете свой выбор. Иначе говоря, данное несоответствие можно объяснить бытующим в АА мнением, что каждый сам решает, признать ли ему себя алкоголиком. Даже АА–евцы не всегда соглашаются друг с другом по этому вопросу.

Вне зависимости от статуса, статьи, написанные Дэвисом, вызвали небывалую волну роста АА в Кливленде. Серия из пяти статей, по мнению Билла, «возвестила миру о новой эпохе Анонимных Алкоголиков — массовом производстве трезвости».

Словно бы предчувствуя эту переломную волну, Билл написал доктору Бобу в сентябре, вслед за выходом статьи в журнале «*Liberty* »: «Мы растем с пугающей скоростью, хотя у меня больше нет страха больших чисел». Через несколько недель после этого он сообщал, что «давление новичков и запросов было так велико, что мы вынуждены были переключиться на принцип “принимайте все как есть, или уходите”, который, как это ни странно, работает лучше, чем попытки давать все, всегда, везде и всем».

Следует отметить, что статьи в «*Plain Dealer* » дают настолько хорошее описание АА, что, за исключением небольших отличий в словах и оборотах, не очень‑то устарели и 40 лет спустя.

В первой статье Дэвис рассказал, например, о том, как «каждый вечер по четвергам от 40 до 50 человек собираются вместе на собрание. Почти каждую субботу они и их семьи

собираются на совместный вечер, во время которого они общаются и поддерживают друг друга.

Запросы о помощи, — пишет он, — направляются кливлендскому банкиру (вероятно, служащему банка, Биллу Дж.), который является руководителем местного сообщества, или бейсболисту высшей лиги (Ролли Х.), который отвечает за прием новичков в акронское сообщество».

Дэвис также отмечает, что «хотя большинство акронских участников принадлежит к Оксфордской группе, в Кливленде есть несколько представителей католиков и евреев». Он подчеркивает, что АА отличается от церквей тем, что его участники могут выбирать свою собственную концепцию «Бога, как я Его понимаю».

В это же время Дороти С., вооружившись Большой Книгой, вновь отправилась повидаться с Преподобным Дилуортом Лаптоном. «Я считала, что теперь, когда мы отделились от Акрона, и у нас больше не было связи с Оксфордской группой, доктор Лаптон должен заинтересоваться нами. Поэтому я снова поехала к нему и сказала, что мы больше не являемся Оксфордской группой, и вежливо попросила его прийти‑таки к нам на собрание.

Он прочитал Большую Книгу и сказал, что он обязательно придет на одно из собраний. Он действительно пришел, и увиденное произвело на него такое впечатление, что он сказал: “Дороти, обратитесь, пожалуйста, еще раз в"*Plain Dealer* ", и сообщите им, что я буду говорить об АА на проповеди”».

«Это было на пользу нашей известности. Он был одним из действительно крупных протестантских священников в Кливленде, и все, что он говорил, было у всех на слуху» — говорит Дороти.

Как сообщалось в номере «*Plain Dealer* » от 27 ноября 1939 года, доктор Лаптон прочитал проповедь под названием «Мистер Икс и Анонимные Алкоголики». Мистером Икс был

Кларенс, а проповедь позднее превратилась в брошюру, которая использовалась в Кливленде в течение многих лет.

В своей проповеди доктор Лаптон отметил, что в АА есть место для представителей всех вероисповеданий, в соответствии с концепцией Бога как «Силы, более могущественной, чем наша собственная». Подобное отношение «не лишено гениальности», — говорит он.

Кларенс в какой‑то мере предвидел результаты такой публичности, и он написал Рут Хок в Нью–Йоркский офис о том, что собирается пересылать ей все отклики на статьи, чтобы она могла «рассылать им письма вместе с Большой Книгой, как это делалось после статьи в «*Liberty* ».

«Уверен, что вы получите какое‑то количество запросов напрямую, поскольку ваш адрес указан в первой статье, — пишет Кларенс. — Ответьте на эти запросы, а затем направляйте их нам для личного контакта, если люди этого хотят. Присылайте все запросы по нашему району мне, а по Акрону доктору Смиту, и он будет ими заниматься. В самом “*Plain Dealer* ” ожидается множество откликов на эти пять статей. Мы обдумываем и другие способы огласки своей деятельности».

Но результаты превзошли все ожидания. Кливлендскую группу просто засыпали звонками и обращениями.

«Газета передавала мне сотни и сотни имен, — рассказывал Кларенс. — Из Нью–Йорка мне также направляли множество имен в нашем районе. По понедельникам по утрам я раздавал их, как какой‑нибудь менеджер по продажам — и говорил, чтобы они проследили за ними и сообщили мне о результатах в среду. По счастью, в тот период все мы были без работы.

В течение шести или восьми недель я спал не больше трех или четырех часов за ночь, — вспоминает он. — Набегавшись в течение дня за пьяницами, я писал длинные письма всем тем, которые написали мне из Айовы, Индианы, Небраски и подобных мест. Это были десятки и сотни писем. Группа

росла и росла. Люди из Кливленда организовали группы в Индиане, Кентуки, штате Нью–Йорк, Калифорнии, Иллинойсе», — рассказывает он.

По воспоминаниям Дороти: «Когда эти статьи вышли в Кливленде, мы оказались просто в осаде. Наш телефон не переставал звонить примерно в течение месяца, и я ничем другим не занималась, а только сидела возле телефона и принимала звонки и запросы. Рут Хок присылала мне списки людей, которые хотели получить помощь немедленно. В Нью–Йорк даже телеграммы приходили. Одну я даже помню: “Вопрос жизни или смерти. Позвоните мне сейчас же”.

С людьми необходимо было повидаться в тот же день, а у нас было всего 13 человек, которых мы могли направлять по звонкам, связанным с Двенадцатым Шагом. Я бы сказала, порядка 500 звонков поступило в тот первый месяц. Каждый день я обзванивала этих 13 человек и давала им длинные списки людей, с которыми необходимо было встретиться, и они делали по пять, шесть или восемь звонков каждый вечер. Как им удавалось справляться, я не знаю. Но они делели эти звонки.

За две недели наши собрания увеличились примерно с 15 до 100 человек, — рассказывала Дороти. — Люди не могли дозвониться мне по телефону, так как все время была занято, поэтому они просто приходили и с грохотом ломились в дверь».

Статьи в «*Plain Dealer* » очень помогли АА начать работу во многих городах и городках по всему штату Огайо. Один пример: группа в Аштабуле, примерно в 45 милях от Кливленда.

Прочитав газетную статью, один алкоголик в Аштабуле сказал своей жене: «Я еду в Кливленд, чтобы выяснить, что это за АА такое». Как он вспоминает об этом: «Я позвонил по указанному номеру, и они сказали, чтобы я сел на конкретный поезд. Там меня встретило пятеро. Они пригласили меня на ланч, но я не мог ничего есть. Они все ели с завидным

аппетитом и при этом разговаривали со мной.

Поезд вернулся в Аштабулу в 4:00 после обеда. Я прошел от станции мимо всех баров и ни разу не выпил. На следующий день я вернулся обратно в Кливленд и лег в Кливлендский госпиталь, и люди приходили навещать меня днем и ночью. Все они могли позвенеть деньгами в своих карманах. Они были чисто выбриты, носили хорошо выглаженные костюмы, и я глотал все, что они мне говорили.

После этого я ездил в Кливленд на собрания. Все те, кто меня знали, сплетничали об этом, ожидая, когда я не выдержу и сорвусь, но я не сорвался. Первым, кого я привел, был мой племянник. После этого мы ездили в Кливленд вдвоем. Затем мы нашли еще несколько человек и организовали группу в Аштабуле. Это было в 1940 году».

«Тогда у нас не было никакой литературы, кроме Большой книги, — говорит Дороти С. М., вспоминая об этом с Биллом Уилсоном. — Вы присылали нам по 10 или 15 штук одновременно. Мы думали, что это была настоящая оптовая торговля. Некоторые люди могли себе позволить их купить, но большинство не могло. Я помню, как Рут прислала мне десять книг, и мы их распределили, надеясь, что люди их купят. Некоторые купили — но очень немногие».

С ростом АА начались и болезни роста — и в Кливленде, и в Акроне. Очевидно, доктор Боб и Кларенс в это время столкнулись с критикой в свой адрес.

Запись от 3 октября 1940 года в дневнике Луиса Уилсон гласит: «Виделись с Уильямсами из Акрона. Там у них какая‑то неразбериха».

В том же месяце Дороти пишет Рут Хок и Хэнку П.: «Дела тут делаются стремительно и неистово. Я чувствую, что должна все время быть под рукой, чтобы поймать урывками Дока, Анну и Кларенса, когда они забегают ненадолго, разрываемые на части.

Известность, которую получил Док (в письме не конкретизируется — возможно, благодаря статье в журнале

“*Вера* ”), сильно взбудоражила Оксфордцев, и, Боже, какие полились ушаты грязи и полетели громы–молнии! Док и Анна укрылись у нас дома в субботу вечером, и оба они были настолько измотанными и постаревшими, что это меня ужасно огорчило. Вот почему я и прилагаю такие неистовые усилия, чтобы затащить сюда Билла. Я действительно думаю, что Док нуждается в Билле для душевного комфорта. Док выглядит совершенно удрученным и обессиленным. Я так рада, что Билл приезжает.

Акронская группа практически умерла, и наши успешные собрания здесь, в Кливленде, вызывали бурную реакцию там, — продолжает Дороти, — на прошлой неделе было около 80 человек (и поверь мне, Хэнк, мы не пересчитываем скальпы в ликовании), и мы ожидаем еще 100 человек на этой неделе.

Некие мымры приперли Кларенса к стенке прошлым вечером, весьма недвусмысленно обвиняя в “оплаченной известности, доходах от книги, лжи” и прочей ерунде. Это обидно, поскольку все они были людьми, которым он помог. Но зато какую возможность роста это ему дает!»

Кроме этого примера оптимистической философии «не посеешь — не пожнешь» раннего АА, Дороти также отмечает, что запросы о помощи растут, что все больше и больше здравомыслящих людей интересуются АА, и что участники программы день и ночь работают с новичками.

Как сказал об этом Кларенс: «Когда появилась первая статья в “*Plain Dealer* ”, это растревожило осиное гнездо. Она не была литературным шедевром, но имела потрясающий эффект. Кто‑то сказал:

— Этот парень репортер, он собирается поместить наши имена в газету!

— Нет, — сказал я, — он он один из нас — пьяница.

— А пусть даже и пьяница, но он газетчик.

Но они ничего не хотели слышать. Они все равно были против статьи», — рассказывает Кларенс.

Вспоминая эти события много лет спустя, Уоррен К. говорит: «Пришло чертово время расплаты, когда вышли эти истории. Я имею в виду, что они действительно терзали его. Разумеется, это было самое великое дело, когда‑либо сделанное для АА.

В АА хлынула лавина. И эта лавина продолжала расти. Мы были удручены статьями в “*Plain Dealer* ”. Мы думали, что Кларенс сделал это ради денег, и проголосовали за то, чтобы исключить его из группы. Он забрал своих сторонников и организовал новую группу».

10 ноября Кларенс пишет в Нью–Йорк, что, начиная с этой недели, у них будет три АА группы в Кливленде, и «надеюсь, что еще две начнут работать к началу следующего года. Непосредственно сейчас у нас около 60 активных членов АА, и еще примерно 15–20 человек, с которыми мы сейчас так или иначе работаем. За счет разделения на более мелкие группы их число должно возрасти просто стремительно в течение следующих месяца–двух».

Умалчивая о своих проблемах с кливлендским собществом АА, Кларенс при этом упоминает, что Оксфордская группа «выпрыгивает из штанов, тщетно пытаясь добиться популярности.

Могу припомнить всего восемь человек, которые сорвались с тех пор, как наша группа начала работать шесть месяцев назад, — сообщает он. — Мы думаем, то, что новички нагружаются работой сразу же — отличный шанс дать им возможность действовать самостоятельно и придать оптимизма.

Публичность пробудила интерес духовных лиц, врачей, медицинских работников в целом, благотворительных организаций, бизнесменов и женских клубов. По–видимому, сейчас самое подходящее время для Билла приехать сюда, и мы ожидаем его завтра».

Кларенс продолжал работать, они с друзьями организовали Группу Бартона, которая собиралась в доме

Т. И. Бартона, состоятельного неалкоголика, на Кливлендских Высотах. (Это было задолго до того, как Генеральная Конференция Обслуживания АА выступила против практики названия групп именами конкретных людей, состоявших или не состоявших в Сообществе, живых или мертвых.)

Неделей позже Уоррен организовал группу в западной части Кливленда. Позднее она стала группой Очард Гроув[28]. «Я бывал на собраниях обеих групп, — рассказывает Уоррен. — В восточной части у нас было примерно 40 человек — выросших из небольшой горстки. А здесь, в западной части, у нас было 22 человека, в результате тех звонков, которые сделали сами».

16 ноября Луис написала в своем дневнике: «Ездили в Кливленд на собрание. Потрясающее собрание. Выступали Кларенс, Джек (вероятно, Джек Д. из Нью–Йорка, один из парней Билла) и Билл. Потом мы с Биллом помчались на второе собрание. Познакомились с мистером Лаптоном, Унитарным пастором, который собирается произносить проповедь 26 ноября, а также Элриком Дэвисом, который написал статьи в “*Plain Dealer* ”».

Что касается позиции Билла по поводу раскола в Кливленде, Билл демонстративно не отдал предпочтения никому. Он посетил все собрания.

В декабре Кларенс пишет Рут: «Работа тут кипит, и останавливаться не собирается. У нас сейчас 90 человек в команде, в трех группах, и еще полно новичков, с которыми мы сейчас работаем. Похоже, зима будет жаркой для парней и девчонок».

Было еще одно важное достижение, которое, похоже, не было описано в более ранних воспоминаниях об АА. 12 декабря 1939 года Кларенс пишет Рут Хок, что «*Matt Talbot Wagon Club* »[29] сейчас насчитыает 88 человек, и что «там

---

[28] Orchard Grove — фруктовый сад (*пер* .).

[29] Matt Talbot Wagon Club — Клуб фургонов Мэтта Талбота (*пер* .).

происходит удивительная работа». «Фургоны» занимались сбором старой мебели, чинили, обновляли и продавали ее. Как говорит Кларенс, они «загорелись после статей в “*Либерти* ” и “*Plain Dealer* ”.

Мы тесно связаны с ними. Их бесполезно госпитализировать или пристраивать по домам. Все они бродяги, ханыги и социальные отбросы. Сейчас успешно работает девять человек из них. Они используют наши материалы и стараются следовать нашему образцу настолько, насколько это возможно, применительно к их нуждам и положению».

Wagon Club не был АА, но между ними было налажено некое сотрудничество, поскольку они использовали программу и материалы АА. В любом случае это, по–видимому, было первой попыткой АА охватить алкоголиков помимо категории среднего класса, сохранивших семью, к которой принадлежало большинство первых алкоголиков, членов Оксфордской группы.

«Мы уже перевалили за сотню, — продолжает Кларенс. — Все три группы растут постоянно и довольно быстро. Почти самое время организовать еще одну группу. У нас необычный успех. Только четверо парней “в пикė” за два последних месяца, считая новичков. Да и те уже в порядке».

Билл писал позднее: «Мы, ветераны в Нью–Йорке и Акроне, отнеслись к этому фантастическому феномену с глубоким опасением. Нам что, не понадобилось целых четыре года, наполненных бесчисленными неудачами, чтобы получить хотя бы 100 хороших выздоравливающих? И все же здесь, в Кливленде, мы видели, как около 20 АА–евцев, которые сами были не очень опытными, неожиданно столкнулись с сотнями новичков… Как им удавалось с этим справляся? Мы не знали.

Но год спустя мы уже *знали* , — вспоминает Билл, —

потому что к тому времени в Кливленде было около 30 групп и несколько сотен членов. Болезни роста и проблемы в группах были пугающими, но никакие ссоры из‑за пустяков не могли уже задавить массовую потребность в трезвости. Да, результаты в Кливленде были из лучших. Их успехи и впрямь были настолько хороши, а членство в АА в других местах было настолько невелико, что многие АА–евцы из Кливленда действительно думают, что АА появилось именно там».

Билл заключает: «Кливлендские пионеры доказали три важные вещи: ценность личного спонсорства, польза Большой книги АА для представления о нем новичков, и, наконец, тот важнейший факт, что АА, когда весть о нем действительно распространилась, сможет стремительно вырасти до огромных размеров».

XVI. Разделение между АА Акрона и Оксфордской группой

Об отделении АА Акрона от Оксфордской группы очень мало известно из письменных источников. Доктор Боб также никогда не распространялся об этом — помня правило «быть осторожным с языком, который может ошибаться и заблуждаться». Никто из тех, у кого брались интервью, не смог вспомнить ни одного прямого комментария об этом от доктора Боба, кроме того, что у Т. Генри стало слишком тесно.

Очевидно, раскол назревал уже давно, и когда он действительно произошел, сложно с уверенностью говорить о конкретных обстоятельствах.

Когда Билл приезжал туда с визитом в середине ноября, его целью, прежде всего, было помочь Доку, хотя не осталось никаких документальных свидетельств, о чем именно они говорили. Сегодня некоторые АА–евцы из Акрона говорят,

что Билл посоветовал Доку отделиться. Другие говорят, что он советовал Бобу оставаться с Оксфордской группой.

Некоторые считают, что когда дело касалось вопросов движения, доктор Боб был несколько автократичен. Билл, в противоположность ему, обычно был склонен открыто выкладывать свои идеи всему сообществу для одобрения. «Это не было ему свойственно, — говорит Луис, — он заставлял себя это делать». Другие были свидетелями того, как Билл мог быть очень настойчивым, когда он считал какой‑то вопрос важным для Сообщества; он мог идти на очень многое, чтобы убедить людей понять его точку зрения.

В то время, по мнению Джона и Элджи Р., «Все организационные вопросы решались в кулуарах. Боб с Анной могли рвануть в Нью–Йорк, чтобы поговорить с Биллом, и вернуться с решением. Как правило, обычные АА–евцы об этом не знали.

Билл и доктор Боб особенно не хотели привлекать слишком большого внимания к этим вопросам. Может быть, они решили, что будет лучше, если как можно меньше людей будет вовлечено в эту часть проблемы, потому что это могло вызвать шумиху, и на это ушло бы время.

Возьмите само название АА, к примеру, — говорил Джон. — Оно не нравилось людям здесь, в Акроне, и они были против. Уолли Г. говорит: “Эй, что это за название такое, АА? Мы хотим, чтобы оно называлось"Святой Иаков"”. Но все это время Док знал, что они все равно назовут его АА».

«Они с Биллом уже обдумали это», — говорит Элджи.

«Конечно, — продолжает Джон. — Они уже решили назвать его так, еще до того, как мы узнали об этом. Потом Уолли понял, сколь бесполезен его спор, ведь они уже назвали его. Бедняга, он чуть не заболел от огорчения! Но он был славный малый».

Элджи говорит: «Док и Билл ходили вокруг да около, но

не говорили ни слова впрямую. Они влипали в разные ситуации и выходили из них, предоставляя другим право ломать копья. Все равно, все должно было произойти так, как они считали, и так оно и было. Когда они объявляли об этом, остальные вынуждены были это принять, и точка.

Связь доктора Боба с Биллом крепла за эти годы от от партнерства к глубокой привязанности (следующие страницы)

А в то же время, остальные члены АА считали, что должны были выразить свое мнение, и могли всласть воевать дальше».

Один из ветеранов отметил, что в Акроне они величали Билла «человеком в сером фланелевом костюме», но Элджи рассказывает: «Я никогда не забуду тот день, когда впервые увидела Билла Уилсона. На собрании он сидел позади меня. Я обернулась назад, а у него одна нога была поднята, и на ботинке была большая дырка.

Он всегда был довольно сдержанным. Он никогда не говорил слишком долго, когда было много народу в группе. У него было так много дел и так много встреч с разными людьми, что он общался только по делу. По его убеждению, время для сидения, переливания из пустого в порожнее и споров прошло. Он приходил сюда не для этого. Они уже спорили обо всем этом в Нью–Йорке, и он полагал, что Док уладит все здесь.

Я думаю, что Боб, Билл, Анна и Луис были очень близки. На самом деле, они отлично ладили», — вспоминает Элджи.

«Ладили всегда и во всем, — говорит Джон. — Я помню, что впервые я встретил Билла и Луис у Дока дома. На следующий день я случайно встретил Луис на улице, и она меня узнала. Я прошептал: “Давайте зайдем и выпьем”. Она

на меня посмотрела. Тогда я сказал: “Выпьем чашечку кофе”. Она повернулась, мы вошли, выпили немного кофе, и я узнал о ней немного больше. Я считал, что она была чрезвычайно милой».

В то время Билл был в довольно хорошем положении — его уважали и слушали в Акроне и Кливленде, по крайней мере, в той же мере, как и самого доктора Боба. Чтобы в этом убедиться, нам достаточно просто прочитать письма за период начала 1940–х годов от Кларенса и других ветеранов в этом районе с просьбами посоветовать что‑либо, приехать, или о моральной поддержке. У Билла могли быть свои проблемы в Нью–Йорке, но в Акроне и Кливленде он был выше этого всего — он был уважаемым «старейшиной». Боб, несмотря на то, что был старше всех остальных, был, во многих отношениях, просто одним из парней.

Какими бы ни были советы Билла Доку по поводу Оксфордской группы, Боб Е. считает, что женщины сыграли большую роль в окончательном расколе. Это мнение было не так уж далеко от истины. Все жены считали себя членами АА, и очень много говорили на эту тему. Более того, Анна всегда очень защищала доктора Боба, который, без сомнения, принимал на себя немало ударов в то время. Вспомните, что говорил Смитти: его мать, хоть и была застенчивой от природы, могла взлететь до немыслимых высот, когда кто‑либо угрожал ее семье или принципам АА.

«Генриетте Сейберлинг не понравилась книга, — рассказывал Боб Е., вступивший в акронскую группу в начале 1937 года. — У нее с Анной произошла небольшая ссора из‑за этого. Потом Кларас Уильямс и Анна поссорились из‑за чего‑то. В чем была причина, никто так никогда и не узнал.

Происходили также довольно бурные обсуждения по телефону. Это был трехсторонний конфликт между Кларас, Генриеттой и Анной. Последнее слово оставалось за женщинами, как это обычно бывает в подобных случаях. И

Док принимал сторону Анны.

Примерно в это время Док поехал в Нью–Йорк повидаться с Биллом, который в письме, датированном декабрем 1939 года, написал: «Спасибо за твой приезд, а также за твои костюмы. Я не знаю, что бы я без них делал». И ни слова о том, о чем они говорили! (Вряд ли они могли предвидеть образование архивов АА.)

Вероятно, именно после этого своего визита доктор Боб пошел поговорить с Т. Генри Уильямсом, который рассказал Биллу в письме двумя месяцами позже об их разговоре. Отметив, что «всем парням уже больше 21 года», Т. Генри сообщил Биллу: «Я не могу удерживать их здесь. Заходил Боб и настаивал, что парни недовольны и считают, что мы относимся к ним недружелюбно, и настаивал на том, что они хотят собираться в другом месте. Он также настаивал, чтобы я объявил им, что они вольны уйти. Неужели ты думаешь, что мы могли бы их выгнать после всего того, что они для нас значили? Наша дверь открыта для них, и мы любим каждого из этих парней, и мы всегда будем рады их видеть».

Джон и Элджи Р. вспоминают о том, как было принято решение: «В тот вечер было собрание, — рассказывает Джон, которому всегда удавалось найти добрые слова в адрес каждого человека, о котором он говорил. — Я никогда не слышал, чтобы два человека разговаривали так, как это делали доктор Боб и Т. Генри. Они говорили о доверии, хвалили и превозносили друг друга. И оба они этого заслуживали.

Это было тяжелое время для группы, — говорил Джон. — Многие из нас любили Т. Генри. И мы не знали, уходить нам, или нет».

«На последнем собрании они проголосовали, — рассказывает Элджи. — Те, кто хотел остаться с Т. Генри — о’кей. И те, кто собирался уйти с Доком — о’кей. Это то, как они распрощались. Но они спорили об этом в течение месяца, или больше».

Среди тех, кто остался, были Ллойд Т., который был спонсором Кларенса, и Билл Дж. Другие, включая бейсбольного игрока, Ролли Х., остались на время и изменили свое решение позже.

«Генриетта Сейберлинг сказала доктору Бобу, что это было самой большой ошибкой, которую он когда‑либо совершил», — рассказывает Элджи, вспоминая, как она говорила: «Как ты мог? Ты об этом пожалеешь».

«Боб с Анной просто ушли, — рассказывает Элджи. — Говорить уже было нечего. Я никогда не могла понять, почему она была в такой ярости». (Хотя позже Генриетта и приняла сторону АА, долгое время после этого она не работала активно в Акроне. Вскоре она переехала в Нью–Йорк, где и оставалась вплоть до своей смерти в 1979 году.)

«Док говорил: “У нас нет места для проведения собрания — что ж, мы будем собираться у меня дома”, — вспоминает Элджи. — Это было в ноябре или декабре, потому что я помню, что у них в гостиной стояла рождественская елка».

Нет никаких записей о том, как проходило первое собрание, кроме сообщения в «*Grapevine* » много лет спустя, где отмечалось, что вел его доктор Боб, который «поставил ногу на перекладину стула в столовой, назвал себя алкоголиком и начал читать Нагорную Проповедь».

На второй день нового, 1940–го года, доктор Боб написал Биллу: «Мы определенно стряхнули с себя кандалы Оксфордской группы (выбор слов, который свидетельствует о его отношении) и собираемся у меня дома с тех пор. В среду было 74 человека в моем маленьком доме, но вскоре надеемся получить зал».

Кларенс С. написал тремя днями позже: «Посетил два из собраний у доктора Смита с тех пор, как он проводит их в своем доме. Все они очень хорошо посещаются, и являются очень вдохновляющими.

Док вел собрание у нас, и я никогда не слышал, чтобы он

говорил так хорошо и был в такой хорошей форме. Заметил громадное улучшение с тех пор, как он забрал свою команду от Уильямсов. Сейчас он говорит авторитетно и компетентно, а не “крадется на цыпочках”, и, на мой взгляд, выглядит на десять лет моложе».

«Я не очень уверен, но мне кажется, что у нас было два собрания там, — рассказывает Джон Р. — Вам стоило бы посмотреть на дом Дока! Его маленькая гостиная была не намного больше, чем этот маленький дом, в котором мы живем. Нам было там очень тесно».

Дом Смитов был действительно слишком мал, чтобы вместить столько людей. Вопрос назрел, и после нескольких собраний Уолли Г. договорился с Королевской школой, в которую ходила его дочь. Так родились вечера по средам группы в Королевской школе, которые, однако, как вы знаете, берут свое начало от первой встречи Билла и доктора Боба, за четыре с половиной года до этого.

14 мая 1940 года доктор Боб напишет Биллу о том памятном дне: «Дорогой Уилли: знаю, что ты очень занят, поэтому я не могу рассчитывать на слишком большое количество корреспонденции от тебя, но все же, хотел бы что‑нибудь от тебя услышать. Вероятно, ты помнишь, что в прошлое воскресенье было пять лет с тех пор, как я впервые встретил тебя в доме Ген.[30] Я никогда этого не забуду, хотя, возможно, ты об этом случайно не вспомнил. Я никогда не перестану быть благодарным тебе, и очень рад тому, что мне дарована возможность нести благую весть далее».

XVII. «Как говорил доктор Боб…»

С 1940 года, с тех того, как группа начала собираться в

[30] Генриетты (*пер* .).

Королевской школе, у нее сформировался определенный стиль, ставший образцом ведения собраний во всем районе. Ветераны вспоминают, что первые собрания были очень похожи на сегодняшние, с минимальными отличиями.

В те времена не было принято, чтобы председатель или секретарь представляли спикера. В середине сороковых считалось, что громкие титулы и пышные представления могут вскружить голову алкоголику. Когда наступал момент, спикер выходил вперед, дожидался тишины и сам представлял себя. Он открывал собрание молитвой по своему собственному выбору, и после этого в течение пяти минут задавал «направление». Обычно оно было связано с какой‑то конкретной темой — сюжетом из «*Горницы* », или с каким‑то стихом из Библии. Затем он просил остальных участников сделать короткие комментарии.

Алекс М. (который вступил в группу в 1939 году) вспоминает, как они начали собирать регулярные взносы для оплаты аренды помещения и расходов по обслуживанию в Королевской школе. До того в этом не было необходимости. «Денег у нас не было, — говорил он, — пара монет в кармане была пределом для большинства из нас». Передача шапки для сбора денег на расходы в конечном итоге привела к появлению традиции, известной как секретарский перерыв, во время которого благодарили выступавшего и делались различные объявления. В других акронских группах в наши дни секретарь зачитывает длиннющий список объявлений о собраниях, годовщинах и юбилеях, а также о спикерах, выступающих на собраниях поблизости. Королевская школа — одно из немногих мест, где этого не происходит.

«Не было никакого легкомыслия вначале, — говорит Боб Е. — У каждого из нас было чувство юмора, но для всех нас выздоровление было вопросом жизни и смерти. Не было также никаких аплодисментов. На собраниях такого рода аплодисменты казались неуместными».

Норман У. (слепой АА–евец из Янгстоуна, штат Огайо)

согласился с этим и процитировал доктора Боба, говорившего: «Не аплодируйте мне. Не аплодируйте никому из алкоголиков». Было очень характерным, когда доктор Боб жестом просил участников садиться, если они аплодировали ему стоя.

«Всем хотелось видеть его на пьедестале, а мне до сих пор хочется, — говорил Джон С. из Кошоктона, штат Огайо, в 1977 году (Джон — АА–евец с 1940 года). — Но он никогда не ставил себя ни на какой пьедестал. Могу вам это гарантировать!»

Отец Дж. Ф. Галлахер, который работал с сестрой Игнатией, говорит: «Трудно говорить о докторе Смите без восхваляющих преувеличений. Когда он был жив, он высмеивал их, и теперь, несмотря на то, что он умер, мне кажется, он все еще смеется над ними.

Я много раз сидел с ним за столом для выступающих и наблюдал, как он морщился, когда кто‑нибудь представлял его слишком напыщенно», — говорит Отец Галлахер.

Многие из председательствующих, стараясь оказаться на высоте положения и ответственности, говорили о докторе Бобе как об «основателе величайшего, самого замечательного, самого потрясающего, самого действенного движения всех времен и народов», и так далее. Однажды, во время одного из таких выступлений, доктор Боб прошептал: «Этот выступающий определенно занимает слишком много места и слишком много времени».

Отношение доктора Боба к высокому стилю и овациям стоя были, по–видимому, связаны с его поисками смирения — «свойства, которым большинство из нас одарено не слишком сильно».

Как он сам говорил, это было не «ложное смирение Юрайи Хип Диккенсона». Оно не было также «разновидностью половой тряпки… Я говорю об отношении всех и каждого из нас к нашему Небесному Отцу», — говорил

доктор Боб.

«Христос говорил: “Сам по себе я ничто — моя сила дается мне Моим Отцом на небесах”. Если Он говорил так, — спрашивал доктор Боб, — то что говорить о нас с вами? Вы это сказали? Я это сказал? Нет. Это именно то, что мы не сказали. Вместо этого мы собирались сказать: «Полюбуйтесь на меня, парни. Я неподражаем, так ведь?» У нас не было смирения, не было представления о том, что мы получаем что‑либо по благоволению нашего Небесного Отца.

Я не считаю, что у меня есть какое‑либо право ходить гоголем из‑за того, что я протрезвел, — говорил он. — Только благодаря благоволению Господа я смог сделать это. Я могу чувствовать только благодарность за то, что он дал мне возможность достичь этого… Если моя сила приходит ко мне от Него, то кто я такой, чтобы похваляться этим?»

На своем письменном столе доктор Боб держал табличку с определением смирения: «Постоянный покой в сердце. Это означает не поддаваться тревогам и волнениям. Это значит не быть раздраженным или сердитым, злым или недовольным; не удивляться ничему, что делается для меня, и понимать, что ничего не делается против меня. Это значит оставаться спокойным и когда меня никто не хвалит, и когда меня ругают или презирают, иметь благословенный дом в своей душе, куда я могу войти, захлопнуть дверь и преклонить колени перед моим Отцом втайне, и обрести покой, как в глубоком море спокойствия, когда всюду вокруг бушуют беды и тревоги».

Характер доктора Боба, без сомнения, имел сильное влияние на стиль проведения местных собраний. По мнению Боба Е. из Акрона, одним из очень существенных различий между Акроном и Нью–Йорком, а также Акроном и Кливлендом было то, что «мы не рассказывали о своих историях пьянства на собраниях в то время. В этом не было необходимости. Спонсор каждого человека и доктор Боб

знали детали. Честно говоря, мы думали, что это наше собственное дело, и никого не касается. Кроме того, мы уже знали, что такое пьянство. А вот что мы действительно хотели узнать, так это как стать трезвым и как оставаться трезвым.

Билл предпочитал, чтобы АА–евец признал себя алкоголиком и рассказал о том, как он стал алкоголиком, — говорит Боб Е. — И эта идея действительно привлекала людей и позволяла движению расти.

Когда начался этот процесс признания себя алкоголиком, у нас ушло какое‑то время на то, чтобы к этому привыкнуть, — рассказывает Боб Е. — Я вспоминаю, как‑то раз у нас было собрание в Королевской школе. Некоторые люди приехали из Кливленда. Они хлопали в ладоши, аплодировали и создавали много шума. Нам это казалось странным и обидным. Постепенно мы открывались, благодаря настойчивому влиянию Билла, но все равно нам все это не нравилось, особенно когда люди, увлеченные рассказом, превращали свои истории в настоящие сенсации».

Практически все помнят, что у доктора Боба и Анны были «постоянные» места — довольно далеко сзади, сбоку, и Анна сидела с краю, у прохода. «Я входил в дверь и уже знал, где будет сидеть Билл В. Х., и куда сядут Уолли Г., Этел М. и доктор Боб, — говорит один из ветеранов. (Этел и Ролло М., оба алкоголики, пришли в АА в 1941 году.) — У них у всех были свои места. Никому бы даже в голову не пришло сесть на их места».

Выступавшие не всегда выбирались заранее, по рассказу Нормана У. Он вспоминает, как доктор Боб сказал одному парню:

— Джордж, на этой неделе твоя очередь.

— Но я абсолютно не готов, — ответил тот.

— Но ты же не готовился к тому, чтобы напиться, — сказал доктор Боб. — Давай, вставай и говори.

Большинство ветеранов соглашались с тем, что доктор

Боб обычно делал какие‑нибудь комментарии на каждом собрании — и только потому, что ведущий просил его об этом, а не потому, что он хотел этого сам. «Они были краткими, но всегда по делу», — говорит один из них. Джон Р. рассказывает, что он слышал последнее выступление доктора Боба в Кливленде, и в нем не было ни слова, противоречившего тому, что Джон уже слышал, когда доктор Боб повторял их снова и снова на обычных собраниях группы в Королевской школе.

Все отмечали, что за исключением выступления в Детройте в 1948 году, доктор Боб говорил очень коротко. Часто цитировали их с Анной слова: «Если вы выступаете больше, чем 15 минут, вы начнете повторять самого себя», — или: «После 15 минут уже невозможно спасти чьи‑то души».

Одна история рассказывает, что когда доктора Боба пригласили выступить на одном из собраний вне Акрона, он встал и сказал, что самые великие речи в мире были краткими. К примеру, и Нагорная Проповедь, и Геттесбургская Речь заняли менее пяти минут. «Имея это в виду, — сказал он, — я тоже собираюсь произнести краткую речь. Кстати, я ее уже произнес».

И он сел.

«Он очень спокойно выступал, и его выступления доставляли удовольствие, — говорит Эд Б., акронский ветеран. — Иногда он мог указать на что‑то пальцем, или развести руками, но жестикулировал он мало. И всегда надевал костюм и галстук на собрания. Когда он приходил на собрание АА, он был просто одним из алкоголиков. Он не был доктором, или кем‑то в этом роде».

В своих комментариях «он всегда находил какую‑нибудь важную мысль в том, о чем рассказывал выступающий, — по рассказу Эда. — Он делал это для того, чтобы так или иначе подбодрить его. Он никогда не говорил много о своем собственном пьянстве».

Эд также отметил, что доктор Боб выступал на многих собраниях в районе: «Когда у нас был какой‑нибудь юбилей, мы хотели, чтобы доктор Боб на нем присутствовал, и он никогда нам не отказывал». Эд полагал, что нежелание доктора Боба выступать на больших собраниях можно было объяснить как его нелюбовью к тому, чтобы его считали важной шишкой, так и его скромностью.

Хотя замечания доктора Боба обычно были добрыми, Дэн К. (один из многочисленных пациентов Дока в госпитале Св. Томаса) отмечает, что если он думал, что какой‑то человек был нечестен, то он так и говорил этому человеку. «А если он сидел на собрании, и кто‑то использовал грязный язык, доктор Боб говорил: «У вас очень хорошие мысли, молодой человек, но было бы гораздо эффективнее, если бы вы их немного почистили».

«И вот еще что, — вспоминает Дэн. — Когда меня впервые попросили выступить, я сказал ему, что я думал, что для этого ты должен быть ветераном. Он сказал: “Дэн, твое выступление будет очень полезно для этих"двухкостюмников"[31]”. Видите ли, у нас было много богатых людей, и мы называли их “двухкостюмниками” в то время».

Оскар У., АА–евец из Кливленда, которому было 29 лет, когда он впервые пришел в АА, вспоминал, как он впервые выступил на собрании, и как один из ветеранов сказал ему: «Пока ты новичок, тебе следует вынуть затычки из своих ушей, и засунуть их себе в рот. Садись и слушай!»

Затем поднялся доктор Боб и сказал Оскару: «Правильно, сынок, слушай. Но наблюдай также за тем, что человек *делает* , а не только слушай, что он говорит».

«После того, как я пробыл в АА несколько месяцев, — продолжает Оскар, — я написал заявление о выходе из АА и вручил его доктору Бобу. Он прочитал его, и не засмеялся.

---

[31] В годы Великой Депрессии обладание двумя костюмами считалось большой роскошью (*пер* .).

Затем он посмотрел на меня и сказал: “Что ж, ты делал все правильно”. Затем он предложил мне пойти в отель Мейфлауэр, купить бутылку виски, выпить парочку хороших порций и затем закрыть бутылку пробкой. “Если ты сможешь оставаться там еще пару дней, не выпив больше ни одной порции, тогда мы тебе действительно не нужны”, — сказал он мне. Я подумал: “У них не найдется столько бутылок, а мне не хватит этих двух дней”. Но я ему этого не сказал.

“Давай я скажу тебе, что мы сделаем. Мы будем держать немного овса в торбе, и немного соломы в конюшне для тебя, потому что я чертовски уверен, что ты вернешься”.

Он оказался прав. Через шесть месяцев я вернулся.

В 1941 году, когда вышла статья Джека Александера (в “*Saturday Evening Post* ”), я работал с 17 новичками, — рассказывает Оскар. — Я помогал им с арендой жилья, привозил им еду и уголь, и помог им найти работу. Но все они напились.

Я поехал в Акрон и пожаловался доктору Бобу, который ответил мне, что я делал это для себя, и что *они* оказали услугу *мне* .

— Но я помогаю *им* .

— Нет, — сказал он. — Эти парни показывают тебе, что будет если ты выпьешь. Они оказывают тебе услугу. А когда они не хватаются за выпивку, они показывают тебе, как работает программа. И в том, и в другом случае они оказывают тебе услугу».

Еще одна цитата о тех же тщетных попытках, приписываемая доктору Бобу Эрни Г. вторым, была: «Существует два рода людей, которых мы наблюдаем в программе АА — те, кто ее делают, и те, кто нет».

«Доктор Боб говорил, что каждый должен и сам также брать за себя ответственность, — вспоминает Оскар, — и что время от времени надо посмотреть на себя со стороны, посмеяться над собой, а затем помочь самому себе.

Он был замечательным советчиком. Он говорил: “Давай

встретимся, поговорим об этом и подумаем, сможем ли мы все уладить”, — неважно, был ли это личный вопрос, или касался группы.

Билл Уилсон никогда не давал определенного ответа. Он обычно писал письмо на паре страниц, и вы должны были прочитать его два раза, чтобы понять, что он имел в виду. Но это были только предположения и советы. Он никогда не приказывал. Боб тоже не приказывал. Мы приезжали стайкой из Кливленда, злые как черти по какому‑нибудь поводу. Советовались с Бобом, и к тому времени, когда направлялись обратно в Кливленд, все уже было в порядке, и мы просто забывали, из‑за чего сюда приезжали».

Возникает проблема, когда дело касается записи какого‑нибудь замечания, предположительно сделанного доктором Бобом. Говорил ли он это в действительности? Или люди помнят то, что они хотят помнить? Рут Г., жена Эрни второго, признается: «Возможно, я помню то, что он подчеркивал важность духовной составляющей потому, что это было именно то, что я хотела услышать».

Джо П., который вступил в АА в 1942 году, отмечает, что «вещи, которые говорил доктор Боб, становились такими близкими. Все, кто вел собрания, использовали их. И многие другие постоянно повторяют вещи, которые доктор Боб сказал, хотя я точно *знаю* , что он их не говорил. Иногда люди говорят: «В этом случае доктор Боб сказал…», чтобы придать немного больше важности тому, что *они* говорят.

Многие вещи доктор Боб определенно говорил, а многие он вполне мог сказать — они звучат очень типично для него. Однако, если не принимать во внимание принцип «будь проще», то трудно сказать, что он говорил, а что нет. Разные люди видели доктора Боба по–разному. Но независимо от их точек зрения, все они видели одного человека — серьезного и ироничного, земного и духовного, открытого и застенчивого, дружелюбного и надменного.

Заметим вскользь, что доктор Боб настойчиво разрабатывал принцип «будь проще» применительно к программе АА. В сентябрьской статье 1948 года в журнале «*Grapevine* » он пишет:

«В том виде, в каком они в конце концов изложены и предлагаются, Двенадцать Шагов просты по звучанию и понятны по смыслу. При этом они исполнимы для каждого человека, испытывающего искреннее желание обрести и сохранить трезвость. Результаты подтверждают это. Их простота и исполнимость таковы, что никаких специальных пояснений, и уж тем более оговорок, не требуется.

Со временем становится все более ясно, что уровень гармонии, которой мы можем достичь в жизни, напрямую связан с нашими искренними усилиями следовать им буквально, под водительством Высшей Силы, на пределе наших возможностей».

Доктор Боб, чье образование в Академии в Сент Джонсбери, а затем в Дартмуте включало 12 лет изучения греческого и 9 лет латыни, иногда писал гораздо более официальным стилем, чем тот, которым он говорил. Его статья в «*Grapevine* » продолжает:

«В то же время, в АА нет шибболетов[32]. Мы не связаны путами религиозной доктрины. Никто из нас не может быть… извержен во тьму внешнюю.[33] Наша организация — это множество точек зрения, и прямые запреты, звучащие в каждой из десяти заповедей, в АА будут сильно раздражать».

Что означает: «В АА нет обязательств».

---

[32] Шибболет, слово из из Библии, означающее «тайный пароль», в английском употребляется очень редко.

В своем письме доктор Боб здесь и далее приводит цитаты из Библии:

5 И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил:"позвольте мне переправиться", то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет.

6 **Они говорили ему «скажи: “шибболет”», а он говорил: «сибболет»** , и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, заколали у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи."

(Судей 12:4–6)

[33] …а сыны царства **извержены будут во тьму внешнюю** : там будет плач и скрежет зубов. (Матфей 8:12)

Еще одну мысль доктор Боб изложил абсолютно просто: «Первая же рюмка возьмет над вами верх». Со слов Джона Р., он повторял это часто.

Вдова одного из ветеранов вспоминает, как доктор Боб поднимался на собрании, держа под мышкой Библию, и говорил, что ответы находятся в ней, если вы их поищете, потому что со времен Ветхого Завета люди не изменились, и у них были такие же, как в нашем веке, горести и переживания.

И будь он сейчас с нами, доктор Боб сказал бы то же самое о первых АА–евцах — что они ничем не отличались от сегодняшних, и что у них были те же самые проблемы.

Доктор Боб подарил эту Библию группе Королевской школы, и до сих пор она кладется на стол во время каждого собрания. Внутри есть надпись: «Надежда группы Королевской школы — о чьей трезвости идет речь — в том, что эта Книга никогда не перестанет быть источником мудрости, благодарности, смирения и наставления, как это воплотил в жизнь Создатель». И подпись: «Доктор Боб Смит».

Один из первых АА–евцев из Чикаго пишет, что они обычно прибегали к такому изящному иносказанию, как «Парень Наверху», чтобы не отпугнуть или не вызвать неприязнь агностиков, приходивших в программу. «Доктор Боб был первым из известных мне лидеров групп, который обращался к Богу просто и без показухи. Он цитировал Нагорную Проповедь, как содержащую основную духовную философию АА».

Эд Б. вспоминает, что доктор Боб любил рассказывать на собраниях истории, поясняющие определенные моменты. Это было похоже на то, как притчи используются в Библии.

«Он всегда подчеркивал, что пребывание на собрании было, само по себе, частью духовного пробуждения, и что оно не обязательно должно прийти к вам мгновенно, как вспышка молнии, — вспоминает Эд. — И, чтобы выразить свою идею с

юмором, он рассказывал историю о полицейском, который посветил фонариком на пару, занимавшуюся любовью в парке. “Все в порядке, — сказал мужчина, — мы женаты”. — “Прошу прощения, — ответил полицейский, — я не знал, что это ваша жена”. — “Я тоже этого не знал, пока вы не посветили фонариком”, — ответил мужчина».

Эд собрал целую коллекцию историй доктора Боба.

«Одну он рассказывал о тех “АА–евцах из‑под палки”, которые приходили, чтобы отделаться от своих жен. Некий фермер привез человека к врачу в кабинет: “Вот, доктор, я выпустил в своего зятя полный заряд дроби”. — Доктор говорит: “Вам должно быть стыдно стрелять в своего зятя”. — “Что ж, доктор, он не был моим зятем, *пока* я в него не выстрелил”.

А еще, знаете, как мы говорили о Боге, который никогда о нас не забывает? У доктора Боба на этот случай тоже была история. Один человек рассказывает другому о бедах и проблемах, в которые попадает его сын, и второй человек говорит: “Знаешь, Джим, если бы это был мой сын, я бы выгнал его из дома”. — Первый человек отвечает: “Если бы это был твой сын, я бы его тоже выгнал”. Эту историю он рассказывал для того, чтобы подчеркнуть, что Бог нас не выгоняет. Мы сами уходим по собственной воле.

А вот о том, что вы получаете от АА лишь то, что вложили. Док рассказывал о фермере, который спросил одного парня, не хочет ли тот поработать на уборке урожая. “А сколько ты платишь?” — спросил парень. “Я заплачу столько, сколько ты стоишь”, — ответил фермер. “Нет, спасибо, — сказал парень, — провалиться мне на этом месте, если я буду работать за такие гроши”».

Со слов Эда, доктор Боб пояснял необходимость молитвы, рассказывая историю о верблюдах в караване, которые опускаются на колени вечером, и люди снимают груз с их спин. Утром они снова опускаются на колени, и люди снова грузят на них тяжелую ношу. «То же самое с молитвой, —

говорил доктор Боб. — Мы преклоняем колени вечером, чтобы снять груз со своих плеч. А утром, когда мы вновь преклоняем колени, Бог дает нам ношу, которую мы в силах нести в этот день».

«Я помню одну историю, которую он повторял снова и снова, — говорит Эд. — Она была о мальчике, который обжег себе руку. Доктор смазал ее и забинтовал. Когда он снял повязку, оказалось, что рука мальчика зажила. Маленький мальчик сказал: “Вы удивительный, доктор. Вы излечиваете всех, не правда ли?” — “Нет, это не я, — ответил доктор, — я только смазываю рану. Господь залечивает ее”.

И последняя: Одна женщина позвонила и спросила: “Это вы тот доктор Боб, который помогает алкоголикам?” Когда он ответил утвердительно, она попросила прислать две бутылки этого лекарства “Анонимные Алкоголики” для ее больного мужа. “А Вы не думаете, что одной бутылки достаточно”, — спросил он. “О, нет, — ответила она, — мой муж лежит в госпитале. Ему нужно две”».

Джуд О., который пришел в АА в 1939 году, вспоминает: «Если кто‑то из алкоголиков случайно оказывался неподалеку от Акрона, он всегда старался встретиться с Бобом Смитом. Была одна группа, которая приезжала из Янгстоуна каждую среду, независимо от того, шел дождь или светило солнце, — рассказывает Джуд. — Они посещали собрание, пили кофе, и возвращались обратно. Это продолжалось — с АА–евцами из других городов и городков — до тех пор, пока они не окрепли настолько, чтобы создать свои собственные группы».

Из всех этих историй становится ясно, что доктор Боб всегда был открыт для встреч и разговоров с АА–евцами — будь то у себя дома, в своем кабинете или на собрании АА. «Но он мог быть и непредсказуемым, — говорит Эд. — Был у меня парень, который специально приехал в Акрон, чтобы встретиться с доктором Бобом. Я привел его туда, где Док как раз разговаривал с парой людей, и единственное, что сделал

Док, это пожал ему руку и вернулся к разговору с другими. Я видел, как этот человек был разочарован. Но после собрания, когда мы пили кофе, Док сел рядом с этим гостем, обнял его за плечи и поговорил с ним. Парень хвастался этим всю дорогу по пути в отель».

XVIII. Роль жен в раннем АА

После собраний группы Королевской школы в Акроне АА–евцы спускались вниз, в школьный кафетерий, выпить кофе с пончиками. Это уже была епархия жен, а не официальных структур. Вот как рассказывает об этом Оскар: «Они были допущены к мытью посуды, приготовлению кофе, организации пикников и других подобных мероприятий».

После отдыха, маленькая группа АА–евцев обычно отправлялась в Кесслер Донат Кафе, как они это делали после собраний у Т. Генри Уильямса. Там они заказывали еще кофе, и продолжали разговоры, которые часто затягивались до поздней ночи. Со временем эти «собрания после собраний», по–видимому, стали такой же традицией АА во всем мире, как и Молитва о Душевном Покое.

«Вы знаете, когда эта традиция только начиналась, именно жены делали всю эту работу, — говорит миссис М. (жена Алекса), — потому что мужчины должны были находиться на собрании. Сегодня многие мужчины также работают на кухне.

Первая группа АА быстро переросла возможности дома Смитов и стала проводить собрания в школе Кинга.

В прошлые годы женщины садились на одной стороне, а

мужчины на другой. Теперь все намного лучше, потому что женщины тоже участвуют и садятся вместе с мужчинами.

Мы обычно делали замечательные десерты и всякое такое, просто чтобы побаловать наших мужчин и сделать собрание успешным. Мы пекли юбилейные торты для наших мужей (на собраниях в Равенне, штат Огайо). Что вы, я не позволю им купить торт для Алекса! Я испеку его. Но каждый месяц они все же покупают прекрасно украшенный торт для каждого юбиляра».

Практически все согласились, что время кофепития было частью собрания, за которую отвечала Анна. «Она ходила от стола к столу и представлялась гостям, — рассказывает Дороти О. (жена Джуда). — Она говорила новым женщинам, что все мы в одной лодке, что все мы — друзья, и что она сделает для нас все, что будет в ее силах».

«Анна всегда уделяла особое внимание новичкам, — говорит Дэн К. — Она замечала вас, и после собрания она подходила к вашему столику и представлялась. “Я рада приветствовать Вас и Вашу очаровательную жену в Анонимных Алкоголиках. Мы надеемся, что Вы будете к нам приходить”. Она немного рассказывала вам об АА, а затем, допустим, шла к другому новичку».

Отношение Анны к новичкам было и легендарным, и феноменальным — пожалуй, она заботилась о новичках больше, чем большинство АА–евцев.

«Перед нашей первой новогодней вечеринкой кто‑то подарил Анне три новых платья, а я никогда не видела ее в чем‑либо другом, кроме того черного платья, которое у нее было», — вспоминает Дороти С. М. в разговоре с Биллом Уилсоном.

«На Рождество мой брат подарил мне новое платье, первое новое платье, которое у меня появилось за многие годы. И вот, мы с Анной обсуждали новогоднюю вечеринку, и я спросила: “Посмотри‑ка свои три новых платья. Какое из них ты собираешься надеть?”

Она посмотрела на меня и сказала: “Знаешь, Дороти, у нас есть новички, у которых, возможно, совсем ничего нет, и я не могу себе позволить надеть ни одно из них”. И она пошла на ту вечеринку все в том же старом черном платье.

Анна, со свойственной ей деликатностью, делала очень много. Я ее немного боялась, но в то же время очень любила. Но она преподносила мне урок таким образом, что только к тому времени, когда я возвращалась обратно в Кливленд, до меня доходило, что она имела в виду.

Я так волновалась за своих друзей, что после каждого собрания я бросалась к ним и вступала в эти сумасшедшие разговоры. Однажды вечером Анна позвала меня. “Дороти, все эти люди были ужасно добры к тебе, не правда ли? Тебе очень повезло, и у тебя много друзей”. Разумеется, я согласилась на 100 процентов. “Ты не находишь, что могла бы передать немножко этой доброты другим? Здесь сидит новенькая, вон там, в углу, и никто с ней не разговаривает”.

И это одна из вещей, которую я старалась помнить все эти годы. Если бы даже я больше ничему не научилась у Анны, я научилась понимать, что именно новичкам следует уделять внимание. Действительно постараться, чтобы они чувствовали, что им рады и что они желанны — это один из способов, которым я могу попытаться выразить свою благодарность.

Вы помните, как Анна всегда называла всех по имени? — говорит Дороти Биллу Уилсону. — Она их помнила. Она знала всех их детей. Это был тот потрясающий личный интерес, который она испытывала к каждому. Даже когда она была уже почти слепа, в самом конце, она подходила к ним, и даже если она не могла различить, кто перед ней был, она могла узнать их по их голосам и могла вспомнить каждую мелочь о них.

Она, бывало, собирала одежду для тех, кому нечего было носить. У меня было летнее пальто, и мне приходилось носить его как зимнее. Анна отпорола меховой воротник от

чьего‑то старого костюма, и мы пришили его к пальто, и у меня появилось зимнее пальто. Затем настало лето, и мы отпороли меховой воротник, и пришили белый воротничок. Она делала подобные вещи для всех.

И Луис тоже, — говорит Дороти Биллу. — Я помню, когда вы с Луис приезжали в Акрон, и распространялась весть о том, что вы приезжаете, и здесь в ожидании вас собирались абсолютно все. Луис могла сидеть там, зашивая какое‑нибудь твое пальто. Казалось, что ей все время приходилось что‑нибудь штопать или зашивать для тебя, чтобы ты снова мог выйти в мир».

Роль жен была чрезвычайно важна в первые годы АА. Не будет преувеличением сказать, что без этих жен не было бы АА.

Во–первых, очень часто именно жены искали помощи для своих мужей, как сделала Анна, вступив в Оксфордскую группу. Кроме того, они помогали организовывать собрания, открывали свои дома для выздоравливающих алкоголиков, делали работу по Двенадцатому Шагу и считали себя частью АА едва ли не в большей степени, чем их мужья. Они могли оставаться в тени, как советовала Анна Генриетте Д. (жене Билла, АА–евца номер три), но их влияние было очень сильным.

«Собрания были действительно открытыми. Они настаивали на этом, — говорит Эрни Г. второй. — Док не верил в закрытые собрания. Он говорил мне: “Возьми с собой Рут. Если ты этого не сделаешь, я пойду и приведу ее”. Он настаивал на этом. И это было хорошо, потому что Рут думала, что я был самым горьким пьяницей в мире. Когда она побывала на нескольких собраниях, она поняла, что надежда есть».

«Я сказала ему, что я чувствовала присутствие Бога на собрании больше, чем в каком‑либо другом месте, где я когда‑либо бывала, — говорит Рут. — “Это для нас, — сказала я, — давай расти здесь вместе”. Мы так решили, и

мы оба превратили это в работу всей нашей жизни — построить свою жизнь на основе духовных аспектов Анонимных Алкоголиков».

«Женщины намного лучше понимали происходящее за счет того, что их привлекали к общему делу, — рассказывает жена Алекса М. — Жены готовы были целовать землю, по которой ходили их мужья, из одной лишь благодарности за то, как они теперь вели себя. Теперь они лучше видели перспективу, потому что это было именно то, как они (мужья) должны были себя вести с самого начала. Что ж, было время Депрессии, и мы должны были сохранить семью, хотели мы того или нет. Нам нужно было что‑то есть и кормить детей.

Женщины готовы были надрываться день и ночь, делать все возможное, что было в их силах, чтобы сделать группу АА успешной. Мы втроем взяли на себя хлопоты по кухне, и так было четыре или пять лет — может быть больше — до тех пор, пока мы смогли получить хоть кого‑нибудь в помощь. Но мы ни разу даже не подумали о том, чтобы попросить наших мужей сделать что‑нибудь».

Дороти О. (жена Джуда) вспоминает, как «мы с одной девушкой обзванивали всех, чтобы убедиться, что АА–евцы навестят пациентов в госпиталях. Это не было оставлено на волю случая. А потом мы шли на собрание и помогали там».

Элджи Р., которой тогда было всего 26 лет, более откровенная и независимая, чем другие жены, вспоминает, что когда ее муж вышел из госпиталя, она выпытывала у доктора Боба «максимально настойчиво, могу ли я хоть чем‑то быть полезной.

Обычно я оставалась с Анной, когда доктор Боб уезжал на выступления, потому что у нее просто не хватало здоровья на постоянные разъезды, и она сильно уставала. А еще я составляла адресные книжки. Офиса у нас не было, и пользовались моим телефоном. Это продолжалось и днем и ночью. Это был просто шквал звонков!

Особенностью АА в те дни было то, что вы попадали во множество невероятных ситуаций, — говорит Элджи. — Вы никогда не знали, что вас ожидает. Просто делали все, что от вас зависело».

К примеру, один мужчина, который принимал таблетки, жил у Джона и Элджи. Он все время вставал с кровати и подходил к двери. И говорил (ни к кому при этом не обращаясь): «Привет, что Вам нужно?» Затем шел и ложился снова. «Я была напугана до смерти, — говорит Элджи. — Я спросила Дока, что мы будем делать, если он сойдет с ума. “Я не знаю, — сказал Док, — давайте подождем и посмотрим”.

Однажды мне нужно было пойти к своему врачу. Я взяла с собой того парня, потому что не могла оставить его одного. Мой доктор относился к АА с интересом, но когда я сказала ему об этом типе, он сказал: “Боже мой, такая женщина, как Вы, не должна делать подобные вещи”. Этот парень жил у нас десять дней, и с ним все было в порядке. Насколько я знаю, он остался трезвым.

Я была очень активной до того момента, пока однажды я не выступила на собрании, — рассказывает Элджи. — Я не помню, о чем шла речь, но один АА–евец встал и сказал: “Для чего Вы это говорите? Вы же не алкоголик. Почему бы Вам не заняться своим делом?”

И тогда я сказала себе: “Знаешь, это хорошая идея. Думаю, я так и сделаю”. Я так и поступила. Просто перестала работать. Поняла, что там хватает алкоголиков, чтобы заниматься всем этим. Они не нуждались в моих грошовых услугах. Я спросила Джона, помогаю ли я ему, занимаясь всем этим. И когда он сказал, что нет, я подумала, что просто глупо продолжать все это делать, потому что я делала это только ради него».

Решение Элджи было индивидуальным и личным, но оно отражало постепенное общее изменение отношения к выздоравливающим алкоголикам, а также отношения самих алкоголиков к себе.

В Акроне, в самый ранний период, алкоголики почти не имели слова. Жены приводили их на собрания, которые, в свою очередь, велись участниками Оксфордской группы. Мужчин это немного раздражало, но они терпели это. Когда АА откололось от Оксфордской группы, такое поведение жен, похоже, в большой степени способствовало отделению, как мы уже видели.

Затем, особенно когда в программу стали приходить одинокие мужчины и женщины–алкоголики, возникло некое трение с женами. В результате стали проводиться «закрытые собрания» только для алкоголиков, и «открытые собрания», на которых женам–неалкоголикам не разрешалось выступать. Впоследствии ситуация несколько выровнялась, с введением такого компромисса, как «открытое дискуссионное собрание», куда приглашались к участию и жены, и другие неалкоголики.

«Когда у них появились эти программы Ал–Анон и Алатин, я думала, что это замечательная идея», — говорит Элджи.

Семейные группы Ал–Анон обрели свою теперешнюю форму в 1951 году, хотя «семейные группы», состоящие из родственников членов АА, развивались в течение предшествующих лет. Вскоре они стали источником помощи для жен и других близких людей как пьющих алкоголиков, так и трезвых в АА. Ответом на специфические запросы подростков из семей алкоголиков стало создание в 1957 году программы Алатин, являвшейся частью Ал–Анона. Оба движения используют программу АА с небольшими изменениями, но являются полностью независимыми от АА.

«Сейчас я думаю, каким это было облегчением, что я могла посещать программу, которая занимала мое время, — говорит Элджи. — Именно поэтому я принимала в ней участие. Я хотела помочь. Не скажу, что это было очень уж принято. Нас было всего двое или трое, кто это делал.

Доктор Боб говорил, что когда вы приходите в программу,

и ваш муж пьет, вы находитесь в том же положении, что и он, и такая же сумасшедшая, как и он, — говорит Элджи, — и пройдет много времени, пока вы сможете взглянуть на происходящее здраво.

Он также говорил, что муж не протрезвеет, если жена не поддерживает его. И семьи никогда не воссоединятся, если каждый не будет работать для этого. Это то, как он об этом говорил. Ничего особенного. Просто практическая психология».

XIX. Меньшинства внутри АА получают признание

Как мы видели, ранние АА–евцы были преимущественно белыми, представителями среднего класса и мужчинами. Существовали также определенные требования для членства — вера в Бога, процедура признания и соответствие правилам и принципам Оксфордской группы — в дополнение к желанию (честному, искреннему, или какому‑либо другому) перестать пить.

Все эти требования можно суммировать, сказав, что вы должны были верить до того, как начали участвовать. Тот факт, что некоторые участники думали об этом иначе — как это отражено в более позднем выражении АА: «Я пришел; Я пришел чтобы; Я пришел, чтобы поверить» — лежал в самой основе конфликта между членами АА и Оксфордской группы. Позднее этот конфликт продолжался в АА между создателями правил и их нарушителями.

Должен был произойти первый случай, чтобы кто‑то заявился на собрание с парой порций «за воротником», и «нюхачи»[34] начали его выгонять, а кто‑нибудь сказал: «Пусть остается. Может, хоть что‑то просочится ему в голову». («Нюхачами», как

[34] snifter — втягивание носом; суженный кверху бокал для коньяка (*пер*.).

объяснил один из ранних АА–евцев, назывались «люди, которые стоят у дверей, проверяя, не пахнет ли алкоголем от тех, кто входил на собрание».)

И когда этот пьяница по какой‑то необъяснимой причине становился таким же трезвым, как человек, лежавший в госпитале, или которого посещали десять АА–евцев, отпало еще одно правило. В конце концов пионеры АА нарушили столько своих собственных правил, что правил просто не осталось!

В то же время ранние АА–евцы начали добираться и до тех, кто либо казался иным, либо чувствовал себя иным. К 1939 году в АА стало преобладать отношение, обобщенное в предисловии к Большой Книге, гласившее: «Единственным условием для членства является искреннее желание бросить пить».

Большинство участников АА хотело привлекать людей в программу, а не отталкивать от нее. Это могло означать преодоление присущих многим людям предрассудков, и пересечение социальных, религиозных, расовых и национальных границ ради того, чтобы донести послание о выздоровлении всем тем, кто нуждался в помощи, где бы они ни находились. Это также означало, что необходимо преодолеть эти предрассудки, чтобы принять помощь. И даже если бы у АА, как сообщества, никогда не было более замечательных достижений, все равно можно сказать, что большинство его членов делало гораздо больше, чем формальное служение этой идее.

Как показывает дискуссия по поводу Третьей Традиции в книге «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций», имелась большая доля опасения в отношении алкоголиков, обладавших особенностями, или непохожих на других. На второй год существования АА в группу пришел мужчина, который сказал, что он является «жертвой еще худшего, чем алкоголизм, пристрастия».

Ветеран группы поговорил конфиденциально с двумя

другими. Они обсудили «проблемы, которые этот странный алкоголик может вызвать», а также точку зрения, что может быть лучше «пожертвовать одним человеком во имя многих». В конце концов, один из этих троих сказал: «На самом деле, — сказал он, — мы боимся за свою репутацию». И он задал вопрос, который часто приходил ему в голову: «А что бы сказал Вседержитель?» Ответа на этот вопрос не требовалось.

Письма, написанные Биллом в 1938 и 1939 годах, проливают некоторый свет на эту ситуацию благодаря намекам на то, что этим ветераном был доктор Боб. Пересказывая этот случай в 1969 году, Билл в конце концов подтвердил это, назвав своего партнера по имени.

Тем не менее, доктор Боб проявлял гораздо меньшую уверенность, после первых столкновений, в отношении наиболее проблемного, и, в каком‑то смысле, наименее приветствуемого в былые времена в АА меньшинства — женщин!

Мы уже видели несколько примеров его смятения при мысли о том, что в Акронскую группу вступят женщины. «Он не знал, что с ними делать», — говорит Смитти. Другие говорили, что доктор Боб считал, что программа не будет работать для женщины. Тем не менее, он пытался помочь нескольким из них.

Билл вспоминает о «взрывах», которые происходили по поводу «внебрачных связей» и появления женщин–алкоголиков на собраниях. «Вся группа приходила в волнение, и некоторые люди напивались, — рассказывает он. — Мы опасались за репутацию АА и за выживание сообщества».

Женщинам–алкоголикам приходилось преодолевать двойной стандарт, который был гораздо более жестким в 1930–е годы, чем сегодня — мнение, что порядочные женщины не напиваются. Это изначально создавало для женщин серьезные препятствия в том, чтобы признаться в своей проблеме, не говоря уже о том, чтобы быть принятой в

АА.

Женщины, которые вступали в Акронскую группу в самые первые дни, имели достойные, чтобы не сказать исключительные, рекомендации. Джейн была замужем за вице–президентом большой металлургической компании, а Сильвия была привлекательной богатой наследницей. Насколько мы знаем, «Лил» так и не хватило духу самостоятельно посетить собрание.

Ни одна женщина не откликнулась на статьи в «*Plain Dealer* », а первую из тех, кто пришел, по воспоминаниям Уоррен К., выгнали из АА жены. «Она была настолько плохой, что они не пускали ее в свои дома», — говорит он.

Но эта женщина в конечном итоге обрела трезвость, по воспоминаниям Кларенса С. Она начала работать с детьми и переехала во Флориду, где она заработала большие деньги в недвижимости. Однако, она никогда не принимала участия в АА из‑за того первого отказа.

Доктор Боб всегда соглашался поговорить с теми немногими женщинами, что приходили к нему; после этого он обычно передавал их Анне и другим женам, которые соглашались работать с ними.

Элджи считает, что Анна сыграла большую роль в том, что он в конце концов изменил свое отношение. «Док обычно качал головой и говорил: “Что ж, я думаю, что мне лучше работать с мужчинами, потому что женщины… Я не уверен. Я не знаю”.

Анна же говорила: “Давай попробуем и посмотрим”. Она всегда полагала, что если не попробуешь, то никогда не узнаешь. Его беспокоило то, что большинство женщин приходило с ярлыком “нимфоманка”. Большинство жен отказывалось иметь с ними дело, а мужчины смотрели искоса, потому что они боялись, что могут попасть в какую‑нибудь ситуацию. Поэтому поначалу женщин рассматривали как проблему. Никто не хотел ими заниматься.

Но я считала: “Почему нет? Какая, собственно, разница?

Они такие же пьяницы, как и мужчины”».

Рут Т. из Толедо была еще одной благополучной женщиной, которая пришла в АА — потому что ее отец и ее адвокат связались с акронской группой — весной 1939 года.

Док попросил Элджи взять ее к себе, «что было смешно, — как откомментировала это Элджи, — поскольку мы с мужем были женаты всего год и жили в маленьком домике в не совсем обычной части города. Я ничего не знала о ее прошлом и о ней самой тогда. Я пригласила ее к себе, заботилась о ней и разговаривала с ней. Мне просто было ее очень жаль. Мы ходили на собрания. Мы работали с ней и, казалось, она все воспринимала.

Затем ей пришло время ехать домой, но суд не дал согласия на то, чтобы она находилась в доме со своими детьми одна, если там не будет еще какого‑нибудь ответственного лица, наблюдающего за тем, чтобы все было в порядке.

Тогда Док сказал: “Что ж, Элджи, у тебя нет детей. Я думаю, Джон согласится. Почему бы тебе не поехать к ней домой? Тогда дети смогут приходить из школы домой, а ты поможешь им собраться в летний лагерь”».

И Элджи поехала к Рут домой на неделю. «В выходные приехали Боб, Анна, Роланд и Дороти Дж. навестить нас и остались. Мы говорили о том, чтобы организовать группу в Толедо, и Док сказал, что он думает, Рут сможет с этим справиться. Когда она увидела, что они хотят доверить ей сделать что‑то, она как бы вышла из заперти, и ей стало интересно продвигаться вперед. Я не знаю, как долго она оставалась трезвой. Но я знаю, что группа образовалась, и они проводили там собрания».

По мнению Элджи, идея о том, что мужчины должны помогать мужчинам, а женщины женщинам, возникла в АА как средство самосохранения, еще до того, как опыт доказал ее мудрость для блага новичков. Единственная проблема заключалась в том, что в АА было слишком мало женщин,

чтобы помочь новым женщинам. Поэтому жены продолжали выполнять эту работу. В ноябре 1940 года, например, Дороти С. писала, что они работают с двумя женщинами и пытаются организовать действительно анонимную группу для них.

И, наконец, Этель и Ролло М. пришли в программу вместе, в мае 1941 года. Джон и Элджи приняли звонок и поехали поговорить с этой парой.

Как рассказывала Этель на собрании несколько лет спустя, перед этим она сказала одному парню в баре, что она подумывает позвонить в АА. «Он сказал: “Сестричка, если ты думаешь, что у тебя еще не окончательно съехала крыша — подожди, пока ты туда вступишь. Они орут хором и катаются по полу. Но я знаю кое–кого из них и могу помочь тебе туда попасть”».

Излишне говорить, что Этель обдумывала все это еще довольно долго. «Затем одна женщина в баре сказала мне, что ее муж — АА–евец, и что он может мне помочь. Он и еще несколько человек пришли поговорить со мной и Ролло».

«Она весила почти 140 кг, — рассказывает Элджи, — а ее муж, Ролло, был худым маленьким парнем, примерно вполовину ее меньше — где‑то 155 см ростом. Они были веселыми и шумными, как Матт и Джеф[35], и все время обменивались репликами друг с другом. Джон задал им несколько вопросов, а затем мы дали им возможность немного рассказать о себе и поспорить, — говорит Элджи. — Потом мы ушли и сказали, что еще вернемся. Мы уже знали тогда, и это до сих пор так, что если люди еще не готовы принять АА, то нет смысла тратить на них время.

Док обычно говорил: “Если они готовы, работайте с ними. Если они еще не готовы, вы имеете полное право уйти, потому что они все равно не перестанут пить”».

«На моем первом собрании я уже знала нескольких

---

[35] Матт и Джеф — герои очень популярных в то время комиксов, один маленький, второй высокий. С ними постоянно происходили разные приключения (*пер*.).

людей, — рассказывает Этель. — Я почувствовала себя принятой и окруженной любовью сразу же. Я помню, как Аннабелла Г. сказала: “Я понимаю, что вы тоже пьете”. — “Да, — ответила я, — именно поэтому я здесь”. На самом деле я думала, что жены, будут смотреть на меня свысока, но это продолжалось недолго. Я очень сблизилась с Генриеттой Д.»

«Этель и Ролло работали вместе, одной командой, и это было безопаснее, — говорит Элджи. — Все чувствовали себя спокойно. Но каждая женщина, которая приходила одна, была как предостерегающий сигнал для всех жен. Они боялись их до смерти».

«Да, мы не доверяли женщинам, которые только начинали обретать трезвость», — говорит Эмма К. (которая впоследствии заботилась о докторе Бобе во время его последней болезни). «Я думаю, что мы смотрели на них свысока и не вполне доверяли им, потому что “леди так не поступают”. Женщинам приходилось преодолевать гораздо большее, чем мужчинам. Сейчас, я думаю, в АА так же много женщин, как и мужчин». (К 1978 году, когда бралось это интервью у Эммы, скорее всего, это соответствовало действительности только в некоторых группах в больших городах. В целом, женщины составляли уже около трети участников; но это соотношение быстро росло.)

«Этель была очень активной с самого начала, — вспоминает Эмма, — и после того, как Ролло умер, АА стало для нее смыслом жизни. Она стала спонсором многих женщин, которые пришли в Сообщество в последующие годы».

По воспоминаниям Оскара У., «была еще одна женщина, сложенная как футболист и носившая большую плоскую кепку. Если она была у вас спонсором, а вы напивались, она забирала вас и задавала основательную трепку. Затем она говорила вам, что если вы не протрезвеете, то получите еще».

Даже сестра Игнатия считала, что трудно понять, как

«порядочная» девушка может иметь проблемы с пьянством, по мнению Анны С. «Она знала мою мать и моего отца, и всю мою семью еще до того, как появилось АА. Когда она узнала, что я участвую в программе, она сказала:

— Как это могло случиться с тобой, если у тебя такая замечательная семья? Этого не может быть!

— А тебя не радует, что я здесь? Или ты хочешь, чтобы я вернулась туда, где была? — ответила я.

— О, нет, нет.

Но в течение многих лет она говорила всем, что она не предстапвляет, *как* я стала алкоголиком».

Ви С., которая пришла в программу в Кливленде со своим мужем, Фредди, в 1941 году, вспоминала, что каждый раз, когда она видела разговаривающую парочку жен, ей казалось, что они разговаривают о ней: «какая я пьяница. Я не могла рта раскрыть. Я могла поздороваться с ними, но это и все, на что я была способна. Других знакомых женщин в АА у меня тогда не было. Жен я боялась чудовищно, просто до смерти. Думаю, что они действительно пытались принять меня, но я была слишком нелюдимой.

Однажды я решилась выступить публично, — говорит Ви, — и поблагодарить Кларенса за то, что он позволил женщинам вступать в АА. Дело в том, что я знала, что они не хотели меня там видеть. Можно сказать, они говорили мне, что я недостаточно взрослая, недостаточно сильно пила, и что я не нуждаюсь в программе. Их предложение состояло в том, что если программа поможет Фредди, тогда они меня примут.

Мы организовали женскую группу. Я никогда нигде не выступала, кроме как там, до тех пор, пока мне не исполнилось пять лет[36], и однажды вечером мы поехали в Акрон. Фредди, как обычно, встал и начал рассказывать, какой пьяницей я была. Доктор Боб сидел в одном конце комнаты, а Пол С. в другом. Они оба встали, почти

[36] Иногда АА–евцы с любовью отзываются о своем сроке трезвости «мой возраст» (*ред* .).

одновременно, и сказали: “Фред, позволь Ви самой рассказать собственную историю”.

Я не могла поднять голову. Я даже не знаю, что я говорила. Потом я сказала доктору Бобу, что я все время думаю о вещах, о которых я действительно должна была сказать. “Пусть это тебя не беспокоит, — ответил он, — у меня такое тоже бывает”».

Билл Д. (АА–евец номер три) обычно ходил на все собрания. Фред спросил его, почему. Билл ответил: «Знаешь ли, Фред, это то, что помогает мне оставаться трезвым. Тогда мы решили, что если это необходимо *ему* , то это необходимо и *нам* ».

Чтобы дать некоторое представление об опасностях, связанных с женщинами, Оскар У. вспоминает о первом мужчине, погибшем при исполнении Двенадцатого Шага.

«Он навестил ее, когда муж уехал на работу, — рассказывает Оскар. — Соседи видели это и рассказали мужу. Однажды вечером муж залег в бурьяне снаружи дома, поджидая этого парня, и когда АА–евец приехал, чтобы отвезти женщину на собрание, муж разнес его в клочья зарядом из дробовика. Это было в северной части штата Нью–Йорк, и, говорят, там назвали клуб именем этого парня.

Они открыли пансионат для женщин в Кливленде, потому что они не могли устроить их в госпиталь, — говорит Оскар. — До этого они размещали их по домам, но затем потребовалось больше места. Они арендовали двухквартирный дом, и медсестра из АА со своим мужем там поселились.

Соседи видели, что туда приходило и уходило много женщин. Некоторые из них были явно пьяны. И они вызвали полицию, которая приехала и обнаружила их всех в ночных халатах и тому подобном. Представьте себе, как вы рассказываете дежурному сержанту, что вы помогаете им обрести трезвость. А он просто смотрит на вас и ухмыляется».

Постепенно ситуация изменилась. «Они старались сделать для вас больше, если вы были женщиной», — говорит Полли Ф. Л., которая пришла в чикагское АА в 1943 году, а позже работала в Центральном Офисе Обслуживания АА в Нью–Йорке. «Мужчины говорили: “Если уж женщина может оставаться трезвой, тогда я тоже могу оставаться трезвым”. Я чувствовала некоторую подозрительность со стороны жен, но они вели себя дружески по отношению ко мне. Многие из них даже просили меня попробовать, не смогу ли я убедить их мужей делать то, что необходимо».

Пэг С., которая пришла в АА в середине 1940–х, говорила, что «жены в АА готовы были просто вывернуться наизнанку, чтобы быть добрыми и помочь мне. Однажды вечером я была на собрании, и пара других женщин из АА стояла за моей спиной. Одна сказала другой: “Будь чертовски осторожной с тем, как ты себя ведешь в присутствии этих жен. Они думают, что ты та самая малышка, с которой гулял их муж”. Я подумала над этим некоторое время, потом повернулась и сказала: “Нет, вы ошибаетесь. Может быть, здесь и есть такие, но мне они ни разу не попадались”».

Образование первой негритянской группы в Кливленде произошло вокруг женщины; таким образом, сразу два меньшинства приняли в ней участие. «Мы получили звонок в три часа ночи от той чернокожей женщины, она работала в ночном клубе, и ее жизнь вызывала у нее отвращение, — рассказывает Оскар У. — Я поехал поговорить с ней, читал ей Большую Книгу и разговаривал с ней. Затем ворвался какой‑то парень и погнался за мной по лестнице, швыряя мне вслед молочные бутылки.

Через день эта женщина позвонила мне и сказала, что она до сих пор трезвая, и хочет знать, что делать дальше. Я отвез ее на группу в Лейк Шор. Они сказали, что она может вступить в АА, но что она должна посещать другую группу. Несмотря на весь наш либерализм, мы все же не могли принять негритянку, — признается Оскар. Мы сели в холле и

разговаривали, еще парочка парней с нами, но к нам подошел менеджер и сказал, что мы должны уйти. Она была единственной чернокожей женщиной, поэтому нам пришлось организовать группу для нее.

Многие ребята помогали мне. Мы образовали группу вокруг нее, в негритянском квартале, на Седар Авеню, и очень быстро распространилась новость о “каких‑то сумасшедших, людях, которые могут помочь бросить пить”. Мы также нашли ей работу, лифтершей, но она ей не нравилась, потому что она не получала так много денег, как раньше.

Шофер одной известной семьи вступил одним из первых, и он привел еще двоих или троих, и довольно скоро набралось около 15 человек. К тому времени я уже собирался завершить работу с этой группой, и вот в один прекрасный день шофер приезжает на собрание на большом Ролс Ройсе. Он открывает дверь, и из машины выходит белый мужчина. Они оба входят внутрь, и шофер представляет всем нового участника группы, своего босса».

Несмотря на то, что «у нас тогда были предубеждения», Оскар вспоминает апрельский номер Кливлендского *Бюллетеня* (издание новостей АА) за 1945 год, который писал: «Мы, белые, если мы проповедуем братскую любовь, должны следовать ей на практике. И если негр обращается к нам за помощью и указанием пути, это наш Христианский долг дать ему самое лучшее, что есть в нас, понимая, что это человеческая душа, отданная нам в руки, и что мы можем либо помочь ей, либо погубить ее».

Кларенс С. вспоминает, как они продолжали работать с другим меньшинством — с отвергнутыми и опустившимися на самое дно. В 1942 году члены АА пришли в ночлежку Армии Спасения и начали разговор с людьми, которые не говорили ничего в ответ. В конце концов, парень, который, по–видимому, был их лидером, задал вопрос. Ответ, похоже, удовлетворил его, и он задал следующий вопрос. «Это было

началом, и дело пошло быстро», — говорит Оскар.

«Мы договорились с Армией Спасения о том, чтобы использовать их нижние комнаты, — рассказывает Оскар У. — Сначала мы пытались завлечь туда мужчин с помощью кофе и пончиков, но они не хотели в этом участвовать. Тогда мы придумали хитрость. Мы стояли снаружи с карманами, полными мелочи. Они подходили к нам и просили пять центов на чашку кофе, или десять центов заплатить за ночлежку. “Будьте честными, — говорили мы, — *для чего* они вам?” — Они отвечали: “Нам они нужны, чтобы купить курево у Смоуки Джо”, — и мы им давали.

Распространились слухи про каких‑то дураков, которые ничего не дают на еду или ночлежку, но дают немного мелочи, если ты хочешь выпить. Они начали нам доверять, и трое парней из цитадели[37] вступили в АА. Так получилось, что первым протрезвел сын семейной пары, работавшей в Армии Спасения, и они решили, что мы делаем прекрасное дело.

Они нас полностью поддержали и выделили нам 40 коек. Единственный способ, с помощью которого бездомный мог ее получить, это найти себе в АА спонсора. Их обследовали врач–терапевт и стоматолог, у них была еда и постель в течение 90 дней. А иногда они даже работали при этом.

Члены АА сами разрушили все это, когда пришли и начали учить сотрудников, как им вести свой бизнес. Да и не очень‑то многие протрезвели», — говорит Оскар.

Еще одно меньшинство в АА составляли те, кто говорил на других языках и не говорил по–английски. В начале 1940 года Дороти С. отмечала в письме в Нью–Йоркский офис, что им стало известно, что пара мексиканцев из западной части Кливленда «починили» кого‑то в Мехико.

Одним из мексиканцев в Кливленде был Дик П., пожалуй, первый испаноговорящий АА–евец, также как и первый из

---

[37] Офисы Армии Спасения называются «цитаделями», а сотрудники — «офицерами» (*пер* .).

тех, кто попытался донести послание АА за пределы южной границы страны. В то время нелегал в Соединенных Штатах, Дик пришел в программу АА в 1940 году, после истории о Ролли Х. в Кливлендском «*Plain Dealer* ». В 1963 году, спустя многие годы, после того, как иммигрантский статус Дика изменился, и он получил гражданство, Дик стал менеджером в Кливлендском Центральном Офисе.

Дик вспоминает свой приход в АА: «Гарри Р. пришел меня навестить и сказал, что я могу посещать группу в Очард Гроув, если я перестану врать, воровать и не буду пить. Я оставался трезвым, и начал навещать других мексиканцев, которые, как я думал, нуждались в АА. У меня не было ничего, кроме моих слов, и моя жена решила перевести несколько предложений из Большой Книги. Она переводила все дальше, и спустя какое‑то время предложила перевести ее всю. Работа была закончена в 1946 году. Когда я получил свой первый тираж, я привез ее в Нью–Йорк и подарил Биллу».

Еще раньше Дик возил в Мексику кое–какую литературу, которую он отдавал священникам и социальным работникам. «У нас там было собрание, и газеты нам немного помогли, но ничего особенного не произошло, — рассказывает он. — В конце концов, группа в Мехико была организована американской женщиной, чей муж был переведен туда из Соединенных Штатов».

А еще одним меньшинством были инвалиды. Норман У., слепой АА–евец, сделал Большую Книгу на языке Брайля в 1940 году и разослал ее из Кливлендской библиотеки другим слепым участникам. «Нас тогда было 19 человек», — рассказывает он.

Самым странным было то, что сам Норман так и не читал книгу. «Я не прочитал ни одного слова в АА, — говорит он. — Вам не нужно было читать. Вам не нужны были все эти брошюры, которые они выпускали. Вы могли научиться жить в этой программе, просто научившись думать.

АА — это прекрасная вещь, которую надо знать и применять, — говорит он, — но ко всей вашей жизни. Вы должны жить ею на улице. Если вы видите, что у кого‑то возникли проблемы, помогите им, независимо от того, кто они. Это — АА».

XX. АА Толедо обнаруживает: деление АА не является катастрофой

Благодаря событиям мая 1940–го в Кливленде, Сообщество получило еще бóльшую известность. На сей раз это было связано с бейсбольным защитником местных «Индианс» Ролли Х., который поймал неберущийся удар Боба Феллера.

Ролли оставался трезвым в АА уже год, и эта история, когда она выплеснулась в печать, стала сенсацией — не только в Кливленде и Огайо, но и во всех разделах спортивных новостей газет по всей стране.

Бесшабашный Ролли, как его когда‑то называли, поджигал машины, наводил ужас на поезда, еще пьяным он поймал мяч, брошенный с Кливлендской Вокзальной башни (он повторил это еще раз, после того, как протрезвел), в апреле 1939 года был близок к тому, чтобы его выгнали из лиги профессионалов, когда доктор Боб позвонил Джону Р.

Как вспоминает Джон: «Док сказал: “Ты здесь единственный, кто хоть что‑то знает о бейсболе. Ты знаешь игрока по имени Ролли Х.?” Я сказал: “Да, конечно знаю. Он защитник Кливлендской команды”. — “Правда? — сказал Док. — Что ж, кто‑то привел его сюда, и мы поместили его в госпиталь. Подъезжай и поговори с ним”.

Я забыл, под каким именем они его туда поместили, — рассказывает Джон, — но спортивный обозреватель из “*Beacon Journal* ” разозлился, как черт, из‑за того, что Док отказался сообщить об этом. Затем Ролли вышел из

госпиталя и стал ходить к Т. Генри. Он тоже прошел через все это.

Мы были там однажды вечером, и Ролли сказал: “Вы знаете, я не имею ничего против всего этого. Но когда я путешествую, у меня с собой только маленькая сумка, и Библия туда не влезает”.

В то лето Ролли присылал нам билеты на бейсбольные матчи, и Анна, Док, Элджи и я ходили туда, чтобы повидаться с Ролли после матча и потрепаться с ним. Когда Ролли протрезвел, его жена похудела, стала красить губы, и ох как здорово она теперь выглядела! Я думаю, у нее была привычка что‑нибудь есть, чтобы успокоить нервы».

Кларенс С. вспоминал, что Ролли, у которого был родстер[38] Паккард новой модели, хотел поехать на один из АА–евских пикников, и спросил, как нас найти. «Просто заезжай в парк и ищи кучку машин, которые выглядят так, как будто они со свалки, и ты найдешь нас, — объяснили ему. — Ты знаешь, мы изобрели автомобили без боковой подножки», — сказал Кларенс.

Был еще случай, когда товарищ по команде предложил Ролли выпить.

— Нет, спасибо, — ответил тот.

— Что случилось? — спросил его приятель. — Ты боишься, что будешь выглядеть полным дураком?

— Да, — ответил Ролли. — Так что выпей за меня, и делай полного идиота *из себя* .

Когда акронские АА–евцы покинули Оксфордскую группу, Ролли какое‑то время оставался с Т. Генри. Поэтому, когда стала известной его история алкоголизма, в 1940 году, его выздоровление считали заслугой Оксфордской группы. В тот раз, однако, Ролли нарушил свое молчание, и сказал, нет, заслуга в том, что он обрел трезвость, принадлежит Анонимным Алкоголикам.

---

[38] родстер — двухместный автомобиль с открытым верхом (*пер* .).

Кроме того, что эта история привлекла в АА сотни новых членов, она явилась первым в Сообществе нарушением анонимности на национальном уровне. Это вызвало некоторое беспокойство среди АА–евцев, но, честно говоря, Ролли нельзя было в этом винить.

Позже, комментируя то, что, по его мнению, составляло разницу между Оксфордской группой и АА, Ролли сказал: «Вы знаете, если бы кто‑нибудь стал давать мне советы по поводу бейсбола, а я бы обнаружил, что он никогда в него не играл, я бы не обратил на его слова никакого внимания. И то же самое с алкоголем».

Одним из тех, кто стал трезвым в результате этой истории, был обосновавшийся в Толедо торговец, Дюк П. Его босс прочитал сообщение и позвал Дюка и его жену Кэти для разговора. Он сказал: «Дюк, я думаю, что это АА будет для тебя полезным, потому что оно верно с психологической точки зрения, и здраво с религиозной. С тобой придут поговорить пара мужчин. Делай все, что они тебе скажут. Если они захотят, чтобы ты поехал в Акрон и провел с ними выходные, сделай это. Мы оплатим все расходы».

Мужчинами, которые пришли, были Чарльз («Си Джай») К. и Эдди Б., которые летом 1939 года находились в лечебнице штата для душевнобольных, в Толедо, по своему собственному желанию, когда им показали рукопись Большой Книги. На них это произвело такое сильное впечатление, что они выписались из лечебницы и уехали жить в Акрон. После этого отец «Си Джая» сказал ему, что он будет оплачивать все его расходы, если он не вернется в Толедо.

Как рассказывает Эрни Г. второй, АА в Толедо появилось еще раньше: «Когда я пришел в АА в мае 1939 года, там был парень, который вернулся из госпиталя, — рассказывает Эрни. — Он так и не протрезвел, но у него была рукопись книги, и он взял ее в госпиталь штата в Толедо. Вот как Вальтер С. получил ее».

Так или иначе, «Ч. Дж.» должен был получить от своего

отца разрешение, чтобы вернуться в Толедо и поговорить с Дюком. Кэти, которая все время утирала слезы с глаз на интервью через 38 лет после этого события, вспоминает, как она тогда думала: «Какая же ты дрянь, что посылаешь своего мужа туда, в Акрон, проводить выходные с больными из лечебницы для душевнобольных?»

«Меня положили в городской госпиталь с “острым гастритом”, — рассказывает Дюк, заметив вскользь, что в те дни палаты в госпитале были дешевле, чем номера в отеле. — Но в тот вечер я пошел к Уолли Г. домой. Я был поражен — там сидела дюжина людей, которые называли друг друга пьяницами и алкашами, и не обижались. У Уолли были седые волосы со стальным отливом, и он выглядел, как Уоррен Хардинг. Казалось, что в целом мире у него не было ни одной проблемы. Хотя он был уволен из W. P. A. (W. P. A. — Администрация по обеспечению работой, была Федеральной программой обеспечения занятости, организованной во время Депрессии 1930–х годов).

На следующее утро меня пришел навестить не кто‑нибудь, а доктор Боб! Он просто излучал очарование, любовь и доверие — все те качества, которые у меня отсутствовали. Он сказал: “Дюк, все будет в порядке”. — И я понял, что все будет хорошо.

После его ухода в душе моей поселился покой. Страх ушел. Я знал, что когда я увижу Кэти, я расскажу ей все. И когда я это сделал, она знала, что я говорю правду, впервые в жизни.

В тот понедельник Кэти поехала со мной в Янгстоун, штат Огайо, — рассказывает Дюк. — Когда я туда приехал, я познакомился с Нейлом К., которого предупредили о моем приезде. Он пригласил нас на ужин в тот вечер. Я позвонил Кэти и сказал ей об этом. Когда я вернулся назад в отель, она была в слезах. “О чем я могу говорить с этой женщиной? — сказала она. — Мы не знаем этих людей”. — “Мы должны пойти”, — ответил я. “Мы никогда ничего подобного не

делали, — сказала она. — Мы не представлены”. — “Это новый стиль жизни”, — объяснил я.

И конечно же, мы не пробыли там еще и пяти минут, как уже называли друг дружку по имени. Я даже сделал Двенадцатый Шаг в тот вечер. Они привели нового человека, и мы уселись на веранде. Он нервничал и был возбужден, и я начал с ним разговаривать — я, 36–часовой “ветеран”! Он сказал: “Вам хорошо, вы так давно друг друга знаете”. Он не мог поверить, что я был для них точно таким же полным незнакомцем, как и он».

Так же, как и другие немногочисленные участники АА из Янгстоуна и других городов Огайо, по вечерам в среду Дюк и Кэти ездили из Толедо в Акрон, чтобы участвовать в собраниях в Королевской школе. «За пять минут, прямо со своего места, доктору Бобу удавалось передать нам с Кэти такой заряд вдохновения, чтобы мы продержались до следующего раза.

А потом, в Кесслер Донат Кафе, мы старались сесть поближе к доктору Бобу, если нам это удавалось. Он обычно потчевал нас историями. Если находилось какое‑нибудь выражение на сленге, чтобы заменить обычное слово, он его использовал. Долларовая бумажка у него была лягушачьей шкуркой. А когда вы задавали ему вопрос, он обычно говорил: “К чему спрашивать меня? Я не оракул”. Мы проводили там многие часы.

Он делал жизнь такой приятной и увлекательной, — говорит Дюк. — Он был для вас как отец, или дядя, и он любил всех. Но особенно он любил Билла Уилсона.

Он очень беспокоился о Билле. “У меня все в порядке, — говорил он, — время от времени я делаю операции. Мы должны сделать что‑нибудь для Билла”. А Билл говорил: “У меня все в порядке, но мы должны сделать что‑нибудь для Смита”. Между этими людьми была такая же любовь, как между Давидом и Джонатаном. Это так здорово, оглядываясь в прошлое, думать обо всем этом.

Анна дарила нам ощущение надежности, — рассказывает Дюк. — Она всегда говорила правильные вещи, о чем бы ни шла речь. Вы просто не могли злиться, или чувствовать враждебность к кому‑либо в ее присутствии. Она всегда говорила, что для того чтобы узнать, как человек себя чувствует, вы должны пройти милю в его ботинках».

«Я помню, как она советовала мне не удивляться, если Дюк начнет пить снова, — рассказывает Кэти. — “Почему вдруг?” — спросила я. “Он еще не испытал всех тех проблем, которые испытали другие — ответила Анна. — У него еще не было настоящих проблем”. — “Мне кажется, что у него постоянные проблемы, все время”, — сказала я».

Дюк больше никогда не пил. Через несколько месяцев, в сентябре 1940 года, он и другие АА–евцы из Толедо организовали собственную группу. Дюк вспоминал, что на первом собрании в большом доме Т. Рут у реки было 13 человек. Восемь из них были алкоголиками. Среди участников были также Рут и Эрни Г., которые недавно переехали из Акрона. Кстати, даже собрание было отложено на неделю, чтобы они могли на нем присутствовать.

Эрни вспоминает, как доктор Боб сказал тогда: «Я ужасно рад, что вы едете в Толедо, потому что им там нужна помощь». И добавляет: «А Анна посоветовала нам уделять больше внимания духовной стороне собраний, и тогда мы добьемся успеха.

По субботам мы ездили в Акрон повидаться с доктором Бобом. Мы обсуждали все, что происходило, и если у нас возникали проблемы, он молился об этом. “Опирайтесь на духовность, — говорил он. — Если вы опираетесь на принципы, а не на личности, если вы активны и делитесь своей программой с другими людьми, она будет работать”. Еще он говорил: “Алкоголь — великий уравнитель людей, но и АА тоже”».

По воспоминаниям Дюка, был еще один парень, Чет М., который также находился в госпитале штата. Чет забирал

пациентов у доктора Кайзера в госпитале, оставлял расписку и возил их на собрания в Толедо. «Таким образом мы получали своих первых новичков вплоть до декабря 1940 года, — рассказывает Дюк. — Прямо из психушки».

Группа в Толедо собиралась в доме Рут Т. до января, а затем они наняли зал за 10 долларов в месяц. «Владелец был очень рад сдать его АА, потому что он очень уважал атлетические ассоциации, — рассказывает Дюк. — "У меня есть правило, — сказал он нам. — Я не разрешаю крепких напитков в этом зале. Я ничего не имею против полбочонка пива иногда, но у меня полный запрет на крепкие напитки". И вы знаете, он так никогда и не узнал, что АА не было *а* тлетической *а* ссоциацией.

Кэти была нашим первым казначеем, поскольку были возражения против того, чтобы это делал АА–евец», — говорит Дюк. Он также отдал должное своей жене за введение "лучшего 24–часового плана":

«Это было связано с парой, которая находилась в таком конфликте, что в воздухе просто ощущалось электричество. Кэти сказала мужу: "Ты дал обещание оставаться трезвым в течение 24 часов. Хорошо, а теперь как насчет того, чтобы пообещать любить Грейс в течение 24 часов?" Затем она предложила то же самое Грейс. В следующую пятницу эта пара пришла на собрание, держась за руки.

Еще у нас тогда был мужчина по имени Боб, которого привели в программу как раз тогда, когда он готов уже был покончить с собой. Через несколько дней после этого Боб поехал по вызову Двенадцатого Шага с Вальтером С. Потенциальный новичок выслушал их и сказал: "Все, что вы говорите, очень интересно, но я не думаю, что это мне подходит. Однако у меня есть друг, чей брат действительно может воспользоваться вашей помощью".

— А кто он такой? — спросил Боб.

— Я не знаю его имени, но его сестру зовут Эдит М.

— Погоди, это же *моя* сестра, — сказал Боб, которому

только что посоветовали исполнить Двенадцатый Шаг для самого себя!

Первым местом госпитализации, организованной АА–евцами в Толедо, оказалось отделение акушерства Женского и Детского госпиталя, — рассказывает Дюк, добавляя, что это было единственное место, куда они смогли пристроить новичка. — Его выводили из запоя, давая унцию виски каждые пять часов. Спустя некоторое время, когда он попросил свою очередную дозу, медсестра сказала: “Мистер Б., Вы не хотите обратить хоть какое‑нибудь внимание на то, что эти люди Вам говорят? Давайте попробуем, сможете ли Вы отказаться от следующей порции”. И после этого он уже в рот не брал спиртного.

Настал болезненный момент, когда мы выросли настолько, что пришлось создавать больше групп, — рассказывает Дюк. — Один парень даже напился из‑за этого. “Вы собираетесь разделиться”, — сказал он. Но это не было разделением, это было распространением. У нас был план, мы поделили деньги и организовали собрания по территориальному принципу. Это не было расколом на почве негодования или обид, хотя обиды все равно бывали. Когда мы (Дюк и Кэти) уезжали из Толедо на Пасху в 1942 году, там было уже несколько групп.

Мы также ездили на первое собрание АА в Янгстоун. Я говорю “мы”, потому что все местные сообщества помогали друг другу. Собрание проходило в гостиной в доме Нейла К. Доктор Боб вел собрание, и опираясь на каминную полку, просто говорил с нами».

В это время путешествующие коммивояжеры также играли важную роль в распространении молвы об АА за пределами Кливленда и Акрона, в которых они вступили в Сообщество. Они останавливались в небольших городках на своем пути, чтобы поговорить с потенциальными участниками, или «одинокими волками», чьи имена сообщались им тем или иным способом — зачастую АА–

евцами из Нью–Йорка.

Живя в Толедо, Эрни Г. второй (в 1977 году, когда брали интервью, он возился с юнцом, трезвым всего шесть месяцев, двадцати с небольшим лет от роду), помог организовать работу нескольким группам в западном Огайо и южном Мичигане, так же как и Дж. Д. Х., вложивший немало сил во время своих поездок по работе.

Книга «Анонимные Алкоголики» вышла из печати через три года после того, как Дж. Д. вступил в акронскую группу. После этого, говорит он, «я обычно возил три или четыре экземпляра Большой Книги в своей машине. Если в какой‑то группе не было книг, я давал им одну из них, и еще несколько брошюр — или я знал, кто был секретарем в соседней группе, и договаривался о том, чтобы они связались друг с другом. Иногда вам попадался одинокий волк. Приходилось проделывать 30 или 40 миль в сторону от своего маршрута, чтобы попасть в городок из 400 жителей и повидаться с парнем, чье имя ты получал в офисе».

Дж. Д. рассказывает о своем друге, Доэрти С., «создавшем больше групп в Индиане, чем кто‑либо другой. Он хотел свести одинокого волка из одного городка с другим, жившим в другом городке, чтобы они позавтракали вместе в воскресенье. Мне пришлось ехать туда в субботу вечером, и потратить половину ночи, чтобы добраться. Паршивая была поездка, с пересадками с поезда на поезд и так далее. Обратно уезжал оттуда около полудня, чтобы добраться домой. Я потратил 10 или 12 часов, чтобы проехать 160 миль. Но это был очень интересный опыт».

Иногда это бывало более чем интересно. «Я приехал навестить одну группу, которую я помогал открывать во время своих поездок, — рассказывает Оскар У., — и там оказалось четыре священника, сидящих в первом ряду. Я сказал: “Не замечательно ли это? У нас четыре священника в АА”.

Один из них встал и сказал: “Мы — не священники–

пьяницы. Мы — приемная комиссия *для* Анонимных Алкоголиков, призванная определить, кто пригоден к вступлению”».

Одним из наиболее известных первых странников за пределами Кливленда был Ирвин М., который продавал венецианские маркизы большим универмагам Глубокого Юга. «Ирвин весил 115 килограмм, был полон сил и работал с удовольствием», — пишет Билл Уилсон, замечая, тем не менее, что «перспектива заполучить Ирвина в качестве миссионера пугала нас довольно сильно».

Был составлен длиннющий список потенциальных участников АА, проживавших на его территории, коий и передали ему с неохотою, поскольку он «нарушил все правила предосторожности и благоразумия по отношению к новичкам». Он объезжал всех и каждого, работая денно и нощно. Кроме того, он писал им письма, и добился того, что они стали писать друг другу. «Он изъездил всю территорию вдоль и поперек, — пишет Билл, — и то ли основал, то ли инициировал создание многих первичных групп».

Ларри Дж. был газетчиком, приехавшим в Хьюстон, штат Техас, из Кливленда. Там он написал серию из шести статей об АА для Хьюстонской «*Press* ». Статьи представляли собой выдержки из Большой Книги. Среди тех, кто связался с Ларри после прочтения этих статей, был Рой У., который стал первым техасцем, сумевшим обрести трезвость и остаться трезвым. Это было началом АА в Техасе.

Позже Рой пошел в армию, и пока они располагались на базе в Темпе, штат Флорида, организовал первую группу на западном побережье Флориды. Другой АА–евец из Хьюстона переехал в Майами, и стал одним из пионеров АА там.

По мере того, как шли годы и образовывались группы, путешествующие АА–евцы продолжали заезжать на их собрания, привозили послания и литературу, помогали устанавливать связи между секретарями этих групп, делясь опытом и давая инструкции, когда это было необходимо. В

этих новых группах путешественники видели те же самые болезни роста, через которые прошли АА–евцы в Акроне и Кливленде, и зачастую могли реально помочь им ускорить свое развитие и пройти начальный этап. Оказалось, что группы АА, так же как и члены АА, не всегда должны учиться только на собственном опыте. Они могли научиться и вырасти, используя опыт других.

XXI. Заботы группы и злая молва

Форма ведения собрания в Кливленде изменялась несколько иначе, чем в Акроне. «Мы открывали собрания молитвой вслух, — рассказывает Кларенс. — Спикер, который выбирался за четыре недели до этого, говорил в течение 45 минут, и закрывал собрание молитвой “Отче Наш”.

Затем мы вновь открывали собрание и переходили к неформальным комментариям, вопросам и так далее. В целом собрание могло продолжаться от полутора до двух часов. Курить не разрешалось во время первой части собрания, только во время неформальной части.

Проблема в том, — говорит Кларенс, — что сегодня к этому относятся слишком легкомысленно. Я считаю, что немного дисциплины все‑таки необходимо. Думаю, что АА было гораздо эффективнее в те дни. Данные в Кливленде показывают, что 93 процента из тех, кто приходил к нам, никогда больше не срывались. Когда я обнаружил, что у людей в АА бывают срывы, был просто потрясен. Сегодня все слишком расплывчато. Теперь любой может к нам забрести».

Уоррен К., также один из первых кливлендских АА–евцев, высказался об АА несколько более оптимистично, когда у него брали интервью в 1977 году. «Я думаю, что программа осталась такой же, — говорил он. — Принципы

все те же; Шаги все те же; правила все те же; и шансы все те же. Если вы делаете то, о чем говорится в Большой Книге, тогда это та же самая программа, которая существовала, когда я пришел в нее в 1939 году.

Сейчас у нас больше людей, которые приходят и уходят, — говорит он. — Но это и понятно, потому что нас стало больше. Люди, которые хотели оставаться трезвыми тогда, делали то, что предлагала программа. И сегодня люди, которые хотят оставаться трезвыми, делают то, что программа советует им делать. Единственная разница состоит в том, что сегодня я уже не знаю каждого, кто участвует в программе.

Очень важно то, что сегодня в программу приходят люди, потерявшие все до копейки, потерявшие жен и детей. Этого не было первые дни. У них было немного денег, но у большинства из этих мужчин были жены и семьи.

Другим отличием является то, что сегодня в программе очень много молодых. Например, мой сын вступил в программу, когда ему был 31 год. Я пришел, когда мне было 38. Эти семь лет дают колоссальное преимущество.

Я завязал в 36 лет, — рассказывает Уоррен. — И вот теперь мне 76. Когда вы остаетесь трезвым в этой программе так долго, как я, на вас смотрят и хотят слышать все, что вы скажете, независимо от того, важно это или нет. Возможно, новые АА–евцы могли бы предложить вам что‑нибудь гораздо более важное».

К сентябрю 1940 года, как сообщили Биллу в Нью–Йорк из Кливленда, кроме их собственных шести собраний на 400–500 участников, в штате Огайо собрания проводятся также в Акроне, Толедо, Янгстоуне, Дейтоне, Равенне, Вустере и Кантоне.

Дороти С., жена Кларенса сделала запрос о возможности отпечатать мимеографический указатель[39] о «том, где есть

[39] мимеографический указатель, или справочник — это указатель, в котором не содержатся подлинные имена, а лишь псевдонимы или условные имена.

люди», а также предложила выпускать газету, которую можно было бы рассылать по всем группам и «сделать людей ближе друг другу». До этого АА–евцы в Огайо просто зачитывали письма от Билла на собраниях, и, в свою очередь, Билл зачитывал письма из Акрона и Кливленда на собраниях в Нью–Йорке.

Действующий алкоголик, и даже тот, кто пил недавно, определенно не приветствовался на первых собраниях в Кливленде. В сентябре 1940 года Кларенс пишет Биллу, что «некоторые группы не разрешают алкоголику присутствовать на собрании, если он не прошел госпитализации, или с ним не поговорило как минимум десять человек». Кларенс отмечает, что в то время у них были «определенные договоренности» с тремя госпиталями и двумя лечебницами, и что в них постоянно проходили госпитализацию от 10 до 15 человек.

К январю 1941 года требования были упрощены — чуть–чуть. Кларенс пишет, что «в большинстве групп» требуется либо госпитализация, либо разговор, по крайней мере, с пятью АА–евцами, либо разрешение комитета, прежде чем новичок сможет посетить собрание.

В Янгстоуне было принято, чтобы две пары посетили кандидата, прежде чем тот сможет присутствовать на своем первом собрании. Муж обычно беседовал с мужчиной и рассказывал ему об АА, а женщина разговаривала с его женой. «Таким образом они уже знали, о чем собственно идет речь, когда в конце концов попадали в АА», — говорит Норман У.

«В каждой группе существуют свои отличительные особенности. — пишет Кларенс. — Но общая идея состоит в том, чтобы подготовить человека и дать ему достаточно хорошее понимание целей и принципов АА до того, как он придет на собрание. Это в значительной мере позволяет избежать неприятностей, возникающих в случае появления

парней в состоянии опьянения на наших собраниях».

«Если на собрании оказывался пьяный, трое–четверо парней выводили его наружу и беседовали с ним», — вспоминае другой ранний АА–евец.

«На собраниях в Кливленде не разрешалось присутствовать людям со стороны, но разрешалось присутствовать семьям, — рассказывает Уоррен К. — В некоторых группах семьям разрешалось присутствовать на первой части собрания, но затем говорилось: “Не будут ли женщины так любезны покинуть нас во время второй части?” Одна из первых АА–евок встала, думая, что это относится к ней».

Как отмечалось в предыдущей главе, статус женщины в сегодняшнем АА заметно изменился. Но некоторые другие ранние правила кливлендских групп — такие как клубы для членов АА и анонимность участников — до сих пор имеют сходное звучание.

«У нас было также несколько клубов, — рассказывает Уоррен К., — но они превратились в клубы для игры в покер и продержались недолго. Мы считали, что это неправильно, и препятствовали их созданию. Все группы были независимыми. У них были свои секретари и представители.

В том, что касается анонимности, *мы* знали, кто мы. Это касалось не только АА, но также нашей общественной жизни. Казалось, что нашу жизнь мы проводили вместе. Мы брали людей к себе домой на просушку. У кливлендской группы были имена, адреса и телефонные номера всех участников, — рассказывает Уоррен. — Кстати, я помню, как доктор Боб говорил: “Если бы я встал и назвал себя доктором Бобом С., то людям, которым требовалась помощь, было бы очень трудно со мной связаться”».

Уоррен вспоминает: «Доктор Боб говорил, что есть два пути нарушения Традиции анонимности: (1) назвать свое имя на публичном уровне, например, в прессе или на радио; (2) быть настолько анонимным, что к тебе не смогут обратиться

другие пьяницы».

В статье журнала «Грейпвайн» за февраль 1969 года Д. С. из Сан Матео, штат Калифорния, писал, что доктор Боб комментировал Одиннадцатую Традицию следующим образом:

«Поскольку наша Традиция анонимности точно определяет уровень, через который проходит эта граница, для каждого, кто читает и понимает по–английски, должно быть ясно, что сохранение анонимности на каком‑либо другом уровне определенно является нарушением этой Традиции.

АА–евец, который скрывает свою личность от другого АА–евца, используя только свое прозвище, нарушает Традицию в той же мере, что и АА–евец, дающий разрешение на то, чтобы его имя появилось в прессе в связи с вопросами, имеющими отношение к АА.

Первое является сохранением своей анонимности *выше* уровня прессы, радио и кино, а последнее — это поддержание своей анонимности *ниже* уровня прессы, радио и кино — тогда как Традиция определяет, что мы должны сохранять анонимность *на* уровне прессы, радио и кино».

Эрни Г. из Толедо, говоря о том, что он считает усилением анонимности внутри АА сегодня по сравнению с прежними днями, говорит: «Однажды вечером я отправился в Джексон (штат Мичиган), и все подходили ко мне и говорили: “Я Джо”, “Я Пит”. Затем один парень сказал: “Счастливого пути домой. Если у тебя возникнут какие‑нибудь проблемы, звякни мне”. Позже я сказал парню, который был со мной: “Ты знаешь, предположим, у нас действительно возникли проблемы по дороге домой. Как мы сообщим об этом кому‑нибудь в АА? Мы не знаем ничьих фамилий”. Черт побери, они так далеко зашли с этой анонимностью, что это становится смешным. У меня была книжка (по–видимому, одна из тех маленьких адресных книжек, составленных первыми АА–евцами или их женами),

в которой были первые сто имен — имена и фамилии — *а также* их телефоны и адреса».

Взгляды самого доктора Боба на вопросы анонимности оставались четкими, по воспоминаниям Джо П. из Акрона (выпускника Дартмута). Хотя это и было не в традициях АА в середине 1940–х годов выступать перед кем‑нибудь кроме алкоголиков, Джо отмечает, что несколько членов организовали неофициальный комитет по информированию общественности, который начал общаться с клубами Ротари и Киванис по всему штату.

«Разумеется, сначала мы должны были получить разрешение от доктора Боба. Он говорил, что вы не должны нарушать своей анонимности в газетах или на радио, но он не думал, что удастся хоть чего‑то добиться, если люди не будут знать о вашей принадлежности к АА. У него было твердое убеждение, что вы вправе дать знать людям в своем районе, что вы являетесь членом АА, и он всегда считал своим долгом сказать вам об этом каждый раз, когда вы с ним виделись».

Уважение и любовь к д–ру Бобу как сооснователю и строгому поручителю все же не смогли избавить его от критиков, распространявших слухи.

Огромное уважение, которое большинство местных сообществ АА испытывало к мнению доктора Боба и к нему самому, было формально выражено осенью 1941 года. Кларенс С. и другие кливлендские участники собирались организовать День доктора Смита, который состоял бы из программы выступлений и общения участников в течение всей второй половины дня, и официального ужина в конце. Он пригласил Билла, заметив, что «Доку доставит огромное

удовольствие увидеться с тобой». В то же время Кларенс писал: «Я ездил в Акрон и, откровенно говоря, крайне напуган состоянием Дока. Он отнюдь не в лучшей форме, и не должен волноваться. В его положении это довольно трудно. Поскольку Док настолько порядочен, что старается не подавать виду, его необходимо освободить от каких‑либо мелочей, насколько это возможно. Так много людей не думают о том, что Док уже не юноша, и продолжают давить на него со всех сторон».

Билеты на званый ужин и остальные мероприятия стоили 1 доллар 35 центов — и не требуется большого воображения для тех, кто когда‑либо работал в комитете по организации обедов, чтобы понять, что некоторые члены жаловались на то, что это очень дорого.

Как бы то ни было, 900 АА–евцев и членов их семей участвовали в этом мероприятии. В числе выступающих были, среди прочих, доктор Боб, Билл Уилсон, Билл Д. и Генриетта Сейберлинг. И, как вспоминает Дюк П., они скинулись, чтобы купить Военный Бон (облигацию) для Дока за 75 долларов (который стоил еще только 67,50 долларов). Члены группы из Толедо дополнительно собрали еще денег для оплаты проезда Билла из Кливленда в Толедо и обратно, чтобы он мог также посетить их. «Мы не могли оплатить отель для Билла, поэтому он остановился у нас дома, — рассказывает Дюк. — Другие АА–евцы пришли к нам, и мы провели всю ночь за разговорами».

Сооснователей АА отнюдь не всегда восторженно приветствовали дарами и подношениями. В 1942 году Кливленд облетела весть, что Нью–Йоркский офис и Большая Книга являются ни чем иным, как формой рэкета. Слухи главным образом были связаны с получением доходов от продажи книги.

Кларенс С. рассказывает, что он не знал о том, что кто‑либо из них двоих, Билл Уилсон или доктор Боб, получали доходы с продаж, до тех пор, пока «я не встретил

Билла на вокзале, когда он приехал на празднование Дня Дока Смита.

Он сказал мне это тогда, — говорит Кларенс. — Я был поражен. Я думал, что этот труд был проделан ради любви — никто не должен был получать никакие доходы. Билл не делал никаких пояснений по этому поводу. Люди в Нью–Йорке знали об этом, и он полагал, что доктор Боб сказал об этом АА–евцам в Акроне.

Билл хотел рассказать об этом в Кливленде — но только о себе, а не о докторе Бобе, — рассказывает Кларенс. — Он готов был рассказать обо всем этом. Я сказал ему: “Не сейчас”, и что я обязательно с этим разберусь».

Вскоре после этого у Кларенса произошел серьезный спор с доктором Бобом, который «в какой‑то мере повредил нашим отношениям. Я его очень уважал, и был разочарован, — говорит Кларенс. — Анна очень переживала из‑за этого. Это было одной из тех вещей, которых так хотелось бы избежать, но это произошло».

Возможно, было бы лучше, если бы Билл последовал своему чутью и поговорил с кливлендскими АА–евцами сразу по приезде на тему доходов от книги. Несмотря на уверения Кларенса, что он позаботится об этом, кто‑то начал распространять эти слухи. Нет необходимости говорить, что все было сильно извращено.

Желая разрешить эту ситуацию лицом к лицу, часть кливлендских АА–евцев организовала обед для доктора Боба и Билла, на котором сооснователям предложили выступить. После обеда, на который пришло не слишком много людей, «почетным гостям» предложили обсудить этот вопрос с председателями либо секретарями всех местных групп, в присутствии адвоката и лицензированного бухгалтера на закрытом заседании. Члены АА сказали, что по слухам, Билл и Боб получают фантастические доходы от книги, и в 1941 году получили на двоих 64000 долларов.

В то время, кстати, Билл получал 25 долларов в неделю от

продажи книги. Дополнительно к этому, оба, он и доктор Боб получали еще по 30 долларов в неделю, благодаря пожертвованиям преуспевающих не–членов Сообщества, настроенных дружески по отношению к АА. (Седьмая Традиция АА — о самообеспечении, как групп, так и АА в целом — еще не сформировалась, и появилась только через четыре года после этого). Отчеты показывают, что в целом, доктор Боб получил 1000 долларов за 1941 год; как оказалось, даже эти 30 долларов в неделю не всегда приходили.

Билл просто «случайно» принес с собой на обед сертифицированный аудиторский отчет обо всех финансовых операциях АА с самого начала. Сертифицированный аудитор комитета по расследованию зачитал документ вслух и подтвердил его правильность. Обоим, Биллу и доктору Бобу, были принесены извинения.

Присутствующие представители групп обещали, что они сделают все возможное, чтобы остановить распространение этих слухов, но это им так и не удалось, по мнению Билла. Разговор о дополнительных доходах продолжался многие годы.

Печальная ирония этой истории заключается в том, что в начале 1941 года доктор Боб написал в Фонд Алкоголиков (Попечительский Совет АА), что он считает идею получения доходов от книги «неблагоразумной», и что книга должна быть «собственностью фонда на 100 процентов». Билл придерживался той же позиции, хоть и не был против доходов от продажи книги; он передал фонду свои акции в компании, организованной для издания книги — но с условием, что доктор Боб и Анна будут получать доходы от продаж в течение всей своей жизни.

Каждый из сооснователей, по–видимому, беспокоился (и имел для этого основания) о финансовой ситуации другого. Первой реакцией доктора Боба было, что Билл нуждается в доходах от книги больше, чем он сам. Но его собственный доход сильно колебался, и каким бы оптимистом он ни был в

отдельные моменты, у него была семья, о которой он должен был заботиться. Поэтому нежелание доктора Боба получать деньги отступило под влиянием реальных обстоятельств.

В действительности, разговор о «доходах» носил, в основном, академический характер, вплоть до настоящего момента. Суммы, полученные благодаря этой категории доходов, шли, в основном, на поддержку главного офиса. Но к концу 1942 года продажи Большой Книги возросли, и каждый из сооснователей получил, в целом, по 875 долларов доходов от книги за этот год — все‑таки очень далеко от вымышленных 32 000 долларов каждому.

XXII. Впечатления ветеранов о докторе Бобе

Как показала ситуация с получением дополнительных доходов, отношение АА–евцев к своим сооснователям изменилось в сторону некоторого уменьшения благоговения, распределяясь от любви и благодарности со стороны большинства членов до изредка встречавшейся вражды и подозрительности. Эта свобода мнений полностью соответствует сообществу, основанному на равенстве — где один пьяница разговаривает с другим, но никогда не унижает его.

Ни доктор Боб, ни Билл никогда не хотели, чтобы о них говорили что‑нибудь иное, кроме того, что они действительно собой представляли — как об обычных алкоголиках и обычных людях.

К 1942 году Билл уже не пользовался такой любовью и уважением у Кларенса и его группы в Кливленде, как в первые дни. В последующие годы происходили дальнейшие столкновения по вопросам финансов, политики, Генеральной Конференции Обслуживания АА и другим поводам. Критика была направлена больше на Билла, чем на Боба.

«Люди в Нью–Йорке решили, что они являются

главными, и мы ревновали, — говорит Оскар У. — Боб был не таким. У него был чудесный характер. Я не знаю, откуда у нас была эта инстинктивная враждебность. Кларенс не любил Билла и обычно ругал его, так что, как вы понимаете, я повторял вслед за ним, — рассказывает Оскар. — Если что‑нибудь плохое приходило из Нью–Йорка, я винил Билла. Мне нужно было кого‑нибудь обвинять.

В Акроне большинство из нас не любило все эти молитвы, — говорит Оскар. — Нам их хватило в Оксфордской группе. Я до сих пор не люблю молитвы в АА. Я не люблю Молитву о Душевном Покое. Нью–Йорк ввел ее, и мы негодовали по этому поводу. Мы думали, они хотят вернуться назад, к Оксфордской группе.

Они хотели выгнать меня из АА из‑за того, что молитва мне не нравилась. Билл написал им, что в таком случае им придется выгнать из АА всех, потому что мы все похожи друг на друга» (по–видимому, все склонны время от времени выражать недовольство).

Нельзя также сказать, что у доктора Боба не было своих злопыхателей. «Его и любили и не любили, — говорит один АА–евец. — Одни считали, что он недостаточно признавал заслуги Генриетты Сейберлинг, или Оксфордской группы; другие — что он был слишком консервативен и слишком строг — и что стоит вам прийти к нему, как он начинает читать вам наставления, и так оно и было. А если вы хотели его видеть, *вы* должны были прийти к *нему* ».

«Он не разыгрывал из себя политика, — говорит Эд Б. — Это обидело бы одну группировку, или другую. Был у нас один парень, Сэм С., с которым вечно были проблемы. Он организовал свою собственную группу и попросил доктора Боба выступить на ее открытии. Мы послали Эда М., чтобы он попросил доктора Боба не ездить туда. Я не знаю, что Боб ему сказал точно, но это было что‑то вроде: “Эти люди организуют группу, чтобы помочь другим алкоголикам. Меня попросили туда поехать, и я поеду. Я еду туда не

из‑за Сэма. Я еду туда ради людей, которые там находятся”.

И он никогда не слушал сплетни, — рассказывает Эд. — Некоторые приходили, чтобы рассказать их, и я помню, как он говорил им: “Прежде чем вы скажете что‑нибудь об этом человеке, вы должны привести его сюда *вместе* с вами”. Он прекращал все это очень быстро».

Доктор Боб был самым терпимым человеком среди всех, кого я знал, и я не верю, что он относился враждебно к кому‑нибудь, — говорит Лэвелл К. — Он всегда был очень скор на похвалу и никогда не спешил с осуждением. Он всегда мог найти какое‑нибудь возможное оправдание для чьего‑либо неподобающего поступка».

Генриетта Д. (жена АА–евца номер три) вспоминает, как доктор Боб говорил: «Если спикер не говорит в точности того, что, по вашему мнению, ему следовало бы сказать, не критикуйте его. Может быть, он говорит именно то, что хочет услышать какой‑то человек в заднем ряду».

Но «мы все не святые». Временами доктор Боб мог быть упрямым или догматичным, и имел склонность поспорить по тому или другому поводу. «Должен вам сказать, он был довольно упрямым парнем, — говорит Джон Р. — Если у вас обоих было какое‑то мнение, и он думал об этом по–своему, вы были совершенно неправы, а он прав».

Тот факт, что доктор Боб был «неподатливым» и мог выражать свои мысли грубовато и прямо, и иногда представлял программу АА по принципу «принимайте все как есть или уходите» — вероятно сыграло немалую роль в создании впечатления нетерпимости и упрямства. В действительности, он всегда был не только открыт для новых идей, но был готов к изменениям и имел ненасытное любопытство.

Терпимость нелегко давалась доктору Бобу. «Я слышал, как он говорил, что ему очень трудно быть терпимым, — говорит Смитти, — что это не было свойственно его

характеру и требовало больших усилий. Он унаследовал терпимость от мамы, и ему пришлось над этим очень много работать».

Как говорил об этом сам доктор Боб: «Еще одна вещь, которая оказалась для меня очень трудной (и, возможно, в этом я до сих пор не на высоте), это вопрос терпимости. Мы все имеем склонность к узости мышления, и склонность преизрядную. Это является одной из причин, по которой людям так трудно дается духовное учение. Они не *хотят* слишком много знать о нем по разным личным причинам, например, из опасения показаться слабыми. Но крайне важно понимать, чтобы мы‑таки обретаем терпимость к мнению других людей. Я думаю, что сейчас у меня больше терпимости, чем было раньше, но все же еще недостаточно. Если чье‑то мнение не совпадает с моим, я готов сделать довольно едкое замечание. Я делал это много раз, к моему большому сожалению. А затем, спустя какое‑то время я обнаруживал, что этот человек знал о предмете разговора гораздо больше, чем я. И было бы бесконечно лучше, если бы я держал свой большой рот на замке».

В июльском номере журнала Грейпвайн за 1944 год доктор Боб писал о терпимости:

«Терпимость проявляется разными способами: в доброте и заботе по отношению к мужчине или женщине, делающим свои первые шаги на духовном пути; в понимании тех, кому в получении образования посчастливилось меньше, чем вам; и в симпатии к тем, чьи религиозные взгляды кажутся вам сильно отличающимися от ваших.

В связи с этим, — продолжает он, — мне представляется картина ступицы колеса с радиально отходящими спицами. Мы все начинаем с внешней окружности и добираемся до пункта назначения по одной из многих дорог. Говорить, что одна спица лучше всех остальных, будет верным только в том смысле, что она лучше приспособлена для вас лично. Человеческая природа такова, что без некоторого уровня

терпимости каждый из нас, может быть, склонен поверить в то, что именно он нашел самую лучшую, или, возможно, самую короткую спицу. Без некоторой терпимости мы рискуем стать несколько ограниченными и высокомерными — что, конечно же, не может помочь человеку, которому мы пытаемся помочь, и может оказаться болезненным и оскорбительным для других. Никто из нас не стремится сделать что‑либо, что может испугать и оттолкнуть другого — и снисходительное отношение может сильно замедлить этот процесс.

Терпимость дает, как сопутствующий продукт, большую свободу от склонности цепляться за предрассудки и упрямо привязываться к определенным мнениям. Другими словами, она часто способствует широте взглядов и мнений, которая является очень важной — и является, как правило, предпосылкой успеха в любой области поиска, независимо от того, научный это поиск или духовный.

Таким образом, это всего лишь несколько причин, по которым усилия для развития у себя терпимости должны предприниматься каждым из нас».

Были, конечно, и те, у кого доктор Боб вызывал крайне негативную реакцию при первом знакомстве либо в какой‑то определенный момент, а позже обстоятельства заставляли изменить свое мнение.

Эд Б. был одним из таких. Он был в АА, а затем ушел из него и стал экспериментировать. Однажды он проснулся и обнаружил, что находится в палате, в подвале маленькой местной больницы.

Он вспоминает, что доктор Боб «пришел повидаться со мной, и спросил: “Что случилось, Эд?”

“Я не знаю, Док. Каким‑то образом я оказался в баре, но не помню, как туда попал”.

Я вспоминаю, как он встал со стула и указал на меня пальцем: “А теперь погоди минутку, — сказал он. — Прежде чем мы двинемся дальше, одним из условий — и важным

условием — является честность. А у тебя нет ни капли честности перед самим собой.

Никто тебя в этот бар не загонял. Ты зашел туда, заказал эту выпивку, и, естественно, ты выпил ее. Поэтому не говори мне, что ты не знаешь, как ты туда попал. Теперь ты лежишь здесь и занимаешь койку, которая могла бы понадобиться кому‑нибудь больше, чем тебе. И ты отнимаешь у меня время, а я мог бы потратить его гораздо лучше, вместо того, чтобы разговаривать с тобой. На твоем месте я бы отсюда ушел и напился, и продолжал бы пить до тех пор, пока я не решу, чего же я хочу. На мой взгляд, ты просто мерзавец!”

Я по–настоящему разозлился. Я подумал: “Если у них там в АА есть такие люди, они никогда не добьются успеха”. В тот же вечер я позвонил своей жене и попросил забрать меня отсюда. Это было в августе 1944 года, и в тот вечер я выпил в последний раз в жизни.

Разумеется, на первом же собрании, на которое я пошел после выхода из больницы, я счел своим долгом поблагодарить Дока за то, что он пришел навестить меня, — говорит Эд. — Он был очень рад. “Я помогаю сам себе, помогая тебе, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты делал то же самое”.

Вы знаете, мы стали хорошими друзьями после моего второго “путешествия”, потому что я понял, когда протрезвел, что в действительности он сделал для меня гораздо больше добра, послав меня к черту, чем если бы он проявлял сочувствие ко мне. Он это знал. Если вы нуждались в сочувствии, он сочувствовал вам, а если вам была необходима взбучка, он делал это».

Алекс М. с этим соглашается: «Доктор Боб не был слишком терпелив с теми, кто срывался, но он не давал им опускаться. Он мог сказать вам что‑то в грубой форме, если это было необходимо. Если парень начинал умничать с ним, он мигом ставил его на место. Но у него было

сострадание».

У Дэна К. также не сразу наладились отношения с доктором Бобом. «Наша первая встреча не была очень дружеской, — вспоминает он, — из‑за того, что я принес пару журналов в госпиталь в своем небольшом чемоданчике. Он хотел знать, где я их взял.

Я не знал, кто он, и сказал ему, что я купил их и принес с собой. “Здесь, — сказал он, — у нас разрешается только литература, имеющая отношение к Анонимным Алкоголикам. Если вам не нравится то, что мы вам предлагаем, то это место на койке является очень ценным, и у нас есть люди, которые его дожидаются”».

Джон С. (АА–евец из Акрона, пришедший в программу в 1940 году), вспоминает: «Он указал на меня пальцем — у него палец был, как щепка, кожа да кости — и сказал: “Ты хочешь сделать что‑нибудь со своим пьянством, ведь так?”

Он был довольно грубым и решительным, знаете ли. Он спросил: “Деньги у тебя есть?” Это на книгу нужно было. Я не знал, чем он занимается и чего он хочет. Я подумал, может, он торгует книгами, или что‑то в этом духе.

Потом он зашел в комнату после того, как я прочитал книгу. Он задавал мне очень много вопросов. Это было так, как будто пришел учитель второго класса и спрашивает у вас урок. И лучше, если у вас найдутся хоть какие‑нибудь ответы.

Он спросил меня, когда я собираюсь приступить к Шагам. “Прямо сейчас время ничуть не хуже, чем любое другое”, — ответил я. Это было признание перед Богом, перед самим собой и перед другим человеком. Вот так это было. (По–видимому, Джон достиг сразу Пятого Шага.)

В то время — в январе 1940 года — он не заставлял вас вставать с койки, делать признание и молиться, стоя на коленях. Я не думаю, что мне бы это очень понравилось».

Даже Джон Р. не был особенно расположен к Доку при первом знакомстве. «Когда он пришел ко мне домой и стал

рассказывать, что за три с половиной года он ни разу не выпил, я смотрел на него и, по правде сказать, в этом очень сомневался! Я сказал: “Сегодня сюда ко мне приходил какой‑то парень с седыми волосами. Вы знаете, кто он?” — Док засмеялся и сказал мне, что это был Билл Д. “Не могли бы вы узнать, не придет ли он поговорить со мной еще? Он позвонил, и Билл пришел навестить меня сразу же”».

Разумеется, доктор Боб добивался успеха не со всеми своими «голубчиками».

«Я познакомился с доктором Бобом в 1942 или 43 году, — вспоминает Брюс М. — Один из моих друзей, доктор, привез меня. Разговор получился очень дружеский. С сожалением должен сказать, что он оказался для меня бесполезным. Доктор Боб был очень любезен в типичном для жителя Вермонта стиле — был краток и говорил по делу, не мямлил.

Он рассказал мне, что он и несколько его друзей создали программу, с помощью которой люди с проблемой пьянства могут получить помощь, если они этого хотят. Затем он рассказал мне кое‑что из собственного опыта, одно я помню живо — что когда он еще практиковал, и это еще удавалось, он ставил бокал, полный виски, на ночной столик. Утром, когда он просыпался, до того, как встать, он дотягивался до бокала и выпивал виски. Моя реакция была, что он пил слишком много виски. Я обычно наливал виски в маленький стаканчик для сока, и ставил его на свой комод.

Он рассказывал мне о госпитале, но он объяснил очень неопределенно, что они там делают, кроме того, что я могу лежать в кровати, медитировать и читать Библию, из чего я сделал вывод, что он не только слишком много пил, но вдобавок тронулся рассудком и, похоже, был религиозным фанатиком.

Когда я отказался, он оставался настолько же любезным, — вспоминает Брюс. — Он сказал: “Молодой человек, я не думаю, что вы готовы к тому, что мы вам предлагаем”. И я хорошо помню, как я сказал самому себе: “Я

бы сказал, я точно не готов!” Он приходил к вам только один раз и не бегал за вами. Я не видел его с тех пор и встретился вновь только после 1945 года, когда пришел в АА в Кантоне» (штат Огайо).

Генри У., АА–евец из Кливленда, присутствовал на большом собрании в Акроне в 1949 году, где он слушал выступления не только доктора Боба, но также Билла Уилсона, Билла Д. и сестры Игнатии. После этого он уехал и напился.

«В 1950 году, когда я, наконец, протрезвел, — рассказывает Генри, — доктор Боб сказал мне: “Молодой человек, сохраните свой энтузиазм. Он поможет вам преодолеть это”. Тогда я рассказал ему: “После того, как я послушал Вас, Билла Уилсона, Билла Д. и сестру Игнатию, я уехал и напился”.

Доктор Боб просто засмеялся и сказал: “Что же, Билл был моим спонсором, и я тоже уехал и напился после первого разговора с ним”».

«Мы не были действительно друзьями в обычном смысле этого слова, — говорит Брюс М. — Он казался мне немного замкнутым. С тех пор я встречал других людей из Вермонта, которые были такими же. Они как бы держались стороной и не слишком охотно вступали в разговор, и даже если они начинали его, то были немногословны.

Его кажущаяся неприступность вполне могла быть результатом моего собственного восприятия, — говорит Брюс, — потому что я тоже стеснительный. Но с тех пор я узнал, что на самом деле он разговаривал с людьми. Позже я очень хорошо узнал Билла Уилсона, но никогда не думал, что это мое право разговаривать с ними так, как будто они мои друзья».

«Само собой, с ним было очень легко разговаривать, — говорит Джон Р. о докторе Бобе. — Я тогда занимался мелкой торговлей ювелирными изделиями и проводил очень много времени в Дартмуте и других штатах Новой Англии. Все, что

вам нужно было сделать, это упомянуть Дартмут, и Док был ваш. В то время у меня была парикмахерская на Вест Эксчейндж. Док мог заехать буквально на пару минут утром. Затем он заходил в соседнюю дверь — в мясной магазин Эда М., был там недолго, затем садился в машину и ехал дальше в город. Затем, вечером, он иногда заезжал снова».

Элджи говорила: «Вначале он разговаривал со всеми. Он работал очень много. Но затем, когда люди стали приходить к нему, и поток стал таким большим, что он уже не мог с ним справиться. Он стал использовать других людей, чтобы беседовать с ними. Например, он отправлял кого‑нибудь ко мне, звонил Аннабелле Г., или, если Дороти С. была в городе, обращался к ней. Он делал все что мог, чтобы снизить напряжение, потому что в какой‑то момент дошло до того, что он уже не мог с этим справиться. Вы знаете, каковы люди — когда они начинают наседать, это давление не ослабевает. Я думаю, что у него это был способ самозащиты, благодаря которому он смог сделать так много, поскольку силы его были небезграничны».

Говоря о докторе Бобе и Анне, Дороти С. М. рассказывает: «Они любили всех, и их дом всегда был полон людей. Это было как на большом Центральном вокзале. Они приходили к нам домой, чтобы отдохнуть от невероятного давления — людей, которые текли к ним непрерывным потоком. Я всегда была рада их видеть и гордилась этим».

XXIII. Его рецепт трезвости

Финансовое положение доктора Боба улучшилось в 1940–х годах. «Вместе с тем, как росло движение АА и количество членов в нем увеличивалось, папина практика также росла, — рассказывает Смитти. — Он вернул себе былое уважение в местном обществе, и теперь его уважали как за талант

хирурга, так и за работу, которую они с Биллом делали в АА.

Он был чрезвычайно серьезен во всем, что касалось работы его жизни, и старался изо всех сил исполнять свой врачебный долг, — говорит Смитти. — Он был очень компетентным, и постоянно стремился держаться на уровне новейших достижений медицины. Я не думаю, чтобы он когда‑либо утратил свои идеалы, привитые в студенческие годы, или усомнился в своих принципах. Эти идеалы имели для него большое значение, и я знаю, что его ранило, когда он слышал о докторах, которые оперировали без необходимости, ради получения дополнительных доходов, хотя он никогда не упоминал чьи‑либо имена, даже в кругу семьи».

Дороти О. (жена Джуда), которая вновь вернулась к работе медсестры в начале Второй Мировой войны, говорит: «Я могу себе представить, что прежде у него бывали периоды, когда у него не было столько пациентов, сколько ему бы хотелось, но когда я с ним познакомилась, у него была хорошая практика. Он был очень занят во время войны, потому что он был пожилым человеком, а очень многие из наших более молодых мужчин служили в армии. Он помнил дни, когда я работала, и всегда заходил повидаться со мной. Когда мы говорили о пациентах, он становился сухим и профессиональным. В остальное время мы просто дружески разговаривали».

«Он был настолько же серьезен и в своих усилиях помочь движению АА вырасти, — рассказывает Смитти. — Он старался делать все, что мог, хотя были некоторые вещи, которые он не любил — выступать перед большими группами, например. Я думаю, он не столько нервничал во время выступления, сколько не хотел выступать в роли важной персоны. Опять‑таки, он был принципиален во всем, что касалось целей программы АА. Он старался добиться наилучшего соответствия любого принятого решения интересам группы и исключения личных амбиций.

Он восхищался, когда это получалось. Он никогда не переставал удивляться, что так много людей искало его личного участия, тогда как он считал себя лишь орудием в руках Бога, не заслуживающим никакой благодарности за личные достижения».

Если говорить о приоритетах доктора Боба, то без сомнения, АА–евцы Акрона были для него на первом месте. «АА являлось главным в его жизни, — рассказывает Джон С. — Мы вдвоем пришли к нему однажды в кабинет после полудня. Там было четверо или пятеро пациентов. Он увидел нас и сказал: “Входите, парни. Черт, я могу поговорить с людьми с больной задницей каждый день, но мне нечасто удается поговорить в этом кабинете с АА–евцами”».

Его кабинет был открыт и для жен АА–евцев. Одна женщина вспоминает, как она пошла поговорить с ним о том, как ее удручает пьянство мужа. «Не давите на него, — сказал он мне. — Вы не должны давить на него, придираться к нему, или заставлять его что‑то делать. Вы должны в него поверить».

В то же самое время дом доктора Боба оставался открытым для всех, кто нуждался в его совете или совете Анны. «Я обычно заходил к ним каждый раз, когда я приезжал в Акрон на выходные, — говорит Алекс М. — Мне становилось немного не по себе, пока я бродил по Мейн Стрит, делая покупки. Там было довольно оживленно. Вы могли слышать эти музыкальные автоматы. Я думал: “Ох, какую выпивку мне бы сейчас приготовили!” Вы ясно слышали, как они смеялись там, внутри — за полквартала. Я заходил в Стоуне в гриль–бар пообедать. Потом мне становилось совсем не по себе оттого, что там, в глубине, был бар, и я уходил к черту оттуда, брал такси и ехал к Доку домой.

Он говорил: “Держись подальше от этого места. У них там нет ничего такого, что ты не мог бы купить где‑нибудь еще, будь то еда, сигареты или кола”».

Вспоминая свою собственную пагубную поездку в Атлантик Сити и эксперимент Билла, когда спиртное держали на буфете, чтобы доказать, что оно больше не является соблазном, доктор Боб рекомендовал избегать нетрезвых мест, насколько это возможно. «Вы же не просите Господа не ввести вас в искушение, чтобы потом повернуться и пойти прямо туда», — говорил он.

«Вы всегда могли пойти к нему, и вы всегда получали от него ответ, — рассказывает Алекс. — Ему достаточно было взглянуть на вас, чтобы понять, что у вас что‑то стряслось. Я еще только пожимал ему руку, а он уже говорил: “Тебя что‑то беспокоит”. — Я отвечал: “Да уж. И *Вы* в том числе”.

Я говорил так потому, что у меня были трудности с пониманием духовности программы. “Я попробую немного упростить тебе задачу, — говорил он. — Попробуй найти своего собственного Бога, как *ты* его понимаешь”.

Мы очень много разговаривали, но я не хотел отнимать у него много времени, я был не один, кто хотел с ним поговорить. Он был для всех примером, и он должен был знать все ответы. И он знал! О чем бы вы его ни спросили, у него на все был ответ. Но он не был Богом. Он был человеком. Обычным человеком во всем. Он был человечным человеком».

Дэн К. вспоминает, что пять или шесть лет спустя все было так же: «Я шел к дому 855 на Адмор Авеню и садился на ступени. Док и Анна выходили встретить меня. Я говорил: “Я посижу здесь”. — А доктор Боб взглянет на меня и спросит: “Что случилось, Дэн? Какие трудности сегодня?” — Он мог понять это по моему лицу. Я был молод, и справиться с бедой мне было трудно.

«Знаешь, Дэн, — говорил он мне, — многие люди, придя в АА, неправильно понимают лозунг “будь проще”, но я надеюсь, что ты понимаешь его правильно. Он не означает, что ты должен просто сидеть на заднице, не ходить на

собрания и позволять другим людям трудиться, чтобы программа работала для тебя. Он не означает также, что у тебя настанет легкая жизнь без выпивки. “Будь проще” означает, что ты выполняешь программу постепенно, день за днем, шаг за шагом.

Он говорил мне, что прежде, чем я смогу быть честным с ним, со своим спонсором, или с кем‑либо еще, я должен “стать честным вот с тем типом в стекле”.

Я не понял, что он имел в виду под “тем типом в стекле”. Он сказал мне, что это человек в зеркале: “Когда ты будешь бриться завтра, будь честен с тем человеком, который смотрит на тебя из зеркала”.

Доктор Боб рассказал, что даже после этого у него не всегда получалось “быть проще”: “Утром, когда я вставал, и опускал ноги на холодный пол (по–видимому, у них не было ковров от стены до стены), я весь день боролся с собой, чтобы не выпить. Знаешь, Дэн, были периоды на заре Анонимных Алкоголиков, когда, проезжая мимо кабаков, я вынужден был съезжать на обочину и произносить молитву”.

Когда меня не принимали другие выздоравливающие алкоголики из‑за того, что я был молод, — продолжает Дэн, — он говорил мне, что они завидуют моей молодости, завидуют, что сами не позаботились о выздоровлении раньше, как я.

Доктор Боб и Анна возили меня на собрания примерно полтора года, потому что у меня не было водительских прав. И еще одно: обычно я звонил доктору Бобу и говорил: “У меня есть спикер для общего собрания[40]. Вы не возражаете, если он приедет поговорить с Вами?” — “Почему бы и нет, Дэн?” — Он никогда мне не отказывал.”»

Таким образом мы видим, что попасть к доктору Бобу было легко, и он постоянно консультировал множество АА–евцев практически с самого начала движения АА, и до

[40] Общегородское собрание, которое проводилось раз в месяц (*сост* .).

момента, когда из‑за болезни он уже не мог ни с кем видеться.

«Он был просто замечательным человеком, — говорит Мейделин В., в одном из самых теплых и живых воспоминаний. — Он был не из тех, кто легко сходился с людьми и вступал в разговор. Ему говорили: “Здравствуйте, доктор Боб”, и все, что он говорил в ответ, было: “Привет”.

И все же он был мне очень близок. И Билла я знала. Я очень нервничала в глубине души, ожидая, что сейчас войдут Боб и Билл и спросят: “Где Мейделин? Где Мейделин?” — А я как раз тут.

Боб говорил мне: “Оставайся открытой и честной. Ты такая непосредственная. Оставайся самой собой. А если тебе понадобится помощь, ты можешь прийти сюда, в АА. Мы готовы прийти и разделить нашу программу с тобой”.

Анна была очаровательным человеком. Она мне очень нравилась. Она всегда подходила и садилась рядом со мной. Она говорила: “Я хочу пересесть к Мейделин”. Она просила людей, сидящих рядом со мной: “Извините, я хотела бы сесть рядом с Мейделин”.

Они никогда не говорили много, только: “Если ты хочешь получить помощь, ты должна попросить о ней”. И еще они говорили: “Мы не можем сказать тебе, что делать, но мы можем помочь”. Если вы были на собрании, вам не следовало беспокоиться о том, как вы доберетесь домой. Они говорили мне: “Тебе нужно только добраться до собрания, а мы позаботимся о том, чтобы ты попала домой”.

Некоторые из ветеранов говорили: “Приходите на собрание, и вы познакомитесь с Мейделин. Она пожмет вам руку”. И это именно то, что я делала. Я пожимала им руки и говорила: “Я очень рада, что вы пришли. Спасибо Господу за это. Я надеюсь, что вам понравится у нас”.

И еще, сестра Игнатия. Она была моим дорогим другом. Когда ее куда‑нибудь приглашали, она часто просила меня пойти с ней. Если я стеснялась, люди говорили: “Разве

Вы не видите, что Сестра хотела бы, чтобы Вы пошли с ней. Если Вы не пойдете, она, может быть, тоже не пойдет. Мы рады, что она согласилась прийти, и мы сказали ей, что мы попросим Вас прийти тоже".

Я пришла в АА, когда мне было за сорок. Я бросила пить и никогда не срывалась. Благодарю Бога за это. И я никогда ни на кого не давила с программой АА. Доктор Боб мне всегда говорил: "Мейделин, что бы ты ни делала, с кем бы ни разговаривала, не дави на них". — "Ну, а кто говорит, что я давлю? — отвечала я. — Потому что я никогда не давлю".

Тогда он начинал смеяться, а потом говорил: "Не дави. Просто расскажи им, как ты оказалась в АА, как ты благодарна за это, и как все изменилось. Рассказывай о себе. А затем скажи им:"Если вам нужна помощь, если вы хотите этой помощи, вступайте в АА"".

Мне не нужно было ехать к *нему* , когда мне требовалась помощь. Кстати, каждый раз, когда он приезжал в Св. Томас, он громко кричал: "Где Мейделин? Где, черт побери, Мейделин? Ее что, нет сегодня здесь?" Я могла быть на кухне, помогая молодым девушкам что‑нибудь готовить, и вдруг закатить истерику. "Для чего я вам нужна? — спрашивала я. — Что я могу сделать? Вы и сами все можете". Затем он давал мне какой‑нибудь смешной ответ, и мы смеялись. А они говорили: "Ну вот, Боб и Мейделин помирились".

Знаете, это было просто шуткой, — рассказывает Мейделин, которая в 1977 году жила в красивом доме для престарелых в предместье Акрона, где, по ее словам, "не было никакого пьянства, а были только хорошие люди". — Я никогда не ссорилась с ним. Я была благодарна, и я благодарна до сих пор — за помощь, которую я получила от группы и доктора Боба, и Билла Уилсона, и Этел М. (жены Ролло). Она была взрослой девочкой, и была удивительной душкой. Я помогла ей открыть женскую группу.

У меня был прекрасный муж. Мы были так счастливы. Он

отвозил меня на собрания и всегда говорил: “Мейделин, держи курс и ни о чем не беспокойся”. Когда я пила, я не была настоящей женщиной. Я стала женщиной, когда я вступила в АА.

Да, когда я приезжала в Королевскую школу, все кричали: “Здесь старушка Мейделин”. Я спрашивала: “А с чего вы взяли, что старушка?” А они говорили: “Мы просто тебя разыгрываем”.

Я ни с кем не виделась с тех пор, как приехала сюда. До этого они звонили мне и спрашивали, на какое собрание я собираюсь прийти. Если вы знаете кого‑нибудь, скажите им, чтобы они рассказали об АА. Скажите, что вы говорили с женщиной, которая рассказывала больше о том, как она была трезвой, чем о своем пьянстве.

Я знаю всех ветеранов. Я зову их славными ветеранами. Вот мы какие, славные ветераны, снова вместе. И я думаю: “Мейделин, тебе так повезло попасть в АА”. Я получила всю помощь, какую только могла получить, в АА, и я благодарна за это.

Я так рада, что вы приехали, и что вы собираетесь написать книгу о докторе Бобе — и о былых днях. Назовите ее “Ветераны” — “Славные ветераны”».

XXIV. Влияние доктора Боба на АА в Огайо

Вероятно, в начале 1940–х годов доктор Боб начал доверять все большую часть своей работы в АА другим. В конце 1930–х обычно именно он проводил первоначальные интервью с будущими участниками, и определял, готовы ли они к программе АА. Теперь же их стало слишком много, и потребность в его времени продолжала расти. Джон Р. вспоминает, что доктор Боб вынужден был посылать его встречаться с новичками, и что он «посылал меня за семь верст киселя хлебать.

Только когда это дело наладилось, он табанить начал, — рассказывает Джон. — Не потому, что так хотел. Он был вынужден. Все хотели видеть Дока! Короче, он эту работу на остальных АА–евцев переложил. Я думаю, он все правильно сделал. Док не много зарабатывал, когда в АА пришел, и ему приходилось шевелиться, чтоб на жизнь заработать. Во время войны он действительно *был* занят».

«Доктор Боб умел внимательно слушать, и он знал, как повлиять на людей, — говорит Элджи Р. — Он умел выбрать подходящего человека для выполнения той или иной работы в АА, если хотел, чтобы работа была сделана».

Джо П. считает, что в 40–е годы АА было для доктора Боба просто «старым добрым АА»: «Сперва он объяснял пятерым или шестерым из нас, что надо сделать, и мы делали. Потом оценивал, правильно ли мы все сделали. Он был довольно строгим командиром. Понемногу, с помощью своего же “лекарства”, он успокоился и превратился в доброго и дружелюбного парня. Но все равно, главное было — чтобы все шло как надо.

Он во всех делах АА участвовал, — говорит Джо. — Он тут неподалеку во всех городках советы давал: с чего начать, и что делать, когда проблемы будут. Он на целый день уезжал, чтобы на первом собрании новой группы побыть.

Когда я пришел в АА, поблизости было 12 или 14 групп. Сейчас, в 1977 году, у нас в районе 92 группы. Доктор Боб побывал на открытии примерно так 75 из них. Не знаю, правильно ли я его понял, но он, бывало, соглашался с нами, что группа не должна быть слишком большой. Она тогда силу терять начинает.

Не думаю, чтобы ему в тягость было основателем быть, — говорит Джо. — Это иначе работало. АА делом всей его жизни стало, и он считал, что все должен сделать, чтобы АА цвело. И это его дело было сделать все как лучше, чтобы оно и потом цвело, когда его не станет.

В Св. Томасе он как искра был для всей госпитальной

братии. Я бы сказал, что чем больше он делал, тем ему АА интереснее было. Если святой может будущее предвидеть, то доктор Боб его точно видел».

Доктор Боб действительно изложил свои мысли о будущем АА в своем последнем большом выступлении в Детройте в 1948 году:

«Мы знаем, чего добилось АА за последние 13 лет, — говорил он, — но как нам действовать дальше? У нас сейчас, насколько я знаю, по самым консервативным оценкам насчитывается 70000 участников. Вырастет ли движение еще больше?

Что ж, это будет зависеть от каждого участника АА, — продолжает он. — Мы можем расти или не расти, все зависит от нашего выбора. Если мы сможем избежать раскола на почве приверженности различным сомнительным теориям и не запутаемся в противоречиях (религиозных, политических или медицинских), если мы будем поддерживать единство наших структур обслуживания, если мы сохраним простоту нашей программы, если мы не забудем, что наша главная цель, — это обрести трезвость и оставаться трезвыми, а также помочь нашим менее удачливым братьям сделать то же самое, — тогда мы будем продолжать расти, преуспевать и процветать».

«У него и среди неалкоголиков друзей было много, но он их в свои АА–евские дела не впутывал, — говорит Джо. — Он в медицине был активный. И в обществе. И тем не менее, никогда не похвалялся тем, что ему сделать удалось. Вы просто узнавали об этом; так или иначе, а вести доходили.

Он договорился с компанией Гудрих, а потом с Гудиер. Короче, у нас была договоренность с тремя шинными компаниями, что если у них кто‑нибудь появится, кого они к нам захотят отправить трезветь, они нам позвонят. И наоборот, если у нас кому из трезвых работа нужна будет, мы им позвоним. Мы в 40–ых годах несколько лет так делали, и все работало. У нас даже судья был, с которым доктор Боб

связь держал. Этот судья указание давал, чтобы парень в АА ходил.

Были, конечно, и склоки — например, когда братцы С. (Пол и Дик) между собой разбирались — и мы, в конце концов, покончили с этим, попросив Дока их разнять, когда нам все это надоело. Он кучу времени тратил на АА. И еще в Нью–Йорк довольно часто ездил.

Док был большой демократ, — вспоминает Джо. — Когда на собрание приходил, на сцене не садился. Он всегда садился во втором ряду, ну или еще куда‑нибудь. Я так понял, он и тираном упертым быть не хотел, но и в рубаху–парня превращаться не спешил. И все же, ему приходилось держать нос по ветру, чтобы дело шло».

«Док играл важную роль в Центральном Комитете, — рассказывает Дэн К. — Это был комитет управления офисом. Мы встречались в первый понедельник каждого месяца, и он всегда на нем присутствовал. Там были представители от каждой группы.

Во время собрания иногда стоял такой шум, как будто вы в баре были. Я никогда не забуду момент, когда доктор Боб встал. Он поднял руки: “Ну, знаете ли, довольно, хватит! — сказал он. — Джентльмены, прошу вас. Мы пока еще члены сообщества Анонимных Алкоголиков. Давайте придерживаться принципов АА и на рабочих собраниях. Вы представляете свои группы, и находитесь здесь для того, чтобы донести до них идеи, сформулированные комитетом. Давайте говорить по одному, и давайте проводить это рабочее собрание, помня, что мы служим Господу и нашим товарищам, АА–евцам”. После этого у нас больше не было шума и криков, когда доктор Боб был с нами.

У нас были группы, которые открывались, и затем вскоре распадались. Это было одной из самых больших тревог в АА тех дней. У групп не было связи с комитетом управления».

Еще одной большой тревогой были срывы. «Когда кто‑нибудь вновь падал в грязь, это ранило Боба, —

говорил Джон Р. — И не имело значения, кто это был».

«Мы были приглашены на обед с блюдом–сюрпризом в Восточный Акрон, — вспоминает Эмма К., — а когда пришли, нам сказали, что Уолли Г. сорвался. Он был правой рукой Доктора в течение многих лет. Я испугалась за своего мужа (Лейвелла). Он всегда равнялся на Уолли. Это было ужасным шоком для Акрона».

«Мы нередко садились и спорили, виноваты ли мы, если кто‑то сорвался, — рассказывает Элджи Р. — Донесли ли мы свое послание до него? Какое‑то время мы все думали, что это и наша вина — пока Уолли не напился. Он был тем человеком, который знал ответы на все вопросы, очень много работал над собой, и никогда не сомневался в программе АА. В этот момент мы поняли, что какими бы хорошими мы ни были, как бы сильно мы ни старались, но если алкоголик угодил в “слепое пятно” — это тот момент, когда надо быть крайне бдительным».

«Уолли был так сильно настроен против срывников, — говорит Сюзан Уиндоуз, дочь доктора Боба. — Они должны быть изгнаны! В конце концов ему пришлось проглотить собственные слова. Если бы все было так, как он тогда настаивал, то и ему бы не разрешили вернуться».

«Ему потребовалось очень много времени, чтобы вернуться, — рассказывает Джо П. — Если бы не его жена, Аннабелла, я не думаю, что он бы вернулся. Она притаскивала его на собрания. В конце концов он снова обрел трезвость, и оставался трезвым до тех пор, пока не покинул этот мир. Да, его отношение к срывам изменилось».

«Мне кажется, поначалу мы не совсем понимали серьезность болезни, — говорит Элджи. — Например, человек шел рвать зуб, и врач давал ему пентатол натрия. Он выходил от стоматолога, чувствуя себя парящим выше облаков, и сразу же шел в первый попавшийся бар, потому что он не понимал, что он уже пьян от этого препарата. Это были случаи, понимание которых давалось нам очень тяжело.

Нам приходилось многое узнавать путем экспериментов на себе, потому что у нас не было готовых ответов».

Чтобы проиллюстрировать эту опасность, Джуд О. рассказал, как в 1969 году он однажды выпил, за неделю до своего 30–летнего АА–юбилея: «Я вышел на пенсию с поста директора по науке одной из больших шинных компаний, и поехал в путешествие по Европе. Я был довольно активен в АА в течение ряда лет, но затем я был очень занят на своей работе и не ходил на собрания. Моя жена была в госпитале, и мне стало очень жаль себя…»

«В тот день, когда он пришел в госпиталь, он был пьян, — рассказывает Дороти. — Было 11 часов утра, и я так сильно расстроилась, что попросила успокоительное. Когда я проснулась, мне казалось, что мне приснился кошмар. Я не могла в это поверить. Я просто не могла поверить в это — через 30 лет!»

«*Джуд* ? Он был как скала Гибралтара», — удивилась Кэйт П., жена Дюка, когда услышала о его срыве почти десять лет спустя.

«Когда я вновь вернулся в АА, оно было таким же, каким я его помнил, только было больше людей и больше собраний, — говорит Джуд. — Мои старые и новые друзья помогли мне, но возвращение к трезвости оказалось самым трудным делом из всех, которые я когда‑либо делал. На это ушло три года. С другой стороны, мой пример показал другим, что изначальная позиция была верна: не имеет значения, сколько лет вы не пили, следующая выпивка может подстерегать вас за углом. Алкоголь не отпускает вас никогда. Доктор Боб был прав: “Первый же глоток вас одолеет”».

XXV. Личные сведения, проливающие свет на его годы трезвости

Преданность доктора Боба движению и программе АА никогда не мешала его семейной жизни; скорее, она делала ее богаче. В течение 1940–х годов они с Анной продолжали жить просто, без каких‑либо претензий, в своем скромном доме. Здесь они делили родительские радости, печали и товарищеское общение со своими друзьями.

«То, как он любил свою семью, его преданность своим детям, Анне и своему дому, — вспоминает Дороти С. М., — было поразительно. Он был одним из самых преданных семье мужчин. И своим друзьям — их он тоже любил».

До выхода на пенсию дни доктора Боба проходили в рутинной работе в госпитале, в офисе, и в клубе, где он отдыхал. В течение большей части его жизни в Акроне ланч доктора Боба проходил в Городском Клубе, где толстые ковры и гобелены, декорированные панелями стены, камины и клубные кресла давали убежище автомобильным баронам и людям солидных профессий, приглашая подремать, почитать газеты, поиграть в карты или поговорить. В дни своего пьянства доктор Боб часто приходил сюда, чтобы смешаться с послеполуденной толпой в баре или даже спрятаться в какой‑нибудь комнате. Но после того, как он перестал пить, он ходил туда, чтобы наслаждаться общением со своими многочисленными друзьями вне программы.

В полдень вы практически всегда могли видеть его за одним и тем же столиком в углу мужской обеденной комнаты. Здесь, в течение более чем десяти лет, его обслуживала одна и та же официантка, Нэнси. Доктор Боб всегда приветствовал ее фразой: «Ну, как ты сегодня, друг мой верный?» Они были хорошими друзьями. Пока Нэнси подавала ему его простой ланч, состоящий из дыни или грейпфрута, супа, молока или кофе, и его любимого бостонского пирога с кремом, они говорили о ее жизни. Однажды Нэнси, которой в тот день нездоровилось, разозлилась так, что вышла из себя и швырнула корзину с крекерами в другого официанта. Доктор Боб предостерег:

«Ну, ну, друг мой, не позволяй мелочам раздражать тебя». На следующий день он прислал ей книги «Когда человек думает» и «Библию на бегу».

Нэнси всегда была рада обслужить доктора Боба и его друзей. Часто, когда за столом происходили бурные дискуссии или споры, она спрашивала его, почему он ничего не сказал. Он отвечал: «Уже слишком много было сказано». Он был «таким хорошим и добрым человеком, и у него была такая простая вера в молитву», — рассказывает Нэнси.

После ланча, если позволяло время, доктор Боб присоединялся к своим друзьям, игравшим в бридж или джин рамми. Он был асом в этих играх и почти всегда выигрывал. Во время игры он никогда не злился. У него была привычка поддерживать непринужденный разговор во время игры. Друзья говорили, что это могло бы выводить из себя, если бы это не было так смешно, что они не могли не смеяться.

Пройдя через все муки активного алкоголизма и борьбу начальных периодов АА, Анна и Боб знали также свет и радость вместе (следующие страницы).

Как гласит одна история, доктор Боб часто заявлял, что глупо воспринимать игру в бридж всерьез. Когда они с Анной были во Флориде, Боб предъявил свое кредо одному милому незнакомцу, ставшему впоследствии его партнером в турнире по бриджу. Они выиграли в тот день, но огорчили своих «серьезных» противников так сильно, что один из них заметил: «Если бы вы делали ставки правильно, и играли по правилам, вы бы никогда не выиграли!»

«Несомненно», — ответил доктор Боб в своей лаконичной манере, получая первый приз.

С другой стороны, сохранилось воспоминание Элджи Р. о том, как она сидела за карточным столом с доктором Бобом в

качестве партнера: «Я играла бридж–аукцион, не имея ни малейшего представления о том, как торгуются, — рассказывает она. — Я сделала ставку, он тоже, и я подумала, что у него хорошие карты. Я начала задирать ставки до небес. Никогда не забуду выражения его лица. Оно было таким страдальческим. В конце концов, он поднялся и сказал: “Знаете, я сомневаюсь, что когда‑нибудь сяду играть в бридж”. Позднее я спросила его об этом, и он ответил: “Элджи, бридж требует сосредоточенности. Иногда, когда я веду машину, я использую навыки бриджа”».

Возможно, он отказывался принимать бридж всерьез только тогда, когда выигрывал. Как гласит старая покерная поговорка: «Победители смеются и шутят, а проигравшие говорят: “Реванш!”» Как бы то ни было, все, знавшие доктора Боба, единодушны в том, что он редко играл в карты с АА–евцами. А если играл, то не на деньги.

Дэн К. вспоминает такое высказывание доктора Боба: «Если один из твоих джокеров побьет карты другого парня, он потеряет голову. А когда он потеряет голову, ты же знаешь, что он сделает — он напьется». Поэтому, по мнению Дэна, доктор Боб стремился не смешивать игру в карты и сообщество АА.

У Элджи было другое объяснение. «Он нечасто играл в бридж с АА–евцами потому, что среди них просто не было достойных его партнеров».

«Он мог сказать, какие карты у вас на руках после трех раундов», — вспоминает Смитти, чей отец играл с Сиднеем Лэнгом, одним из самых выдающихся игроков в бридж своего времени.

А о том, чтобы Смиты играли вместе, как партнеры, если верить Элджи, «Анна всегда говорила: “И в мыслях не держу. Даже не предлагайте!” Она играла с другими женщинами, пока мы сидели на собраниях, но не с Доком».

На самом деле Анна и сама весьма прилично играла в бридж, и позже они с Бобом играли‑таки против

Смитти и его жены Бетти. «Они научили нас некоторым тонкостям, — говорит Бетти. — Оба они были мастерами».

По какой‑то необъяснимой причине карманы доктора Боба всегда были полны серебряной мелочи. Это могло быть отголоском тех неуправляемых дней в «беличьем колесе», дней постоянной борьбы, когда он старался припрятать в кармане сумму, достаточную для покупки кварты, или просто потому, что ему нравилось, как они звенят. Но были моменты, когда у него в карманах скапливалось до десяти долларов мелочью. «Я думаю, он их раздавал», — говорит Сью. Зачастую подарок был уже и не мелочью. «Он часто давал кому‑нибудь фин (пятидолларовую купюру)».

Смитти пишет, что в последние годы его родители жили замечательной жизнью. «Они не только продолжали давать надежду и оказывать поддержку всем, кто к ним приходил, — расказывает он, — но также ездили по стране и встречались с участниками некоторых новых групп, стараясь помочь им в их трудностях и болезнях роста, через которые сами уже прошли».

Во время одной из таких поездок Боб встретил Филиппа П. Томпсона, своего соседа по комнате в Дартмуте.

«Примерно через 40 лет после окончания, — рассказывает Фил, — меня угораздило стать секретарем нашего класса. После того, как я написал письма множеству людей, я получил эту книгу об АА от Боба. Когда у меня появилась возможность просмотреть ее, я понял, какая замечательная работа была проделана. Я написал Бобу, и тот ответил, как он рад, что я, по крайней мере, не забыл его. Он прочитал в моих письмах, что я обычно езжу на Дилрей Бич (Флорида) зимой. Он спросил меня, собираюсь ли я туда ехать в этот раз, и сообщил, что он хотел бы поехать со мной. Я рассказал ему все, что я знал о Дилрей, и после этого совсем забыл о нашем разговоре.

В ту зиму, стоило нам с женой приехать в Дилрей и войти

в ресторан к завтраку, как метрдотель сообщила нам, что некая пара будет рада видеть нас за своим столиком. Я сказал своей жене: «Это, должно быть, Боб Смит, но я не представляю, что из этого получится».

Интересный у нас получился завтрак. Боб оказался все таким же тощим, долговязым и неугомонным, и все также поглощал чудовищные количества кофе. Он говорил на языке улиц, удивляя и мистифицируя этим мою жену. К своей супруге он обращался при этом исключительно «юбка» и «крошка».

Его история заинтересовала меня чрезвычайно. Во Флориде Боб был нарасхват среди людей, приехавших со всех концов страны, и все они были обожавшими его очаровательными людьми.

Он упорно продолжал разговаривать на языке улиц. Как‑то раз мы сидели и играли в бридж, когда я увидел очаровательную женщину, заглянувшую в дверь. Боб сидел к ней спиной и не видел ее, а она сказала: “Это я”, бросилась к нему, обняла его и поцеловала. В ответ она услышала: “Кто это по мне слюни размазал?”

В другой раз на пляже мы оказались в группе симпатичных людей, сдвинувших вместе свои кресла. Мы пригласили Боба и его жену пойти с нами на пляж, и когда Боб появился в плавках, мы увидели, что у него были потрясающие татуировки на груди и обеих руках, с довольно интригующими фигурами, змеями и тому подобным. Моя жена спросила его, в каком же состоянии надо было быть, чтобы сделать вот эту последнюю татуировку на руке. И он ответил: “В белой горячке”.

Его жена была практически слепа и отнюдь не красавица, но при этом она была одной из самых привлекательных натур, когда‑либо виденных мною. И именно благодаря ей, я думаю, он в конце концов преодолел свою привычку употреблять алкоголь.

В следующий раз мы встретились с Бобом и Анной на

Лонг Бич в Калифорнии, где жил ее брат, известный инженер, — продолжает Фил. — Боб приехал туда, чтобы выступить на большом собрании в Лос–Анджелесе. Помнится мне, он сказал тогда, что в конце этого собрания ему пришлось пожать как минимум 3500 рук.

Боб всегда мог назвать нам точное число лет, месяцев и дней, прошедших с момента его последней выпивки.

Он приезжал к нам домой, один раз вместе со своей женой, и один раз после того, как потерял ее. А мы навещали его в Акроне.

Одним из самых запоминающихся событий в моей жизни было воскресенье, которое мы провели у него дома в Акроне. Это напоминало паломничество — потоки людей, которых он никогда не видел и о которых никогда не слышал. Один был деканом большого колледжа в Огайо. А еще мне запомнились адвокат и его жена. Они проделали на машине весь путь из Детройта для того лишь, чтобы рассказать, как изменилась их жизнь благодаря ему и программе АА. Одна совершенно очаровательная женщина, с ее слов, опустилась на самое дно, и мы не могли этому поверить. Со слезами на глазах она рассказывала Бобу, как ходит по воскресеньям в исправительный дом в Детройте и рассказывает о программе. Она была очень горда тем, что вот уже три воскресенья подряд слушать ее приходит весь исправительный дом, тогда как к священнику, который пришел читать проповедь, пришло всего два или три человека.

Я не знаю, сколько людей приехало в тот день в Акрон. Среди них было семь или восемь человек, которых он совершенно не знал раньше; они просто приехали к нему домой, чтобы выразить ему свою благодарность, и так происходило повсюду, куда бы он ни приехал.

Люди приезжали во Флориду из Майами, Форта Лаудердейл и Палм Бич, отовсюду, стоило им лишь услышать, что Боб находится в Дилрее. При этом все они были людьми вполне успешными. Немыслимо было даже

представить их в том положении, в котором они когда‑то оказались».

Конечно же, в то время график открытых и закрытых собраний местных групп АА не был столь плотным, как сегодня. В Миннесоте проводилась ежегодная двухнедельная встреча, которую доктор Боб посещал в течение всех четырех лет, вплоть до 1947 года. Называлась она Днем Основателей, и на нее приезжали только по приглашениям, обычно те, кого считали основателями групп на Среднем Западе.

«Приглашали обычно на одну неделю, и в прошлом году было примерно по 40 человек в каждом заезде», — вспоминает Полли Ф. Л. Она полагает, что встречу перестали проводить потому, что она не была открытой для всех, и этим противоречила политике АА. (АА–евка из Чикаго, Полли какое‑то время работала в Центральном Офисе Обслуживания в Нью–Йорке.)

«Доктор Боб много играл в бридж, — вспоминает она, — и те, кому посчастливилось сыграть с ним, могли познакомиться с ним поближе. Он любил прогулки и совсем не был надменным. Он был очень отзывчивым, если вы хотели с ним поговорить».

В одну из таких поездок, в апреле, в Миннесоте было холодно. Эрни и Рут Г., которые жили вместе с Доком и Анной в одном из неотапливаемых домиков, вспоминали, что им приходилось спать в пальто, и в одно особенно холодное утро доктор Боб побрызгал себе на грудь водой и сказал, что это максимум того, на что он готов для приведения себя в порядок на сегодня.

Несмотря на то, что он обосновался в Акроне, у доктора Боба была постоянная любовь к родному Вермонту, и он ездил туда каждый год, чтобы проведать семью и друзей.

Бывая в Вермонте, доктор Боб также посещал регулярные собрания группы Сообщества в Сент–Джонсбури, и Эд Г. вспоминает, что он выступал на первой годовщине группы.

Элеонора И. пишет о том, как в 1946 году, когда она была

студенткой колледжа, племянница доктора Боба пригласила ее посетить собрание АА в Берлингтоне, на котором доктор Боб и еще один человек расскажут мне какие‑то «интересные истории»:

«Отчетливо это помню, — пишет Элеонор, которая к тому времени уже отлично знала об алкоголе, но ничего не слышала об АА. —К сожалению, мне понадобилось 20 лет на то, чтобы понять — могла, ведь могла же я в тот вечер услышать *обоих* основателей АА!»

Даже вылазки на рыбалку доставляли больше радости трезвыми. Как и большинство его друзей из АА, доктор Боб наслаждался новым для них стилем общения.

Полли Ф. Л. вспоминает, что доктор Боб был «большим юмористом», и все замолкали, когда он рассказывал какую‑нибудь историю: «Может быть, они бы смеялись, даже если бы она не была смешной, — говорила она, — но я думаю, что у него было хорошее чувство юмора. Если вы алкоголик, вам *придется* развить у себя чувство юмора, чтобы жить в этом мире».

Джин С., другой чикагский АА–евец, вспоминает, что у доктора Боба был вариант счастливой трезвости, и цитирует его слова: «Если вам не удается быть счастливым в этой программе, то какой от нее прок?» Он умел снять напряжение на собрании, если оно становилось слишком серьезным, рассказав какую‑нибудь историю», — говорил Джин.

Самой пикантной историей (а стандарты языка тогда были несколько иными), упоминавшейся во всех интервью, была многократно рассказанная Бобом история о кливлендском пьянице. Этот самый пьяница прослышал, что в Акроне есть доктор, который может помочь. «Но когда он узнал, что я

проктолог, он сказал: “Если это тот способ, которым он собирается меня лечить, то пошел он к черту!”»

Кое‑кто из АА–евцев упоминает, что Анну бесконечные россказни доктора Боба довольно сильно раздражали. В частности, Джон Р. приводит едкое саркастическое замечание, сделанное Анной в частной беседе. В ответ на возражения, что это на нее не похоже, он заявляет: «О, время от времени она могла выходить из себя».

Смитти вспоминает, что его отец любил поделиться происшествиями и смешными случаями, произошедшими в течение дня в госпитале, и ему буквально не терпелось рассказать их, придя домой. Доктор Боб откидывался на спинку своего стула и хохотал до слез. Затем привычным жестом снимал очки, чтобы вытереть слезы, все еще сотрясаясь от смеха. «У нас был счастливый дом в те дни», — говорит Смитти.

Война, а затем женитьба забросили Смитти в Техас, где он теперь живет. Он каждый раз смеется, когда кто‑нибудь напоминает ему о первой встрече его отца с Бетти, своей будущей невесткой. Доктор Боб медленно осмотрел ее с головы до ног, затем заметил: «С ней все в порядке, сын. Она создана для быстрого и легкого домашнего хозяйства!»

Однажды Смитти установил на машине, принадлежащей Бетти, слегка склонной к авариям, специально заказанные номерные знаки, на которых было написано: «УУУУПС», а затем велел постоянно держать в гараже наготове галлон краски цвета машины миссис Смит. Достойный сын своего отца в том, что касается чувства юмора. Но ни сын, ни дочь не имели проблем с выпивкой. Сью не любит крепких напитков, но может выпить иногда стакан пива, «если мне этого хочется».

У молодых Смитов две дочери и два сына, и сейчас они живут в Ноконе, штат Техас. Их самый младший родился, когда Смитти было 47, а Бетти 45 лет. «Он думает, что нам

34», — говорит Смитти. В настоящее время Смитти — скромный независимый производитель нефти, поклонник антикварных автомобилей.

Бетти Смит вспоминает свой первый визит к Бобу и Анне. «В 1944 году я полетела со своим Бобом[41] в Акрон, чтобы познакомиться с его родителями. Я никогда не слышала об АА. Мы пошли на собрание в тот вечер, и я впервые услышала выступление на собрании. Была переполнена впечатлениями. У моего отца была эта проблема, и мы с мамой выливали спиртное в раковину.

Я вернулась домой, размахивая книгой АА, и заявила маме: “Теперь у нас есть ответ.“» Отец Бетти обрел трезвость и позже стал сооснователем группы в Клоувисе, штат Нью Мексико.

«Я помню, как однажды я сказала папе Смиту: “Это такая чудесная программа, — рассказывала Бетти, — вы, должно быть, так гордитесь ею”. Скажу вам правду, это было нечто. Он посмотрел на меня своими стальными глазами так, что я сразу же наполовину расплавилась, и сказал: “Это не я что‑то делал. Я всего лишь исполнитель”».

В более поздние годы доктор Боб научился принимать похвалу более спокойно, и даже «ценить ее», говорит Смитти. «Но он всегда старался развеять впечатление, что он был основателем АА, когда разговаривал с новым человеком. Я помню его слова о том, как это замечательно, когда так много людей считают, что он был для них чем‑то полезен».

«Я очень нежно любила обоих, маму и папу Смитов, — говорила Бетти. — У нас с папой была своеобразная привычка во время игры в джин рамми. Мы громко обзывали друг дружку нехорошими словами, и оба смеялись над этим. Его чувство юмора всегда было на высоте. Я даже и не припомню точно, сколько раз он подходил ко мне, украдкой протягивал 50 долларов и говорил: “Только между нами —

---

[41] Боб младший (*ред* .).

потрать их, как тебе вздумается”. Однажды я попыталась их не взять, и это было большой ошибкой.

Папе нравилась хорошая одежда. Его костюмы были сшиты из восхитительного материала. У него была страсть к бриллиантам и другим драгоценным камням, он носил их сам и покупал их для мамы. Когда она умерла, он подарил мне очень красивый бриллиант, который принадлежал ей, и я буду хранить его вечно.

Однажды она приехала навестить нас, и у нее был меховой жакет, — рассказывает Бетти. — Она хотела, чтобы я его надела, когда мы вышли к обеду. Я надела. Позже я обнаружила, что она никогда его не носила. Она действительно заботилась обо мне, как о дочери.

Анна всегда выглядела безмятежной, и лишь однажды я видела ее расстроенной. Она ушла к себе в спальню, и вскоре вышла оттуда. Молитва избавила ее от печали.

Она была убежищем для людей, попавших в беду, — говорила Бетти. — Я сомневаюсь, что какой‑нибудь священник каждую неделю мог бы дать больше советов или молиться вместе с бóльшим числом людей. В своих бедах и горестях люди стремились к ней. Она была для них опорой и утешителем, с Божьей помощью — действительно тем человеком, который сохранял спокойствие среди шума и суеты.

Мы говорили о глубоких и мудрых вещах. Вы знаете, папа читал в течение, по крайней мере, двух часов каждый вечер. Казалось бы, невозможно сочетать в себе несовместимое — огромное чувство юмора и глубокую мудрость. Или так оно и бывает?»

Смитти, сын доктора Боба, был направлен в Техас во время службы в армии в годы Второй Мировой войны и сейчас живет там со своей семьей.

XXVI. Его духовные поиски

Доктор Боб был человеком, ищущим Бога, и именно в этой области он, как и Билл Уилсон, был, вероятно, наименее консервативен. Это и неудивительно, если мы вспомним о том, что Новая Англия, какой бы она ни была политически и финансово консервативной, все же взрастила множество философий «с новыми идеями» и «исцеляющих сознание» религий, упомянутых Уильямом Джейнсом в книге «Разнообразие религиозного опыта». (Эта книга, хотя и непопулярная среди Акронских АА–евцев, была любимой книгой доктора Боба.)

Можно теоретизировать, что поиск доктора Боба начался раньше, но, по его собственному мнению, он начался, когда Боб впервые пришел в Оксфордскую группу в начале 1933 года.

Пол С. (один из Акронских пионеров, чей брат, Дик, также вступил в программу) говорил о докторе Бобе: «Именно в это время он начал свой сознательный поиск истины через сосредоточенное изучение Библии, за более чем два с половиной года до своей встречи с Биллом. Он полагал, что Бог не прислушивался к его молитвам в течение всего этого периода, — говорил Пол. — И он не мог винить Его. Он считал, что он не заслуживал такого внимания. Это откровение случилось в жизни доктора Боба тогда, когда он сделал свое второе открытие: духовность не может быть впитана кем‑либо, как губкой, но что каждый может найти ее, исцеляя и помогая освободиться находящимся в несчастье, скорби и рабской зависимости».

Это, вероятно, доктор Боб имел в виду, рассказывая, как Билл принес ему идею служения. «Я думаю, что настоящее служение, — говорил доктор Боб, — это служение, которому человек отдает себя, а это, без сомнения, требует усилий и

времени. Оно не ограничивается тем, чтобы просто и тихо положить немного денег в тарелку. Это, конечно, тоже необходимо, но это не дает многого обычному человеку в такие дни, как сегодняшние, когда у большинства людей дела идут вполне неплохо. Я не думаю, что такой тип служения поможет кому‑нибудь оставаться трезвым. Но отдавать себя, отдавая свои усилия, энергию и время — это совсем другое. И я думаю, что именно этому Билл научился в Нью–Йорке, а я не научился в Акроне до того момента, пока мы не встретились».

Другими словами, опыт доктора Боба отличался от опыта Билла: у него никогда не было вспышки света — духовного озарения. Один участник вспоминал, что тот никогда не упоминал о таком озарении. Вместо этого, доктор Боб говорил о духовном росте в АА. Он говорил, что духовные ценности могут меняться с течением времени.

«Он полагал, что все мы ищем душевного покоя, — рассказывает Смитти, — но он верил, что следует постоянно делать что‑то конкретное, чтобы достичь его».

Как говорил сам доктор Боб: «Я не думаю, что мы сможем делать что‑то очень успешно в этом мире, пока не попробуем. И я не думаю, что у нас что‑то получится в АА, пока мы не попробуем… Мы должны пробовать… приобрести дух служения. Мы должны стремиться приобрести также веру, а это нелегко, особенно для человека, который всегда был очень материалистичен, следуя стандартам современного общества. Но я думаю, веру можно приобрести; ее можно приобрести постепенно; и она должна культивироваться. Для меня это было непросто, и я думаю, что это будет нелегко любому…

Мы все стремимся к одной цели, стремимся к счастью. Мы хотим мира в душе. Проблема с нами, алкоголиками, заключалась в следующем: мы требовали, чтобы мир дал нам счастье и душевный покой одним единственным способом, которым мы хотели их получить — с помощью алкоголя. И

потерпели неудачу. Но если мы дадим себе достаточно времени на то, чтобы познать некие духовные законы, принять их и применить на практике, — тогда мы достигнем счастья и душевного покоя. По–видимому, должны быть какие‑то правила, которым мы должны будем следовать, но счастье и умиротворение будут с нами, близкие и доступные каждому».

По мнению Пола С., был период, когда вера доктора Боба колебалась так сильно, что он был на грани нервного срыва. «Были сплетни, и некоторые ханжи говорили, что его алкогольный опыт дискредитирует его, и добились того, чтобы его уволили из Городского госпиталя», — рассказывает Пол.

Вопреки предписаниям врачей, он пошел вместе с Полом повидаться с деканом отделения Библейских учений в Вустер Колледже. «Мы поняли там, что человек может покинуть вас, а Бог никогда. Мы поняли, что означало, когда Христос говорил: “Если несешь ты Богу свой дар и у жертвенника припомнишь, что у брата есть на тебя обида, оставь свой дар у жертвенника, сначала ступай примирись с братом, и лишь потом вернись и принеси свой дар.”».

По рассказу Пола, доктор Боб исцелился сразу же. Он потратил два дня на то, чтобы принести извинения всем тем людям, которые, по его мнению, подвергали его гонениям. В следующий понедельник он снова был на работе.

«Папа говорил мне, что он ищет духовного откровения, которое к некоторым людям иногда приходит неожиданно и сразу, — рассказывает Смитти. — Он надеялся, что откровение придет к нему именно так. Он очень много трудился, чтобы обрести его, и винил себя за отсутствие результата, папа думал, что он, возможно, что‑то делает неправильно. Не менее часа в день он тратил на изучение какого‑нибудь духовного предмета. Это был долгий и медленный процесс. Конечным результатом было то, что он обрел широкое и глубокое понимание религиозных

и духовных вопросов. В действительности, он достиг своей цели, хотя это открытие и не пришло к нему сразу.»

«До самого дня своей смерти, — рассказывает Дороти С. М., — он думал, что если бы только у него было больше духовного опыта, то тем или иным способом он смог бы передать это послание другим».

Хотя у доктора Боба никогда не было внезапного откровения, он‑таки описал Бетти и своему сыну один момент, когда он находился за своим рабочим столом: «Это продолжалось недолго, — рассказывал он, — но у меня появилось необыкновенное чувство мира и покоя, которое охватило меня, и продолжалось какое‑то время. Это было действительно чувство “мира и покоя… которое превосходит любое понимание”, и я его никогда не забуду».

В самом конце, во время своей последней поездки в Вермонт вместе со Смитти и Бетти, доктор Боб достиг чувства радости и покоя — того чувства, ради которого он трудился. «Мы сидели все вместе на кровати ночью, и разговаривали об этом», — рассказывает Бетти.

Основным способом понятия и принятия духовных истин для доктора Боба было упорное чтение. Дороти С. М. в своей беседе с Биллом Уилсоном вспоминает: «Помните эти его чудовищные груды книг? Анна все пыталась перетащить их на чердак. Но у Боба они валялись кучами рядом с кроватью, под кроватью и всюду, куда ни глянь».

«Он читал все подряд, — рассказывает Эмма К. — Если бы вы только могли посмотреть на все эти книги. Его сын сказал мне после смерти доктора Боба: «Эмма, пожалуйста, позаботьтесь о них. Я не знаю, что с ними делать». Я подарила духовные книги своему пастору, а медицинские книги двоим молодым врачам, которым он помог в начале их карьеры. Он был очень добр к этим молодым людям, когда они вернулись из армии».

«Он читал обо всех религиях, — говори Смитти, — не только о христианской религии. Он мог рассказать вам о

Коране, Конфуции и даже вудуизме, а также о многих других вещах. Он прочитал Библию от корки до корки три раза, и мог по памяти цитировать любимые места дословно.

Я пытался читать многие из его книг, и не мог их понять, — говорит Смитти, и впоминает для начала одну, озаглавленную “Tertium Organum”. — Были и другие. Например, “Разнообразие религиозного опыта”, он ее любил, “Откровения Св. Августина”, “Мантия” Ллойда С. Дугласа (который, по случайному совпадению, был священником в церкви в Акроне в 1930–е годы), “Только для грешников” (книга об Оксфордской группе), “Основы учения Конфуция”, “Научи нас молиться” Чарльза и Корры Филлмор и “Молитва может изменить вашу жизнь”».

«Он посоветовал мне прочитать “Искусство Эгоизма” Дэвида Сибери», — рассказывает Бетти Смит.

«Он также очень высоко ценил “Величайшую Вещь в Мире” Драммонда», — говорит Смитти.

Но Смитти отмечает, что его отец никогда не навязывал другим разговоры о философии или религии, так как не хотел пугать людей. «Он умел видеть в этом и смешные стороны. Я вспоминаю, как однажды, когда Пол С. назвал одного парня зеркальным отражением Христа, папа сказал, что, может быть, у него немного пыльное зеркало».

«Первое, что он сделал, это дал мне “Нагорную Проповедь” Эммета Фокса, — рассказывает Дороти С. М. — Однажды, когда я возилась с одной женщиной в Кливленде, я позвонила и спросила его: “Что я могу сделать для женщины, находящейся в белой горячке?” Он посоветовал дать необходимые лекарства, и сказал: “А вот когда придет в себя, и решит, что она хочет быть другим человеком, дай ей"Величайшую Вещь в Мире"Драммонда. Скажи ей, чтобы она читала ее каждый день, в течение 30 дней, и она станет другим человеком”.

Что ж, я не знаю, стала ли та женщиной другой, — рассказывает Дороти, — но в течение многих лет я по–

прежнему читаю и перечитываю ее. Это были три основных книги в то время: эта, “Горница” и “Нагорная Проповедь”. Боб продолжал изучать разные направления философий и религий, но он был довольно осторожен в том, чтобы рекомендовать их другим людям, опасаясь, что это может им навредить, — добавляет Дороти. — Если люди спрашивали его, он говорил с ними, но не заставлял читать эти книги».

«У папы было непредвзятое отношение к религии», — говорит Смитти, вспоминая период в их жизни, когда отец водил его и Сью в различные церкви.

Кроме того, доктор Боб любил бывать в католическом приюте в Кливленде. «Он приезжал туда со своей Библией, прихватив с собой лишь пижаму и зубную щетку, и оставался там на выходные», — рассказывает один из АА–евцев.

«Он интересовался людьми, которые заявляли, что они обладают экстрасенсорными способностями, или иными формами спиритического прозрения, — рассказывает Смитти. — Он считал, что по прошествии многих веков наука о сознании шагнет вперед настолько, что станет возможным контакт между живыми и мертвыми».

Этот интерес Док разделял с Биллом Уилсоном и рядом других первых АА–евцев. Все вместе и каждый по отдельности они стремились к мистическому опыту.

Джон и Элджи Р. вспоминают, что в конце 1930–х годов Док часами разговаривал с парнем по имени Роланд Дж., «который верил в самую несусветную чушь, когда это касалось спиритизма. Он мог вас загипнотизировать», — говорит Элджи. Роланд изучил много вер в своих поисках трезвости, но никогда не переставал пить до тех пор, пока не встретил Дока.

«У меня тоже был некий опыт с Роландом Дж., его женой, Доком, Анной и Рут Т. в Толедо, — вспоминает Элджи. — «Однажды ночью у нас был спиритический сеанс, и случилась поразительная вещь: что‑то стало контролировать мое сознание. Я рассказывала Доку о его

отце, который был судьей, а я ведь ничего не знала об этом.

После этого, когда я пришла в себя, Док посоветовал мне держаться подальше от толпы. Он сказал мне, что я довольно восприимчива, и могу войти в своего рода транс, если там будет кто‑либо расстроенный или огорченный. Поэтому долгое время после этого я старалась держаться подальше от толпы, потому что боялась.

Я вспоминаю другой случай, когда мы с Доком и Анной были у Роланда дома. Дело было в воскресенье вечером, в гостиной. Док читал газету, Анна сидела и курила, Роланд сидел в кресле, а Дороти готовила обед на кухне.

Вдруг Анна начала дико вращать глазами, пытаясь привлечь мое внимание. Я перехватила ее взгляд и посмотрела в том направлении. И, Господи помоги мне, но Роланд создал подобие бороды на своем подбородке. Я не поверила своим глазам. Когда он увидел, что я смотрю на него, он сделал так, что она исчезла. Док сидел и просто смеялся. Он считал, что ничего более смешного он в жизни не видел.

«Многие из нас верили в спиритические штучки, — рассказывает Кларенс С. — Мы ходили к Роланду по воскресеньям, по ночам. Он вызывал духов. Спустя некоторое время, это стало несколько пугающим — чересчур, чтобы можно было просто забавляться. Док тоже перестал участвовать».

Смитти соглашается: «Они прекратили походы к Роланду Дж., когда стали ощущать какие‑то нехорошие волны, — говорит он. — Они считали, что это может быть опасным».

Сходное мнение было и среди других акронских АА–евцев. «Они все были против этих спиритических сеансов, — говорит Сью. — Папа начал чувствовать, что его осуждают, и его действительно критиковали. Они этого не одобряли. Но я думаю, что в действительности их просто задевало, что их не приглашали участвовать».

Сью также вспоминает, как однажды встретила Роланда,

который сказал ей: «Я все время слышу звук идущего поезда, когда разговариваю с тобой». «Это одно из моих воспоминаний, — ответила она. — Как я шла вдоль железнодорожного пути со старой женщиной, похожей на бабушку, перед тем как я попала в детский дом. Мне было тогда три года».

Рут Г., жена Эрни Г. из Толедо, вспоминает, что у нее было заболевание, которое она хотела попробовать исцелить с помощью спиритизма, и что доктор Боб «ни разу не попытался разубедить ее. Он даже поддерживал это. Он сказал, что это то указание, которое я получила. И Анна сказала то же самое. И ни разу он не предложил мне вместо этого свои услуги, и не говорил мне, что я должна делать. Он всегда говорил: “Дай Богу шанс”».

«Док и Анна знали, что Рут получает спиритические ответы, — говорит Эрни, — и они делились с ней книгами и другими вещами. Это делало нас ближе друг другу».

«Конечно, мы знали, что у Дока рак, задолго до того, как это стало известно всем», — рассказывает Рут. Я думаю, что он подхватил у меня, потому что мы жили в одном домике в Миннесоте. Мы поехали туда, когда он только об этом узнал. Он сказал: «Я никому этого не говорил, но у меня рак. Я подозревал это, но врачи не могли его обнаружить». Какой‑то молодой врач навестил его и, после того, как расспросил его подробно, был поставлен диагноз.

Некоторое время спустя, однако, Док сказал: “Я думаю, что я нашел ответ для тебя, Рути”. Он узнал о ком‑то еще, у кого было то же самое, что у меня, и о докторе, который делает операции. “Ты не думаешь, что тебе следует попробовать?” Это был первый раз, когда он говорил о чем‑то медицинском, и это было после того, как от меня отказались лучшие доктора в Кливленде. Несколько хирургов сказали мне, что ничего нельзя сделать. Я сказала ему, что мне нужно будет помолиться об этом. Он сказал мне, чтобы я делала то, что мне указано свыше.

Мой врач в Толедо отказался написать доктору в Кливленде, но доктор Боб это сделал, — рассказала Рут. — Он спас мне жизнь».

Доктор Боб также сыграл определенную роль в одном, как минимум, исцелении с помощью спиритизма. Рассказывает об этом Вирджиния МакЛ., сестра Дороти, та, что посоветовала когда‑то Дороти отвезти Кларенса к доктору Бобу в Акрон. (Позже Вирджиния также вступила в АА.)

Дочь МакЛ. — сов, которой тогда было четыре года, была больна с самого рождения. «Я поехала в Кливленд, чтобы положить ее в детскую клинику на операцию, — рассказывает Вирджиния. — Роланду уже удалось излечить некоторых детей, и моя сестра, Дороти, хотела, чтобы я встретилась сначала с ним — и дала ему шанс попробовать сначала спиритическое лечение. Я не верила в такого рода вещи, и считала, что моя дочь слишком серьезно больна. И тут вошел доктор Боб. Тогда я увидела его впервые. На меня он произвел впечатление сразу — он был врач, и он знал, что делает. Встреча с ним все изменила.

Он измерил температуру у моей дочери, и сказал, что она очень больна. Она не могла даже воду пить. Доктор Боб сказал, что он думает, что это спиритическое лечение стоит попробовать. Если оно не поможет, ее все равно можно будет поместить в клинику.

До этого я не встречалась с Роландом Дж. Он спросил меня, верю ли я в успех. Я сказала, что абсолютно не верю в результат. Тогда он сказал, что мне следует пойти в кино, и отвлечься от происходящего, чтобы не было никакого влияния моих негативных мыслей, и у них было бы свободное поле.

Когда я вернулась через два часа, я услышала смех своей дочери задолго до того, как вошла в дом, — говорит Вирджиния. — Затем она обратилась ко мне: “О, мама, нам так весело”. Моя дочь выглядела совершенно здоровой, и

оставалась здоровой с тех пор».

Молитва, без сомнения, была важной частью веры доктора Боба. По рассказу Пола С., «утренняя медитация доктора Боба состояла из короткой молитвы, 20–минутного чтения какого‑нибудь отрывка из Библии и периода тишины, во время которого он ждал указаний, как ему следует использовать свои способности сегодня. Услышав ответ, он ревностно исполнял волю Отца своего в отношении себя».

Элджи Р. вспоминает: «Док говорил мне, что когда у него была операция, и он не был уверен в чем‑то, он молился перед тем, как начать ее. Он рассказывал: “Когда я делал операцию после этого, я не делал ни одного движения, которое было бы неправильным”. Доктор Боб никогда не разглагольствовал о религии, но он был очень религиозным человеком. Когда он в чем‑нибудь сомневался, он всегда молился об этом. Но он никогда не навязывал свои привычки другим. Это было его собственное, личное отношение».

«Он молился не только для своего собственного понимания, но также за многих и многих людей, просивших его, чтобы он за них помолился», — говорит Билл Уилсон.

«Я всегда радовался тому, что он молится также и обо мне, — рассказывает Билл. — В какой‑то мере я зависел от него, ведь он помогал мне попасть в рай. Боб был недосягаемо впереди меня в этой области. Я все время суетился вокруг, объясняя, организовывая и “воспитывая детский сад”. Сам я так и не вырос».

XXVII. Сумерки — болезнь и разногласия

Счастливые годы трезвости Боба были в самом конце омрачены болезнью Анны и ее слепотой. У нее развилась катаракта, которая полностью захватила оба глаза, и поэтому

она больше не могла водить машину. Она уже не узнавала человека на другом конце комнаты и вынуждена была подойти вплотную или услышать его голос, чтобы сказать, кто же это был.

Смитти считает, что любовь его родителей друг к другу в это время проявлялась все больше и больше. Прежде всего, в той заботе, которой они окружали друг друга. А Бетти вспоминает: «Не было ни дня, проведенного с ними, чтобы папа не обнял маму и не спросил: “Ну, как наша любовь сегодня, Анна?”».

Анна перенесла операцию по удалению катаракты на одном глазу. Когда ее поместили в госпиталь, ее единственной просьбой было, чтобы Боба не оставляли одного. Она чувствовала, что он будет скучать и переживать за нее, и беспокоилась о том, чтобы его друзья были рядом.

Операция прошла неудачно, и она не разрешила оперировать другой глаз, которым еще немного видела. «Лучше видеть мало, чем совсем ничего», — сказала она. Смитти вспоминает, что у его матери была большая вера в эту операцию. Позже он спросил ее, почему, по ее мнению, она была неудачной. «Я думаю, это произошло из‑за того, что у меня было *недостаточно* веры», — ответила она.

После этого доктор Боб стал ее глазами, насколько это было возможно. По–прежнему занимаясь медицинской практикой, он не мог быть с ней все время. Он знал, что ей требуется ежедневный уход. Он также знал, что она будет переживать, если почувствует себя для кого‑либо обузой. Решение, которое появилось само, явилось результатом его собственной хорошей работы несколько лет назад.

В 1941 году, еще до того, как слепота Анны стала серьезной, Лавелл К. и его жена Эмма, сертифицированная медсестра, обратились к доктору Бобу за помощью.

«Мой муж был из “второй волны” АА, — рассказывает Эмма, — он работал помощником начальника почты и зашел

уже так далеко, что почти потерял работу. Билл В. Х. уговорил его пойти поговорить с доктором Смитом. Мы думали, что это что‑то вроде обследования.

Доктор Смит был самым изумительным человеком из всех, кого мне доводилось знать. Но если бы вы его не знали и увидели там, сидящим сложа руки, то напугались бы до смерти. Я была просто парализована — таким строгим и сердитым он выглядел. Он потратил всю вторую половину дня, рассказывая нам об АА. Мы были потрясены.

Так мы впервые с ним познакомились. А потом мы стали очень близки. О, какие чудесные это были времена! Если у Доктора была такая возможность, мы все после ланча отправлялись на машине вниз, в долину. Иногда миссис Смит звонила нам и говорила: “Давайте немного прокатимся. Очень жарко сегодня!” Она никогда не садилась на переднее сиденье, даже когда они приезжали за мной, чтобы ехать в город. Лавелл обычно садился вперед. Мы пересекали железную дорогу, ехали вниз, по Пенинсила Роуд, затем по Портаж… Доктор знал абсолютно всех, кто жил в этих красивых домах внизу».

Эмма также вспоминает о щедрости Смитов. После смерти матери доктора Смита миссис Смит сказала ей: «Эмма, я хочу, чтобы ты носила эту цепочку. Эта цепочка принадлежала Матер. Вместо того, чтобы сказать “Матери Смита”, она сказала “Матер”.

Я носила ее целый день и была совершенно счастлива. Потом, на следующий день, я, конечно, принесла ее обратно, но она сказала: “Послушай‑ка. Она тебе нравится, и она подходит к твоему кольцу. Оставь ее себе, и носи, пока я не попрошу ее у тебя.” Она у меня до сих пор.

У меня есть булавка из черного оникса с тремя бриллиантами, подаренная мне доктором Бобом после того, как миссис Смит не стало. У нее были такие красивые бриллианты. Он подарил Бетти — жене Смитти — прекрасный бриллиант, и Сью он тоже подарил очень

красивый бриллиант.

Они постоянно делали что‑то такое. Они не могли не делать добро людям.

Как‑то раз они собрались в отпуск. У них была собака, и они не хотели бросать ее или отдавать в приют. У нас тоже был маленький бостонский терьер. Поэтому однажды доктор Смит приехал к нам, стремительно взбежал по ступенькам и спросил, не хотим ли мы пожить в их доме, пока они будут в отъезде.

Я не хотела. Но мой муж сказал: “Мы им обязаны”, и это было правдой. Этим все было сказано. Так в первый раз мы согласились пожить какое‑то время в их доме. Позже, когда они уезжали, мы просто переезжали к ним до их возвращения».

Таким образом, в течение восьми лет, Эмма и Лавелл время от времени жили в доме доктора Боба. Затем, когда в этом возникла необходимость, Эмма почти непрерывно сопровождала Анну.

«Миссис Смит могла видеть одним глазом, но видела плохо. Ей было трудно ходить, и руки ее опухли и плохо двигались из‑за артрита», — вспоминает Эмма.

«Я иногда думаю о том, что все, кроме меня, называли ее Анной, — говорит Эмма. — Я не могла ее так называть. Я называла ее миссис Смит. Я была с ней каждый день, кроме субботы и воскресенья, в течение трех лет. Конечно, у них была домработница. И доктор был с ней в субботу и воскресенье».

В это время — в 1947–48 годах, еще до того, как доктор Боб узнал о своем смертельном недуге — в Нью–Йорке Билл начал думать о будущем АА. Что будет с Сообществом, когда его сооснователи умрут? Именно Билл и Боб, в основном, связывали попечительский совет и Центральный Офис Обслуживания с группами АА. Билл понимал, для того, чтобы АА могло выжить, совету и офису понадобится моральная и финансовая поддержка групп. И он предложил

Бобу идею о том, чтобы основатели передали группам полный контроль за своей деятельностью, а для этого учредить Всеобщую конференцию по обслуживанию, на которую группы смогут присылать своих делегатов.

Билл считал, что его идея жизнеспособна, но большинство попечителей не хотело подобных перемен. И многие олдтаймеры из Акрона, Кливленда, Чикаго и Нью–Йорка согласились с ними. Точно так же, как члены Оксфордской группы стремились контролировать и руководить делами ранних алкоголиков, те же самые первые АА–евцы, сумевшие отколоться от Оксфордской группы, считали, что они должны руководить делами тех, кто пришел в АА позже.

По–видимому, позиция доктора Боба находилась где‑то посередине. В мае 1948 года он писал Биллу:

«Какими бы желательными ни были многие из этих изменений, я полагаю, что они все равно настанут, но без слишком неожиданных переворотов. Если попечители ошибаются, они сами себя поставят в неловкое положение. Я заинтересован в АА так же, как и ты, но я не на 100 процентов уверен в том, что касается самого мудрого курса, которому мы должны следовать, и наиболее мудрого окончательного устройства. Мне кажется, что в настоящий момент принцип “легко и просто” является самым лучшим курсом, которому мы должны следовать. Может быть, было бы мудрым дать возможность попечителям действовать именно как попечителям, и, возможно, настаивать на том, чтобы они именно так и действовали, и результат может быть достигнут с помощью некоторого внешнего давления. Возражением против этого может являться то, что они могут все сильно испортить, когда попытаются оказать давление. Но они, без сомнения, получат довольно неприятную реакцию со стороны групп, если это произойдет… А пока наберись терпения и помни, что бы ни случилось, мы тебя очень любим. Смиты».

Это было началом, и хотя Билл, по–видимому, выдержал паузу в течение какого‑то времени, настал момент,

когда он понял, что «я должен надавить, чтобы доктор Боб согласился». С другой стороны, были и те, кто считал, что следует надавить на него, чтобы он наложил вето. В результате, доктор Боб оказался под огромным давлением с двух сторон в то время, когда его силы и здоровье начали сильно ухудшаться.

Летом 1948 года, буквально через несколько месяцев после письма Билла, доктор Боб узнал, что у него рак. Он закрыл свой кабинет, прекратил практику и вышел на пенсию, чтобы они с Анной могли спокойно прожить свои последние дни вместе.

Позже, в том же году, после того, как доктор Боб перенес очередную операцию, его навестил Джордж Х. АА–евец из Нью–Йорка и сторонник конференции, Джордж проводил опрос в группах по всей стране об идеях самоуправления. После посещения Акрона он направил Биллу пленку, на которую было записано поздравление от доктора Боба и молодого Смитти.

Как всегда четкий и деловитый в остальном, в отношении своего самочувствия доктор Боб сообщает весьма уклончиво: «Успех операции зависит от того, делается ли она тобой, или же делается тебе».

Смитти говорит: «Прочитал папе хорошую лекцию. Она была столь хороша, что я сам начал ей следовать. А он пока еще нет».

Джордж сообщил Биллу, что доктор Боб уже слег, и врачи предполагают, что жить ему осталось шесть месяцев, не больше. «Лицо у него вытянулось, он теряет вес, и ему трудно ходить. У него бывают хорошие моменты, а потом опять обострения болезни и боли.

Он переусердствовал, когда тут был его сын», — сообщает Джордж. Сейчас вынужден ограничить и число посетителей, и время их визитов. И все же он остается прежним стариной Бобом — подбородок вперед, и не признает того, что он настолько болен, как это есть на самом

деле».

Остальная часть записи содержала деловой отчет. Джордж посвятил большую часть своих комментариев отношению ветеранов в Чикаго, Кливленде и Акроне, которые, как он полагал, были против изменений, «в то время как все остальные Соединенные Штаты — 370 групп, которые я лично посетил — считают, что руководство должно быть передано конференции».

Он сообщал о бытующем среди этих олдтаймеров мнении, что делегаты из Чикаго, Кливленда и Акрона имеют больше прав работать в комитете, чем АА–евцы из других мест. Эти пионеры выступают скорее за совет, состоящий из олдтаймеров, нежели за конференцию, и предпочитают использовать только Шаги, считая Двенадцать Традиций (представленных Биллом в 1946 году в его статье в Грейпвайн) слишком громоздкими.

Мнение самого Джорджа отличалось: «Срок трезвости — это еще не все. Нам следует также учитывать и способность к планированию и прочее.

Боб с Анной уже не молоды, — продолжал он. — Они уже пришли к определенным выводам и не склонны их менять». Полагая, что двумя наилучшими словами, которые он мог бы употребить, характеризуя доктора Боба, являются «педантичный труженик», Джордж отметил, что, тем не менее, Боб обладает «предельной лояльностью. Люди, которых он знал с первых дней, по его мнению, не могут ошибаться».

(Хотя и не в связи с этой конкретной ситуацией, Сью согласилась, что ее отец мог быть другом, «оправдывающим даже ошибки». Упомянув одного или двух людей в Акроне, которые действовали в интересах меньшинства, а не в интересах всей группы в целом, а также одного, занимавшегося какими‑то темными делами, которые могли нанести вред другим АА–евцам, она сказала, что доктор оставался к ним привязан, хоть они и были неправы.)

Джордж сообщал, что мнения доктора Боба формируются под влиянием меньшинства, «чьи идеи извращены»; что у одного из олдтаймеров «отклонение от нормального мышления стало совершенно очевидно в последние два года»; что еще один «использует доктора Боба как инструмент для проталкивания собственных идей и интересов». Одного АА–евца он описал как «Кронпринца», который «рвется к новым титулам и амбициям» за пределами своего городка.

«Оба, и Боб, и Анна, — говорит Джордж, — слишком сильно больны, чтобы требовать от них четких решений, давя на них или устраивая массовые атаки, подобные тем, что происходят сейчас. Мы должны наконец оставить их в покое и дать им дожить отведенные им недели или месяцы жизни».

Джордж предложил: «Вы, Билл и доктор Боб, действительно понимающие друг друга в главном, могли бы сделать что‑то вроде открытого заявления — о компромиссе, заключающемся в образовании временного управляющего совета, с указанием такого списка входящих в него людей, с которым вы оба согласились бы».

Слушая запись, можно различить нетерпение и некий налет снисходительности, смешанные с уважением и заботой, в описании Джорджем доктора Боба. Это снисходительное отношение проявится в дальнейшем в поведении части АА–евцев, что приведет к нарастанию противоречий в АА в течение нескольких последующих лет. Другая часть сообщества занимала аналогичную позицию по отношению к Биллу и «революционерам, которые хотят все взять под контроль».

Скорее всего, Джордж просто не задумывался о том, что в ряду пионеров АА, которые, по мнению доктора Боба, не могут ошибаться, Билл был, вероятно, на первом месте. Что касается нежелания перемен со стороны доктора Боба, возможно, если бы Билл попытался в чем‑то убедить его, это было бы одно, а когда какой‑то «новичок» из Нью–Йорка, — это совсем другое.

Существовало, и до сих пор бытует мнение, что доктор Боб и АА Акрона – Кливленда никогда не были оценены по заслугам «Нью–Йорком» — то есть попечителями и офисом.

«Заслуги доктора Боба не очень‑то признавали в Нью–Йорке, — говорила Эмма К. — Это очень огорчало миссис Смит. Однажды их пригласили туда на обед, и она сказала: “Знаешь, Эмма, там не было никого, кто признал бы заслуги Боба”. Разумеется, в Огайо признавали *только* его. Я знала Билла — его это не задевало. В Нью–Йорке такое же отношение было к Биллу, я полагаю. Хотя допускаю, что это не имело никакого значения ни для одного из них».

Тот обед, на котором «не было никого, кто признал бы заслуги Боба», предположительно мог быть празднованием юбилея Билла в 1948 году. Эл С., председательствовавший на том обеде, вспоминал, как ему в последнюю минуту сообщили, что будут присутствовать Боб и Анна. «Я был так растерян от того, что оба основателя и их жены здесь, что не мог вспомнить его имя. Я действительно запутался во вступлении в тот вечер».

Эмма, которая так часто виделась с доктором Бобом в течение этого периода, критического для будущего АА, говорила о сооснователях: «Они отличались так же, как эти два пальца. Билл имел привычку внезапно менять курс, а доктор Боб говорил: “Послушай, Билл. Погоди, давай обсудим это еще раз”. Билл был давай–давай–давай, а доктор Боб был как бы мягкой педалью.

Да, я очень часто присутствовала при их деловых разговорах. Но мою позицию легко понять. Я чувствовала, что у этих двоих так много общего, им так много о чем нужно поговорить. Я могла зайти, присесть и поговорить с ними о чем‑нибудь незначительном, но чтобы действительно усесться и вмешаться в их разговор… Они всегда так хорошо понимали друг друга. Такие разные, но на мой взгляд, они были больше похожи на братьев, чем на кого‑либо другого».

По мере того как состояние Боба ухудшалось, Билл продолжал требовать от него одобрения и Традиций, и конференции. Вероятно, большинство их дискуссий на эту тему происходило с глазу на глаз и по телефону.

Тем не менее, в феврале 1949 года Билл написал письмо на трех страницах через один интервал, вновь подчеркивая необходимость перевести попечительский совет, Центральное Бюро Обслуживания и Грейпвайн, «со всеми потрохами, под прямую опеку региональных представителей движения АА». Группы уже начали сами заниматься своими делами, писал Билл, и нет резона «плыть против течения; тише едешь — дальше будешь».

Билл Уилсон, после того как узнал о серьезной болезни доктора Боба, начал работать более интенсивно, чтобы защитить будущее АА.

Понимая, сколь значима позиция Боба, Билл завершает свое письмо: «Абсолютно искренне и свято я надеюсь, что ты сможешь и захочешь протянуть нам руку. Твое участие и влияние всем нам крайне необходимо, а в особенности мне. Твое доброе благорасположение и надежная поддержка могут значить все».

Хоть и не впрямую в ответ на письмо Билла, Боб выражает свое отношение в записке от 14 марта 1949 года, где пишет ему: «Довольно сильно болел с тех пор, как ты был здесь… Не думаю, чтобы эта конференция была сейчас самым срочным делом. Возможно, я не прав, но я так думаю. Тебе не кажется, что можно дать парням состряпать этот комитет, и будь что будет? Люблю, Смитти».

(Комитет, о котором идет речь, задумывался как «политический центр» или «генеральный штаб», призванный

помочь АА с публикацией литературы и организацией встреч в период между собраниями попечителей. К июню 1949 года он был утвержден и начал свою работу под названием Центральный Комитет по Обслуживанию.)

Только в 1950 году, на своем последнем большом собрании АА — Первом Международном Съезде в Кливленде — доктор Боб согласился одобрить Двенадцать Традиций. Спустя несколько недель, когда Билл сообщил ему, что попечители, по–видимому, вынуждены будут признать необходимость конференции, Боб, в конце концов, согласился поддержать и эту идею.

Доктор Боб был не единственным АА–евцем из Огайо, чья позиция изменилась. Эд Б. вспоминает, как Билл Уилсон приехал в округ обсуждать конференцию и Традиции. «Билл Д. (АА–евец номер три) был против и был просто взбешен. Он сказал: “Эд, я пойду на это собрание и я скажу Биллу, что я о нем думаю!”

Я пошел с ним, и Билл объяснил суть Традиций и смысл конференции. Он также упомянул, что они с доктором Бобом когда‑нибудь покинут этот мир, и если АА–евцы собираются продолжать, то они должны знать, *что* им предстоит продолжить.

Мы с Биллом Д. слушали это выступление, а затем пошли на ланч. И я спросил: “Ну, Билл, и что ты об этом думаешь?”

Он ответил: “Знаешь, Эд, в этом что‑то есть”.

“Мне тоже так кажется”, — ответил я. Потом мы вернулись назад, чтобы выбрать представителя, и в тот вечер Билл Д. стал первым делегатом от Огайо на Первой Генеральной Конференции по обслуживанию АА в 1951 году».

XXVIII. Без Анны, но с любящими друзьями

В мае 1949 года Боб и Анна отправились в свою

последнюю совместную поездку — в Техас, навестить Смитти и его семью. «Этот Смитти, он был хорошим парнем, — вспоминает Эмма. — Он хорошо относился к своим родителям. Однажды он приехал навестить их, и, конечно же, поехал с отцом в город, в Городской клуб. И Анна сказала: “Эмма, на нем эти старые техасские ботинки. Я думала, я умру!”»

Когда они собирались в эту дальнюю поездку, Анна, а она была очень слаба и измучена, сказала: «Знаешь, Эмма, я совсем не хочу ехать, но *папа* хочет. Надеюсь, его поездка порадует».

Про эту же поездку Боб говорил: «Я совсем не хочу ехать, но *мама* хочет. Надеюсь, ее поездка порадует».

«Обычно она звала его папой, — говорит Эмма, — а он звал ее мамой.

Когда они вернулись, Боб позвонил мне рано утром и попросил приехать. Он сказал: “Маме нехорошо”. Оба мы знали, что она серьезно больна. И мы отвезли ее в госпиталь Св. Томаса. Она прожила шесть или семь дней».

Сестра Игнатия помнит, как доктор Боб позвонил и попросил место для Анны. Вылет их самолета надолго задержали из‑за шторма, и у Анны началась пневмония, за которой последовал тяжелый сердечный приступ.

«По приезде в госпиталь мы заметили, что поездка сказалась и на докторе, — говорит сестра Игнатия, — и плюс тревога за свою любимую Анну. Она протянула несколько дней, и, наконец, последний ее час настал». Было это 1 июня 1949 года.

После смерти Анны сестра Игнатия написала доктору Бобу письмо, в котором она отмечала, что как пациентка Анна была образцом спокойствия, и никто от нее не слышал никаких жалоб. «На самом деле она больше беспокоилась о здоровье своих посетителей, чем о своем собственном, — говорит сестра Игнатия. — Даже во время ее последней

болезни, ее огромное терпение, мужество и сила духа были необыкновенными».

«Мне будет ужасно не хватать Анны, — сказал тогда доктор Боб. — Но вряд ли она хотела, чтобы все произошло иначе. Если бы она выжила после этого приступа, она находилась бы в госпитале в течение долгих месяцев. Потом ей пришлось бы находиться несколько месяцев в постели дома. Она ненавидела быть обузой, она бы этого не вынесла».

«Когда умерла мама, папа очень сильно переживал, потому что они были любящей, верной парой, и в то время он уже знал, что ему тоже оставалось недолго жить, — говорит Смитти. — И только после того, как ее не стало, я понял, что эта мудрая, бережная, внимательная и тактичная женщина, готовая воевать и за все то, во что верила, и в защиту своей семьи, была надежным, необходимым отцу фундаментом, благодаря которому он смог сделать все то, что он сделал для АА», — говорит Смитти.

После опубликования сообщения о смерти Анны, личность доктора Боба как сооснователя АА была раскрыта для широкой печати. В публикации, сопровождавшей некролог, акронский журнал «Маяк» писал: «Как жаль, что удивительная работа миссис Смит не получила публичного признания при ее жизни, но она должна была знать о чувстве благодарности в сердцах многих людей, которым она помогла… Акрон всегда будет гордиться движением АА, которое родилось здесь, и будет гордиться замечательной женщиной, которая сделала так много, чтобы помочь этому движению вырасти».

«Папе повезло, что он дружил с замечательной парой, Эммой и Лейвеллом, которые приходили и заботились о нем и о доме после того, как мамы не стало, — говорит Смитти. — Они были для него большим утешением, подбадривали его, когда он горевал, и бережно заботились о нем и о доме».

«Когда умерла миссис Смит, доктор не знал, что делать, — вспоминает Эмма. — Я пошла домой и сказала мужу, что

нам лучше пойти к нему и остаться там на ночь. Мы оставались у него до дня похорон.

Мы прожили у него две или три недели, и он искал домохозяйку. Кандидаты приходили, он садился и беседовал с ними, а потом заходил к нам и отрицательно качал головой.

Нужно было что‑то делать. Он говорил: “Не могла бы ты остаться пожить здесь? Ну, я понимаю, ты не можешь просить своего мужа отказаться от…” Это было несправедливо, и он понимал, что это несправедливо. Его щепетильность была так трогательна. Мы понимали, что нужно что‑то делать.

Однажды ночью — поверьте, в моем теле нет косточки суеверия — мне приснилось, что миссис Смит говорит мне: “Эмма, пожалуйста, не покидай папу”.

А когда Лейвелл проснулся утром, он сказал: “У меня очень странное ощущение. Я не знаю, был ли это сон или что‑то другое, но Анна со мной разговаривала. Мы не можем его оставить”.

Мы все обдумали и обсудили. В тот вечер мы пошли к нему и сказали, что мы откажемся от своего дома, и будем жить у него, если он этого хочет.

Я никогда не забуду выражения лица этого человека. Никогда!»

Таким образом пара, которая однажды пришла к доктору Бобу за помощью, переехала к нему, чтобы провести последние полтора года его жизни с ним. Они отказались от своего дома и жили с ним до тех пор, пока его не стало. Лейвелл, который отзывался о докторе Бобе как о «самом достойном любви человеке из всех, кого я знал», рассказывает: «Я был из людей того сорта, которые считали, что ни один дом не является достаточно большим, чтобы там смогли ужиться две семьи, и из‑за этого мы оставляли за собой нашу квартиру в течение какого‑то времени после того, как переехали к доку. Но я думаю, что человек, который не ужился бы с доктором Бобом, вряд ли ужился бы

с самим собой».

«Один из моментов, причинивших боль, — рассказывает Эмма, — это момент, когда через несколько дней после того, как она умерла, он сказал: “Мы должны подыскать ей надгробный камень. Не могли бы вы поехать со мной?”

Мы проехали несколько кладбищ в разных местах и посмотрели их. Когда мы остановили свой выбор на кладбище Маунт–Пис, я сказала: “Вы, конечно, хотите, чтобы на памятнике было что‑нибудь об АА?” — и он ответил: “Спасибо, нет”».

Это было время, когда члены АА думали о памятнике Анне и Бобу. Более того, уже начался сбор средств. Услышав об этом, доктор Боб сразу же попросил, чтобы деньги были возвращены, и выступил против того, чтобы Сообщество устанавливало Анне и ему самому какие бы то ни было мемориалы или памятники. Он сказал Биллу: «Давай мы с тобой будем похоронены так, как все остальные люди».

Доктор Боб видел, что его собственное заболевание прогрессирует с каждым днем. Он знал, что его болезнь была злокачественной и неизлечимой, и принял ее со смирением и без негодования. Он не чувствовал ожесточения по отношению ко врачам, не сумевшим поставить диагноз раньше. «Почему я должен их винить? — говорил он, — возможно, я сам допустил множество смертельных ошибок!»

В те моменты, когда болезнь не укладывала доктора Боба в постель, и не нужно было ложиться в госпиталь на очередную операцию, он старался жить настолько нормально, насколько это было возможно, и наслаждаться жизнью настолько, насколько он мог. После смерти Анны они с Диком С. (братом Пола) полетели на Западное побережье и возобновили старые знакомства.

По возвращении из Калифорнии Дик написал Биллу, что у них было «просто замечательное путешествие, и Боб действительно воспрял духом», и что когда они возвращались из Лос–Анджелеса, он выглядел лучше, чем в течение многих

месяцев. Вернувшись домой, доктор Боб собрался даже поехать в город, чтобы постричься, но в воскресенье «пришли эти друзья–благожелатели — особенно один, который гостил четыре часа, и чуть не свели его с ума.

В понедельник Боб лег в госпиталь Св. Томаса, не то, чтобы что‑то серьезное, а просто отдохнуть, — рассказывает Дик. — “Я решил тебе рассказать все, как есть на самом деле. А то вдруг до тебя дошли слухи, что доступ посетителей ко мне уже закрыт, и ты испугался до смерти, когда узнал об этом”».

Эмма рассказывает, что после смерти Анны к ним приходило очень много людей навестить доктора Боба, и в большинстве своем они были оптимистами и старались подбодрить его. «Многие приезжали из других городов, и очень много тех, кто жил неподалеку, в Акроне, — говорит она. — И не было момента, чтобы у нас не стоял букет цветов. Никогда!»

Она все же упоминает одного «хорошего друга, который сидел и пытался рассказывать доктору Бобу: “Это так, это так, а это вот так”, — ну, и доводил доктора Смита до… короче, тот просто не знал, о чем говорит этот человек в половине случаев.

Был еще один АА–евец, который приходил к доктору Бобу каждый день. Они играли в игру, ставкой были пол–доллара. Однажды он пришел, а доктор никого не принимал. “Мне придется сыграть за него”, — сказала я. И, Боже милостивый, я выиграла! Я никогда в жизни не выигрывала. Я пошла наверх и сказала ему, что этот парень был здесь, и он спросил: “Ты сыграла с ним, Эмма?” И я сказала: “Да, вот ваши пол–доллара”.

Когда приходили АА–евцы, они обычно сидели на кухне, где все могли пить кофе, — рассказывает Эмма. — Вы видели эту фотографию в книге “АА взрослеет” — я подавала Дику С. чашку кофе, когда нас сфотографировали. Я подала не один галлон кофе на той кухне».

После возвращения из Калифорнии, Боб с Диком посетили родительский старый дом в Вермонте, а затем поехали в Мейн. Куда бы доктор Боб ни поехал, всюду АА–евцы окружали его вниманием и заботой. Он говорил об этом: «Иногда эти хорошие люди делают для меня слишком много. Мне становится неловко. Я не сделал ничего такого, чтобы заслужить это. Я был всего лишь инструментом в руках Бога».

Вернувшись домой, доктор Боб уделял время общению с друзьями, получая удовольствие от того, что он мог для них сделать. В промежутках между серьезными приступами он восхищался кулинарными способностями Эммы. По ее воспоминаниям, он не любил горячую еду. Он не пил кофе, если тот был слишком горячим. Когда они ходили на собрания в Королевскую школу, он ставил пять чашек кофе на полочку на кухне, чтобы кофе остыл.

«И он не любил жевать, — рассказывала Эмма. — Если бы все было так, как он хотел, он ел бы мясную запеканку каждый день. Он спрашивал: “Эмма, что у нас будет сегодня?” Я ломала голову, стараясь придумать что‑нибудь, что могло бы его соблазнить. И говорила: “Я думаю, я приготовлю то‑то и то‑то”. “Хорошо, а можно завтра у нас будет мясная запеканка?” Честное слово, мой бедный муж не съел и пары запеканок после того, как не стало доктора Боба. Я не могу есть ее до сих пор.

Он так любил красную малину! У него был сосед, который, бывало, приносил ему в сезон четыре–пять кварт. И он говорил: “А ты знаешь, как ее нужно есть?” Я отвечала: “Разумеется, знаю. Ее нужно посыпать сахаром”. “Это неправильно, Эмма”. И брал самую большую суповую тарелку, насыпал малину доверху, заливал водой со льдом, а затем добавлял сахар.

Мы с Лейвеллом задумали купить телевизор, но я слышала, как доктор говорил, что он ему не нужен. И тем не

менее, мы его спросили. “Что ж, — сказал он, — полагаю, если вы купите телевизор, труба в вашем распоряжении. Можете на нее антенну поставить”.

Но он в него даже не заглядывал. Был как‑то вечером курьезный случай. Мы с мужем смотрели телевизор, а он улегся на своей длиннющей тахте в другом конце комнаты и читал газету. Я случайно взглянула на него и, на тебе, он поверх газеты тихонько смотрит телевизор. Попался! Я рассмеялась. А он лишь виновато улыбнулся. В тот день показывали отличные соревнования по борьбе, а он был сам не свой до нее. Он сазал: “Давайте посмотрим борьбу сегодня вечером”. И я ответила: “Только при одном условии — что Вы пойдете наверх и хорошенько вздремнете после ланча”. И он согласился».

А потом доктор Боб приобрел кабриолет, черный Бьюик Родстер. Он обожал машины, и в течение жизни у него их было множество. Но эта была его самой любимой, «машина, о которой я всегда мечтал».

«Как‑то раз мы все сидели в гостиной, — вспоминает Лейвелл, — он вдруг вскочил и пошел к телефону. “Добрый день, Русс. Доктаа Смит, дом 855 на Аадмау. Да, я видел в объявлении, что Вы продаете кабхиолет. Привезите его посмотреть, привезете?”

В назначенное время машина приехала, — рассказывает Лейвелл. — В тот день доктор не мог выходить из дома, и он сказал: “Аберкромби, не мог бы ты переобуться и немножко прокатиться?” Когда я вернулся, он спросил меня, как она урчит. Я сказал “о’кей”, и это решило дело. Он сел и выписал чек».

Друзья до сих пор помнят, как он носился по улицам города в кабриолете с откинутым верхом. «Он был самым ужасным водителем в Акроне, — говорит Эмма. — Он платил кучу штрафов за нарушение парковки и превышение скорости. Когда он садился в родстер, он просто летал».

Смитти соглашается: «Чем старше он становился, тем

бесшабашнее ездил. С ним страшно было ездить».

«Каждый день после ланча, когда был в состоянии, он уезжал на ней поиграть в карты в Городском Клубе», — рассказывает Эмма. — Я говорила: “Пожалуйста, не надевайте эту старую кепку”, а он отвечал: “О, Эмма, это такой стиль”. Я могла проверять по нему часы, когда он возвращался. Он врывался на нашу улицу, подъезжал к самому дому, резко давил на тормоза и скользил… Он действительно был нечто — просто как маленький ребенок».

В то время доктор Боб еще продолжал ходить на собрания АА в Королевскую школу. Анни С. вспоминает, как кто‑то спросил его тогда: «Неужели Вы должны ходить на все эти собрания? Почему бы Вам не посидеть дома и не поберечь силы?»

Доктор Боб немножко подумал над вопросом и ответил: «Первая причина состоит в том, что это работает. Зачем рисковать и пробовать что‑то другое? Вторая причина в том, что я не хочу отказывать себе в роскоши знакомиться, встречаться и общаться с друзьями–алкоголиками. Это доставляет мне удовольствие. И третья причина является наиболее важной. Я являюсь частью этого собрания и присутствую на нем ради тех новых мужчин или женщин, которые могут войти в эту дверь. Я являюсь живым доказательством того, что АА работает, пока я остаюсь в АА, и я должен передать это новичкам, которые придут сюда. Я являюсь живым примером».

У доктора Боба, наконец, появилась машина, о которой он мечтал — с откидным верхом, как он всегда хотел.

XXIX. Последний год

АА–евцы вспоминают, что доктор Боб не пропускал ни одного собрания в Королевской школе вплоть до своего последнего выступления в Кливленде, в июле 1950 года. «Понимаете, — говорит один АА–евец, — его отсутствие бросалось в глаза. Смотришь на стул, на котором он обычно сидел, — а тот пуст».

«После их смерти я так много думал о докторе Бобе и Анне, что просто не мог ходить в Королевскую школу, — говорит Билл В. Х. — Я привык видеть их сидящими там. И то, что я не мог больше видеть там Дока, просто разрывало мне сердце, ведь он так много значил в моей жизни. Он всегда говорил что‑нибудь очень важное. Я проделывал чертовски длинный путь, чтобы послушать его».

Очень долго никто не садился на место доктора Боба. И, наконец, какой‑то новичок, который не знал ничего, сел туда, и никто ему ничего не сказал. Наверное, случилось то, что и должно было случиться.

В конце, когда доктор Боб готовился к смерти, оставалось три дела, которые он хотел сделать: еще раз съездить в Сент Джонсбери; съездить в Техас на Рождество; и еще он хотел присутствовать на Первом Международном Съезде АА в Кливленде.

Шло время, приближался день Съезда, и доктор Боб начал все больше и больше экономить силы. Друзья считали, что ему не следует даже пытаться ехать туда.

«Он не мог даже сидеть прямо, — вспоминает Эмма. — В полдень я сказала ему:

— Доктор, пожалуйста, не надо Вам туда ехать.

— Я просто должен туда поехать — ответил он».

Эл С., АА–евец из Нью–Йорка, повез доктора Боба в Кливленд. «Все, что он сказал, было: “Я устал. Пожалуйста, извините меня, если я помолчу”, — вспоминает Эл. — Я не думал, что он все это выдержит».

Там были тысячи людей. Кто‑то вспоминает, как волны любви, исходящей от АА–евцев, казалось, придавали

силы доктору Бобу; кто‑то о том, как он схватился за бок во время своего выступления. (Во время последнего выступления Билла на Съезде, 20 лет спустя, были люди, заметившие сходство обстоятельств.)

Это было короткое выступление. Большинство людей помнят его совет стараться сохранить простоту, и довольно часто цитируют его, чтобы подчеркнуть какую‑то свою точку зрения. Но доктор Боб сказал намного больше, и то, что он сказал о Двенадцати Шагах, в толковании не нуждается:

«Дорогие мои друзья в АА и вне АА, с моей стороны было бы просто бессовестно не воспользоваться возможностью приветствовать вас здесь, в Кливленде, и не только тех, кто присутствует на этой встрече, но и тех, кого нет сегодня с нами. Я очень надеюсь, что присутствие такого большого числа людей, а также те слова, которые вы здесь услышите, воодушевят вас — и не только вас самих, но, я надеюсь, вы сможете донести и передать это воодушевление всем тем парням и девчонкам у вас дома, которым не посчастливилось так, как вам, приехать сюда. Другими словами, мы надеемся, что ваш приезд будет и приятным, и полезным.

Меня охватывает сильное волнение, когда я смотрю на огромное море лиц с чувством, что, возможно, крошечный вклад, который я внес много лет назад, сыграл хоть какую‑то бесконечно малую роль в том, чтобы сделать эту встречу возможной. Меня также охватывает глубокое волнение, когда я думаю о том, что у всех у нас была одна проблема. Мы все делали одно и то же. Мы все получили одинаковые результаты, пропорциональные нашему усердию, энтузиазму и преданности. Если вы простите мне небольшое личное отступление, то позвольте мне сказать, что я провел в постели пять из последних семи месяцев, и мои силы не вернулись ко мне в той мере, в какой мне бы этого хотелось, поэтому мое выступление будет вынужденно коротким.

Есть две или три вещи, которые пришли мне в голову, и которые заслуживают того, чтобы обратить на них немного больше внимания. Одна из них — простота нашей программы. Давайте же не терять ее в поисках фрейдистских комплексов и прочих вещей, интересных с научной точки зрения, но имеющих очень мало общего с нашей действительной работой по программе АА. Наши Двенадцать Шагов, если их сконцентрировать до предела, можно выразить словами “любовь” и “служение”. Мы понимаем, что такое любовь, и мы понимаем, что такое служение. Поэтому давайте хранить в памяти эти две составляющих нашей программы.

Давайте также помнить о том, чтобы быть осторожными с этим коварным инструментом, нашим языком, который может ошибаться, и если мы говорим что‑то, то пусть в наших словах будет доброта, внимание и терпимость.

И еще одно. Сегодня никого из нас здесь не было бы, если бы кто‑то не потратил время, чтобы объяснить нам все это, дружески похлопать по плечу, сводить нас на пару собраний, и не сделал бы множество других маленьких добрых дел для нашей пользы. Поэтому давайте никогда не доходить до такой степени ограниченного самодовольства, когда мы не захотели или поленились бы донести до наших менее счастливых братьев эту помощь, оказавшуюся столь полезной для нас. Большое спасибо, благодарю вас».

Когда он закончил, стало очевидно, что напряжение голоса, с которым он произнес свою короткую речь, отняло у него последние силы. Как он ни старался, но вынужден был покинуть сцену. В оцепенении тысячи глаз наблюдали за тем, как он спускался в зал.

«Это было чудовищной мукой для нас с Лейвеллом, сидеть там и наблюдать за ним, — рассказывает Эмма. — Мы знали, что каждый вздох давался ему с трудом. Его выступление было прекрасно. Он не стал садиться в зале, когда закончил. Он ушел. Мы выбрались оттуда как можно

быстрее. Я была ужасно напугана. Я думала, а вдруг ему станет плохо. Но мы добрались домой почти одновременно с ним, и он вновь выглядел вполне нормально».

Эл С., который вез доктора Боба назад в Акрон, говорит: «Одно это усилие стоило ему столько, что он мог только полулежать, откинувшись назад, совершенно обессиленный. Он буквально отдал всего себя».

Эл, который в то время был редактором журнала Грейпвайн и принял большое участие в выпуске памятного номера, посвященного доктору Бобу (январь 1951 года), сказал позже об основателях следующее: «Без направляющих усилий Билла, АА не было бы вообще. Без уравновешенности Боба, кто знает, каким бы оно было?»

«Я никогда не слышал раньше, как папа произносит речь перед большой аудиторией, — вспоминает Смитти. — Мы с Бетти были в Кливленде. После этого съезда, хотя здоровье папы и ухудшилось, мы отвезли его в Вермонт, где провели около недели.

Там папа встречался с друзьями детства и старыми приятелями, и вообще замечательно провел время. Это была поездка, от которой мы с Бетти не отказались бы ни за что на свете, поскольку это была хорошая возможность поговорить с папой. Нам был интересен его религиозный опыт, и у нас у обоих были вопросы, на которые он помог найти ответы».

Перед отъездом в Вермонт Боб спросил Лейвелла, на какой из машин он хочет поехать в отпуск. «Мне и в голову не приходило взять хоть какую‑то», — ответил Лейвелл.

«Возьмите кадиллак, — сказал Боб. — Вдвоем вам будет в нем удобнее. А мы возьмем родстер».

«Мы толковали об этом и так, и сяк», — рассказывает Эмма. «И когда приехал Смитти, Лейвелл сказал: “Смитти, не давай ему этого делать. Кадиллак такой просторный. Он сможет и прилечь там, и ноги вытянуть. А в бьюике он ничего такого не сможет”.

Их не было десять дней. И нас тоже, в основном мы были в Вирджинии. В последний день перед возвращением я ужасно дергалась, и Лейвелл спросил меня: “Тебе неспокойно?” А я спрашиваю: “Тебя тоже?” И он ответил: “Да, думаю, нам надо ехать домой”.

Домой мы вернулись после обеда. Около трех или четырех часов подъехал кадиллак. И когда этот святой человек пошел по дорожке к дому и взглянул на светящиеся окна, мне пришлось отвернуться и уйти на кухню, потому что я не могла сдержать слез. Он так боялся, что мы еще не вернулись».

Сразу по возвращении доктор Боб лег в госпиталь Св. Томаса на одну из небольших операций, которые, казалось, бесконечной чередой шли все эти последние годы. Потом он вернулся домой, под присмотр Эммы и Лейвелла.

Это было в начале сентября, а он прожил до середины ноября. «Затем боль стала просто нестерпимой, — рассказывает Эмма. — С каждым днем ему становилось все хуже. А он уже видеть не мог этот госпиталь! Но вновь потребовались процедуры, которые нельзя было сделать дома. Мы должны были отвезти его, и он собирался пробыть там не больше суток. А потом мы бы его забрали.

Были у нас хорошие дни, были дни плохие. Я помню, как‑то он провел в постели шесть недель. Иногда ему приходилось делать по пять–шесть уколов в день. И он всегда благодарил:

— От всей души спасибо тебе.

— Спасибо мне? Вот за такое?

— Да, именно.

Он всегда был худым, с самого детства. Но дошло до того, что все, что у меня оставалось, это кусочек кожи на его икре, чтобы вставить иглу. И он никогда не жаловался.

Моя спальня была наискосок от спальни доктора. Бывало, он сидел на краю кровати и курил. Затем он оглядывался по сторонам, продолжая сидеть на кровати. А я думала: “Бедный

ты, бедный, как же ты сможешь уснуть?”

Он никогда не говорил нам, что у него что‑то болит, но не могло быть иначе. Я знаю, что ему было больно лежать в постели. Боль опоясывала. Начиналась она от предстательной железы. Если бы они обнаружили опухоль на два года раньше, они могли что‑то сделать. Но во время обследования они не там взяли образец на биопсию. Но он никогда не роптал об этом. Он говорил, что любой мог промахнуться.

Да, он был борец. И он любил бокс. Не берусь сказать, хорошим он был боксером или нет, не знаю. Были у нас старая боксерская перчатка и старый собачий ошейник — ошейник их первого бульдога — висевший на кровати миссис Смит. Он всегда там висел. Я не убрала бы его ни за что.

Вы знаете, было какое‑то глубокое чувство дружелюбия, позволявшее часами сидеть с ним рядышком и ни о чем не говорить, а ведь он мог вместить море мудрости в одно предложение. Но иногда он устраивал настоящие разговорные пиршества. Говорить он мог часами. Когда он выговаривался полностью, он забывал об этом.

Я могла подняться к нему за чем‑нибудь, а он был еще в кровати и говорил: “Ау, Эмми, брось‑ка все свои дела. Сядь, поговори со мной”. И он говорил, говорил, говорил — о вещах, которые были выше моего понимания. Но я слушала.

Иногда мне нужно было уйти, чтобы сделать прическу, и он терпеть не мог, когда я уходила. Однажды, когда я пришла домой, он спросил: “Эмма, тебе завтра нужно куда‑нибудь идти?” Я сказала, что нет. “О, я так рад, что ты будешь дома”. Затем я рассказала об этом мужу, и он пошутил: “Ты надулась от гордости, как старая жаба”. Мне это было приятно. Мне в самом деле это было очень приятно.

Да, конечно, это была ответственность. Но нам обоим было очень приятно думать, что Смитти и доктор Боб доверяли нам и считали, что мы можем быть с ним и знаем

обо всем, что необходимо для него сделать. И мы гордились тем, что могли это делать, потому что он спас жизнь моему мужу.

Он знал, что его ждет, но не впадал в меланхолию. О, ходит так много гадких сплетен о нем — что ему давали слишком много таблеток, и все такое, когда он был в госпитале. Но его сознание оставалось настолько же ясным, как ваше или мое, до самого конца. Вечером, накануне его смерти, я сделала химическую завивку, и мой муж сказал: “Ну как, доктор Боб, что вы думаете об этой новой прическе, которую вам придется теперь терпеть?”

“Смотрится отлично, — сказал он. — Оставь ее в покое.” Никогда никому не позволяйте болтать, что он не соображал, о чем говорил тогда!»

В эти последние месяцы Генриетта Сейберлинг навестила доктора Боба: «Боб, и тебя, и меня в один прекрасный день ожидает большое путешествие», — сказала она ему. «Его вера была потрясающей, — говорит она. — Они с Анной делали все возможное в том, что касалось их духовного роста. Они были абсолютно к этому готовы, когда умерли».

Доктор Том Скудери, который знал доктора Боба с 1934 года, вспоминает один свой разговор с ним, когда тот лежал в госпитале. «Он сказал: “Я скоро уйду, чтобы встретиться со своим Создателем. Я этого не боюсь”».

Анна С., которая также знала доктора Боба даже до начала его трезвости, вспоминает, что он говорил о смерти очень легко: «“Вы говорите о смерти так, как я говорю о послеобеденной поездке домой, — сказала она ему однажды. — Ни страха, ни эмоций, ничего. Как это возможно?”

— Анна, — ответил он, — ты когда‑нибудь бывала в аэропорту и наблюдала, как взлетают самолеты?

— Много раз, — ответила она.

— Какое‑то время самолет виден, и вот его уже не видно, — сказал он. — Но это не значит, что он растаял или исчез. Он просто нашел другой горизонт. Это то, что я думаю

о смерти. Я найду новый горизонт».

Прежде, чем уйти в иной мир, доктору Бобу оставалось еще доделать одно незавершенное АА–евское дело. Касалось это обещанной конференции АА — в некотором роде его и Билла завещания тысячам сегодняшних АА–евцев, и тем, кто еще придет.

В воскресенье, перед тем как Док лег в госпиталь, как оказалось, в последний раз, Билл в очередной раз посетил дом 855 по Адмор — дом, в котором он чувствовал, как «безмерная благодать излилась на меня с самого моего первого визита». Билл помнит, как он говорил доктору, что «даже если мы оба не станем ничего делать в этом направлении, и будем продолжать играть в молчанку, это все равно будет нашим действием… Все будут считать, что текущие дела идут в соответствии с нашим полным одобрением».

Билл полагал, что «нам все равно придется созвать конференцию, даже если в первый раз она будет неудачной. Нужно дать делегатам движения возможность приехать в Нью–Йорк и посмотреть, как же на самом деле идут дела у АА в мире. А потом уже они смогут решить, брать им на себя эту ответственность, или не брать. И тогда это будет решением самого движения, а не решением, принятым в тишине доктором Бобом и мною…

В конце концов, он посмотрел на меня и сказал: “Билл, это *должно* быть решением всего АА, а не нашим. Давай созовем эту конференцию. Я согласен”.

Спустя несколько часов я уехал от доктора Боба, зная, что на следующей неделе ему предстоит очень серьезная операция. Никто из нас не решился сказать того, что было у нас в душе. Мы оба знали, что это может оказаться последним решением, которое мы принимаем вместе. Я спустился по лестнице, и затем обернулся, чтобы взглянуть на него. Боб стоял в дверях, высокий и прямой, как всегда. Небольшой румянец вновь вернулся на его щеки, и он был аккуратно одет

в легкий серый костюм. Это был мой партнер, человек, с которым мы не сказали друг другу ни одного плохого слова. Милая, широкая знакомая улыбка была на его лице, когда он сказал почти шутливо: “Помни, Билл, давай не потеряем все это. Давай сохраним его в простоте!” Я отвернулся, будучи не в силах сказать ни слова. Это был последний раз, когда я его видел».

«В последний раз, — говорит Эмма, — мы отвезли его в Городской госпиталь, и им пришлось потрудиться немного больше. Мы пришли к нему туда в среду вечером, и он просил меня забрать его домой. И я сказала: “Если вам разрешат — тогда конечно”. Он хотел, чтобы я оставалась с ним, но я не могла.

На следующий день, примерно в 11 часов я собиралась пойти в госпиталь, а потом подумала: “Подожду, пока Лейвелл вернется”. Затем позвонили из госпиталя и сказали, что мне лучше приехать немедленно. Мне пришлось ждать такси… И Сью тоже не успела приехать вовремя. Он умер.

Он видел свои ногти. Они были синими — от цианоза, когда кровь перестает течь. И он знал. Он сказал: “Позвоните моей семье. Это конец”. Он знал это. И он знал это накануне вечером, когда он просил, чтобы мы забрали его домой.

Мне было так плохо, оттого, что я думала, что не успела. Но врач сказал мне: “Не пытайтесь его вернуть, как бы Вам этого ни хотелось. Он мог в любой момент умереть от удушья. Это было у него в горле”».

Вот так 16 ноября 1950 года доктор Боб ушел из жизни к «новому горизонту».

«Я вернулся в Акрон на похороны, — рассказывает Смитти. — Очень много его старых друзей пришло к нему в похоронный зал. Все они были ему очень благодарны, потому что считали, что он им помог. Это был очень важный опыт для меня».

Похоронную церемонию проводил в Епископальной Церкви Доктор Вальтер Танкс, чей ответ на телефонный

звонок Билла 15 лет назад привел к первой встрече Боба и Билла. Доктор Боб был «похоронен как обычные люди», на кладбище Маунт–Пис. Рядом с ним его Анна, так же, как и в течение многих лет. Более чем простой надгробный камень, и никакого монумента.

Никакого монумента?

Посетив могилы доктора Боба и Анны, Билл не обнаружил ни большого мемориала, ни упоминания об АА — только «простой надгробный камень».

12 шагов АА

1. Мы признали свое бессилие перед алкоголем — признали, что потеряли контроль над собой.
2. Пришли к убеждению, что только Сила более могущественная, чем мы, может вернуть нам здравомыслие.
3. Приняли решение препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу, *как мы Его понимали.*
4. Глубоко и бесстрашно оценили себя и свою жизнь с нравственной точки зрения.
5. Признали перед Богом, собой и каким‑либо другим человеком истинную природу наших заблуждений.
6. Полностью подготовили себя к тому, чтобы Бог избавил нас от наших недостатков.
7. Смиренно просили Его исправить наши изъяны.
8. Составили список всех тех людей, кому мы причинили зло, и преисполнились желанием загладить свою вину перед ними.
9. Лично возмещали причиненный этим людям ущерб, где только возможно, кроме тех случаев, когда это могло повредить им или кому‑либо другому.
10. Продолжали самоанализ и, когда допускали ошибки,

сразу признавали это.

11. Стремились путем молитвы и размышления углубить соприкосновение с Богом, *как мы понимали Его* , молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого.

12. Достигнув духовного пробуждения, к которому привели эти шаги, мы старались донести смысл наших идей до других алкоголиков и применять эти принципы во всех наших делах.

12 традиций АА

1. Наше общее благополучие должно стоять на первом месте; личное выздоровление зависит от единства АА.

2. В делах нашей группы есть лишь один высший авторитет — любящий Бог, воспринимаемый нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании. Наши руководители — всего лишь облеченные доверием исполнители, они не приказывают.

3. Единственное условие для того, чтобы стать членом АА, — это желание бросить пить.

4. Каждая группа должна быть вполне самостоятельной, за исключением дел, затрагивающих другие группы или АА в целом.

5. У каждой группы есть лишь одна главная цель — донести наши идеи до тех алкоголиков, которые все еще страдают.

6. Группе АА никогда не следует поддерживать, финансировать или предоставлять имя АА для использования какой‑либо родственной организации или посторонней компании, чтобы проблемы, связанные с деньгами, собственностью и престижем не отвлекали нас от нашей главной цели.

7. Каждой группе АА следует полностью опираться на собственные силы, отказываясь от помощи извне.

8. Содружество Анонимных Алкоголиков должно всегда оставаться непрофессиональным объединением, однако наши службы могут нанимать работников, обладающих определенной квалификацией.

9. Содружеству АА никогда не следует обзаводиться жесткой системой управления, однако мы можем создавать службы или комитеты, непосредственно подчиненные тем, кого они обслуживают.

10. Содружество Анонимных Алкоголиков не придерживается какого‑либо мнения по вопросам, не относящимся к его деятельности; поэтому имя АА не следует вовлекать в какие‑либо общественные дискуссии.

11. Наша политика во взаимоотношениях с общественностью основывается на привлекательности наших идей, а не на пропаганде; мы должны всегда сохранять анонимность во всех наших контактах с прессой, радио и кино.

12. Анонимность — духовная основа всех наших Традиций, постоянно напоминающая нам о том, что главным являются принципы, а не личности..

Некоторые важные даты

1879 *8 августа* : родился Роберт Холбрук Смит

1898 Боб стал выпускником Академии в Сент Джонсбери

1902 Боб стал выпускником Колледжа в Дартмуте

1910 Боб получил степень Доктора Медицины в Университете Раш

1912 Доктор Боб начал медицинскую практику в Акроне

1915 *25 января* : женился на Анне Рипли

1933 Начал посещать собрания Оксфордской группы, чтобы справиться со своим алкоголизмом

1935 *12 мая* : доктор Боб встретился с Биллом Уилсоном

10 июня : доктор Боб выпил в последний раз; начало АА

1937 Будущие участники приезжают в Акрон из

Кливленда

Ноябрь : доктор Боб и Билл поняли, что началась «цепная реакция»; участники АА в Акроне согласились с необходимостью книги

1939 Алкоголики проводят собрания в Детройте; образована группа в Янгстоуне

Апрель : «Анонимные Алкоголики» (Большая Книга) вышла из печати

11 мая : первое собрание АА группы в Кливленде (независимо от Оксфордской группы)

Август : доктор Боб и сестра Игнатия начинают лечить алкоголиков в госпитале Св. Томаса

Сентябрь : начала работать группа в Чикаго

Октябрь : статьи об АА в *«Plain Dealer»*

Ноябрь–декабрь : АА в Акроне отделились от Оксфордской группы, начали проводить собрания в доме доктора Боба

1940 *Январь* : у группы в Акроне появился новый дом в Королевской школе

Сентябрь : первое собрание АА группы в Толедо

1941 *1 марта* : статья об АА в Saturday Evening Post

Кливлендские АА отмечают День Доктора Смита

1942 Доктора Боба и Билла обвинили в получении доходов от Большой Книги

1948 *Декабрь* : последнее большое выступление доктора Боба в Детройте

Лето: доктор Боб обнаружил, что у него рак; вышел на пенсию и прекратил медицинскую практику

1949 *Март* : доктор Боб считал идею конференции АА преждевременной

1 июня: умерла Анна Рипли Смит

1950 *28–30 июля* : Первый Международный Съезд АА в Кливленде; доктор Боб в последний раз появился на большом собрании АА; одобрил Двенадцать Традиций и Конференцию АА по Обслуживанию

16 ноября : доктор Боб умер

Декабрь : статья в «Грейпвайн» (подготовленная ранее), подписанная обоими, Биллом и доктором Бобом, рекомендующая учредить Центральную Конференцию АА по Обслуживанию

Источники

Следующие сокращения используются в этом разделе:

AA «Анонимные Алкоголики» (Большая Книга)

Age «Анонимные Алкоголики взрослеют» (книга)

Alexander «Статьи Джека Александера» (брошюра с перепечатанной историей из «Saturday Evening Post»)

C Кассета или другой вид записи

Co‑F «Сооснователи Анонимных Алкоголиков» (брошюра, включающая последнее большое выступление доктора Боба, 1948 г.)

Farewell «Прощальное выступление доктора Боба» (брошюра с отрывками из его последнего выступления в 1950 году; полностью доступна на кассете и на полной распечатке кассеты)

GV AA Грейпвайн (Grapewine, ежемесячный журнал АА)

L Письмо

T Напечатанные материалы, включая распечатку магнитофонных записей

12 & 12 «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций» (книга)

Материалы из архивов АА обозначены буквами (в круглых скобках), которые указывают доступность каждого источника, определенного Центральным Советом АА по Обслуживанию и его Комитетом по архивам, следующим образом:

(A-1) Общие — открытые для публики

(B) Закрытые — доступ к ним требует разрешения и одобрения Комитета по архивам

(C) Конфиденциальные — не доступны, в течении определенного периода времени или при определенных условиях

Ссылки на книги АА, брошюры и журнал АА Грейпвайн сопровождаются номерами страниц этих публикаций. Цитаты из Библии приводятся из издания под редакцией Кинга Джеймса, если не указано другое.

Страница	**Ссылки**
10	[illegible]

10—12	
12	
12	

12—13	
13	
13—14	

14—15	
15	
16	

	1, 1 4
17, 18	6, 7, 1 9 7 6
19	4, 1 7 4
19	1,

	1 (/ 9 / 5 8 (1
19_20	((1)
20	(, 7 , 1 9 5 4 (1

20	
20, 21—22	
22	
23	

	0 / 9 / 5 8 0
24—25	0 0
25	0 ,
25,2	,

6 — 27	
27	
27	
2	

7	
28	
28	

28—29	
29	
29—30	

30	
30_33	
34	

	8
34	C , 7 , 6 A 7 4 C I \ 1
35 — 38	C , 7 , 1 9 5 4 C I \ 1
3	A

9	
39_40	
40_42	

42—43	
43	

Стран	

ица	**и**
73	**С**
73—74	**С**
74—75	**С**
76	**А**

76	
77	
77—78	

78_80	
80_81	
81	

81—82	
82	
8	

2	
83	
83_86,87_88	

9C, T, 1977(B)	
90—91	C, 1 9 7 5 (
92—93, 93—95	1 4 4 - 1 4 6

C, T, 1954(B)	
95	C, T, 1954(B)
95—96	C, T, 1954(B)

96—97	
97	
97—98	

98_99	
99	
99_1	

00	
100_102	
102	
1	

02—104	
104	
104—105	
10	

5 — 107	[illegible]
108	[illegible]
109	[illegible]

109—110	C, I, 1 9 1 1 (I
112—113, 114—115C, T, 1	1 5 4

954(B)	
115—116	C, T, 1955(L)
116—119	C, T, 1955(L)
119	C,

121	,
122—123	, ,
123—124	,

Страница	
159—161	
162	

16Z_163	(,,,

4	)
164	(, 7, 1 9 5 4 ( )
164	(, 7 ( )
165	(, 7,

165, 166	
166	
166	

	1/5, 1, 4, 7, 8
167, 168	1, 6/4/3
168	6, 7, 1

168_169	
169	
169_170	

171—172	
172	
172	

172	
172—174	
175	

175	
175—176	
1	

76	, , , / , (
176 _ 177	, , , , (
177	, , , , (

177—178	[illegible]
178—179	[illegible]
179—180	[illegible]

1 8 0 — 1 8 1	
1 8 1	
1 8	

1	
182	
182	

1 8 2 — 1 8 4	C , T , 1 9 1 1 (L)
1 8 5 — 1 8 8 , 1 8 9 C , T , 1 9 5 4 (B	2 1 6 , 2 1 7

)	
1 8 9	((I `
1 8 9 — 1 9 0	(, 1 9 7 (I `
1 9 0	((I `

190—191	

Страница	
219	

	1
219	1
220_221	0
2	0

21	, , ,

221	
222	

	0 9 ; 1 , 1 4 1 5
2 2 2	0 1 9 / 0 5 , 2 0
2 2 2 — 2 2 3	0 , 7 , 1 9 5 4 0 1

223, 224—225C, T, 1977(B)	2 6 1
225—226	C , 7 / 5 / 7 5 (

226	[illegible]
226	[illegible]
226	[illegible]

227	
227, 228—230C, T, 1977	

(B)	
231	
231_238	
240	

240—241	
241	
241	

241	
241_242	
242_243	

243	
243	
243,	

244	,
244	,
244	,

244—245	(, 7/5/7 5 ( )
245	(, 7, (/7 4( )
245—246	(, 7( )

246	

246, 247	,
247—248	,
248	,

248—249	
249	

Страница	
290	
290	

290—291, 292C, T, 1977(B)	[illegible]
293—294	[illegible]

294, 296	[illegible]
296	[illegible]

297	[illegible]
297	[illegible]

297_299	( )) `
300	(, ` , ) ) `
300_302	) ( ) `

302	[illegible]
302	[illegible]
302	[illegible]

302—304	
307	

307—308	
308	

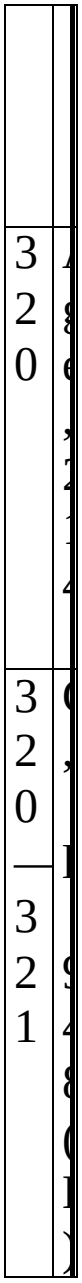
308	
309	
309	
309	

309	6,7,1
309_311	6,7,1

311_312	
312	
312_31	

3	
313_314	
314	

316, 317	[illegible]
317—318	[illegible]
319—320	[illegible]



ДОКТОР БОБ И СЛАВНЫЕ ВЕТЕРАНЫ

Сдано в набор 01. 02. 2008. Подписано в печать 11. 03. 2008. Формат 60 x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Лазурский. Печать офсетная. Печ. л. 22 1/2. Тираж экз. Заказ

Отпечатано в Чебоксарской типографии № 1 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Оставить отзыв о книге

Все книги автора